

ДРУГИЕ
МИРЫ

18+

Алина Лис

МАГ И ЕГО КОШКА

Другие миры (АСТ)

Алина Лис

Маг и его кошка

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лис А.

Маг и его кошка / А. Лис — «АСТ», 2017 — (Другие миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-100387-6

Когда тебе несколько сотен лет, вокруг уже ничего не удивляет – надоело. Какой смысл в огромной магической силе, если в мире для тебя нет равного противника? Остается только одно – искать развлечений, шагая через хрупкие человеческие жизни. А когда человеку, за чей счет ты хочешь развлечься, всего шестнадцать, исход схватки предопределен. И юная девушка, что мечтала о свободе и любви, получает рабский ошейник и возможность оборачиваться кошкой. Казалось бы, легкая победа. Но твоя победа может обернуться поражением, ведь даже у могущественных магов есть сердце.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100387-6

© Лис А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Часть первая. Изнанка гордыни	6
Глава 1. Роковое озеро	6
Глава 2. Ловушка на охотника	16
Глава 3. Птица	29
Глава 4. Узник Кровавой башни	40
Глава 5. Пожиная плоды	49
Глава 6. В катакомбах Церы	56
Глава 7. Клятва	69
Глава 8. Пляска Змея и Паучихи	80
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Алина Лис

Маг и его кошка

© А. Лис, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть первая. Изнанка гордыни

Глава 1. Роковое озеро

Элвин

Знал бы, что все так закончится, – объехал бы проклятое озеро стороной.

Но я не знал. И в тот день было жарко. Слишком жарко. К полудню земля раскалилась так, что воздух дрожал от зноя. Не спасал даже призванный ветер – сырой, пахнувший влажными туманами Рондомиона.

Когда сквозь ветви оливковой рощи блеснула вода, я обрадовался и направил лошадь к берегу.

У водоема меня поджидал сюрприз. Под ближайшим деревом лениво пощипывала траву лошадь, а в озерце плескалась девушка.

Я осадил коня и залюбовался открывшимся зрелищем. Она была прелестна. Роскошные пряди каштановых волос почти скрывали полные груди с розовыми ягодками сосков, но ничуть не мешали наслаждаться видом стройной талии и крутой линией бедер. Жаль, остальное скрывала вода – уверен, ножки у девицы тоже загляденье. Не старше шестнадцати, невысокого роста, слегка пухленькая, с нежной кожей изумительного сливочного оттенка. Широко расставленные глаза и чувственные губы придавали ей вид одновременно невинный и донельзя соблазнительный. Округлые щечки с ямочками только усиливали сходство с ребенком, и оттого контраст невинного выражения лица и красивого женского тела, не скрытого покровом одежды, казался особенно возбуждающим.

Девушка увидела меня, ее глаза расширились от испуга. Взвизгнула, попробовала беспомощно прикрыться руками, потом метнулась, уходя глубже в озеро, прячась от нескромного взгляда.

– Немедленно отвернитесь! – потребовала она.

– И не подумаю, – ответил я, наслаждаясь ее смущением ничуть не менее, чем открывшимся раньше прелестным зрелищем. – Местные пейзажи хороши, но даже они не идут ни в какое сравнение с вашей красотой... сеньорита?

– Франческа... – ответила девушка и тут же зажала рот ладонями.

Я расхохотался. Воспитание сыграло с юной красоткой злую шутку. Ноздри девушки раздувались от гнева, она продолжала метать в меня возмущенные взгляды, молчаливо ругая себя за оплошность. Аристократка остается аристократкой, даже стоя обнаженной, по горло в воде. А в том, что моя очаровательная собеседница знатного рода, сомневаться не приходилось. Породу и воспитание не спрячешь.

– Рад знакомству, сеньорита Франческа, – я спешил, шутливо поклонился и снял шляпу. – Мое имя Элвин.

– Вы негодяй!

– Пожалуй, – охотно согласился я. – Ваша матушка не предупреждала вас, что столь юной особе небезопасно путешествовать одной? На дорогах полным-полно негодяев, и, уверяю, я далеко не самый страшный из них.

С этими словами я отвел в сторону и привязал рвущегося к воде коня. Она все так же стояла по шею в озере, скрестив руки на груди. Совершенно напрасно – солнце так играло на водной глади, что мне все равно ничего не было видно с берега.

Посмотреть на красивую обнаженную женщину всегда приятно, но это зрелище мне, мягко скажем, не внове. Сейчас куда больше пикантности ситуации добавляли смущение и негодование девушки. Откинь она их – я бы сразу потерял интерес.

– Я не выйду!

– Значит, будете сидеть там, пока я не уеду.

– Вы – негодяй!

– Вы это уже говорили.

– Вы... вы... – Ее воспитатели совершенно не озаботились тем, чтобы обучить юную подопечную непристойностям, и сейчас малышка испытывала определенные трудности с подбором слов.

– Да, это все еще я, сеньорита. И я думаю провести здесь пару часов. А может, и заночевать.

Вместо того чтобы разреваться или в очередной раз сообщить, что я негодяй, девица вдруг уставилась на что-то за моим плечом. На ее лице засияло неподдельное облегчение.

Возможно, это спасло мне жизнь.

Повинуясь интуиции, я дернулся влево. Над ухом свистнул клинок. Я отпрыгнул, рука потянулась к поясу, чтобы обнаружить там только кинжал-дагу. Шпага осталась притороченной к седлу.

Мой противник меж тем зарычал и снова пошел в атаку. Я выругался, уклонился и перебросил кинжал в левую руку.

Напавший был совсем еще юнец – невысокий, смуглый, черноволосый и черноглазый – тонкая щеточка ухоженных усиков и мелкая бородка не делали его старше, хотя он явно гордился этими признаками принадлежности к мужскому роду.

Двигался он отлично и фехтовал куда лучше меня. Сумей мальчишка сохранить трезвую голову, приключение могло бы закончиться печально. Однако он был разъярен, что давало некоторый шанс на победу.

Я знал: если пылкий юнец будет достаточно ловок, я останусь гнить под голубым небом Вилесс. Возможность такого исхода делала нашу схватку по-настоящему увлекательной.

Удары падали справа и слева, я еле успевал уворачиваться. Разница в длине оружия сводила на «нет» мое преимущество от ведущей левой руки. Я азартно уклонялся, проводил финты и обманные атаки, пытаюсь подобраться к противнику поближе. Очень хотелось победить, не прибегая к магии.

Несколько минут он гонял меня по полянке. Девица при этом выкрикивала что-то подбадривающее и хлопала в ладоши. Короче, все трое получали свою толику удовольствия. А потом мне просто не повезло. Нога поехала по скользкой траве, и вместо изящного вольта я взмахнул руками и завалился на бок.

Я медленно сел. Дрожащее острие шпаги покачивалось перед глазами.

– Проси прощения у лучшей из женщин, которую ты оскорбил своим похотливым взглядом, мерзавец, – воззвал мальчишка патетично, будто выступал на подмостках захудалого театра.

Разве можно так бездарно переигрывать? Я поморщился и, словно в зеркале, поймал тень своего неодобрения на лице Франчески.

– Столько пафоса! Моему чувству меры только что нанесен сокрушительный удар. А как ощущает себя ваше, лучшая из женщин? – обратился я к девушке. Она в этот момент как раз выходила из озера, вся в дрожащих на солнце капельках воды. Прикрываясь руками, торопливо натянула исподнюю рубаху. Намокшая ткань немедля обрисовала изгибы тела. Восхитительное зрелище!

– Заткнись и не смей на нее пялиться, ты... – взбесился юнец. Лезвие клинка уперлось мне в горло и прокололо кожу. Я почувствовал, как капля крови скатилась вниз по шее.

Слишком близко. Опасно. Если он внезапно решит ударить, могу и не успеть поставить щит. Я улыбнулся. Ради одного этого стоило заехать к озеру.

В ответ на угрозы захотелось подразнить черноусого идиота. Что я и не преминул сделать, обратившись к девушке:

– Я ведь здесь не просто так, сеньорита Франческа. Меня послали за вами.

Это был выстрел наугад. Нервозность в поведении парочки наводила на мысль, что они опасаются погони.

– Я велел тебе заткнуться!

– погоди, Лоренцо.

Франческа подошла, на ходу затягивая шнуровку. Платье на ней было простое, темно-зеленое, из добротной немаркой ткани. Такие носят горожанки средней руки. Однако беглый взгляд на руки девушки подтвердил мою догадку о ее знатном происхождении. Белые, ухоженные ручки с ровно остриженными ногтями и никаких мозолей.

Она обласкала юнца восхищенно-нежным взглядом – тот расцвел. Мне достались гневно сведенные брови.

– Кто ты такой? – настойчиво спросила она. – Тебя послал мой отец?

– Да, – наугад сказал я и был вознагражден выражением неподдельного испуга. – Сеньорита, он готов все простить.

– Вранье, – неуверенно сказал Лоренцо. – Герцог просто не успел бы...

– Он беспокоится о вас и просит вернуться, – продолжал я, отметив про себя этого «герцога».

– Заткнись!

– Сеньорита, я не вру, – я продолжал вдохновенно импровизировать, ориентируясь по карте, что чертили мне движения ее глаз, бровей и губ. – Герцог просил передать, что сожалеет о размолвке.

– Я не вернусь.

– И куда вы поедете? И с кем? Вы же понимаете, что этот шут не сможет вас защитить. Или обеспечить вам жизнь, к которой вы привыкли.

– Кого ты назвал шутом?!

Но мне уже удалось завладеть ее вниманием целиком. Мысленно я заключил сам с собой пари, что сумею уговорить девушку бросить любовника (готов был поклясться, что черноусый недоросль приходился ей именно любовником, а никак не братом или другом) и уехать со мной.

– Герцог обещал, что наказания не будет. Правду о вашем исчезновении удалось скрыть, ничья репутация не пострадает.

– Смотри на меня! Отвечай, когда с тобой разговаривают! – не выдержал мальчишка. Я снова не обратил внимание, и тогда он, белый от злости, унижения и страха потерять возлюбленную, отвесил мне пощечину.

Мне. Пощечину.

Да еще в присутствии красивой женщины.

– Зря ты это сделал, – очень ровным от ярости голосом сообщил я, опуская ладонь на клинок. – За такое в моей семье убивают.

Раз – и мальчишка, вскрикнув, уронил покрытое изморозью оружие себе под ноги. Два – я вскочил, каблук мимоходом опустился на лезвие, шпага сломалась с легким хрустом, как сухая ветка. Три – рука вцепилась ему в горло, чуть пониже челюсти. Я был так зол, что сумел оторвать наглеца от земли, почти не прибегая к магии.

– Извиняйся, – потребовал я, глядя ему в глаза. – Или умрешь.

Юнец не был трусом. Несколько секунд он дергался, безуспешно пытаясь разжать мою хватку. Девушка завопила возмущенное «Лоренцо!» и повисла на моей руке. Я раздраженно оттолкнул ее и опустил мальчишку на землю, одновременно посылая короткий морозный импульс сквозь пальцы. Больно и прекрасно остужает горячие головы. Пусть любитель бить пленных подумает о своем поведении, а потом продолжим воспитательную беседу.

Я не собирался его убивать. Только унижить, отплатив за оскорбление. Но все пошло не так.

Он рухнул на землю, разевая рот, словно выброшенная на берег рыба. Скрюченные пальцы вцепились в камзол с левой стороны груди. Вторая рука бестолково скребла землю.

Врожденный порок сердца или иная похожая болезнь. Проклятье, мальчишкам с хлипким здоровьем надо сидеть дома, а не задиравать проезжих магов! Юнец хрипло выдохнул, дернулся и замер. Я упал на колени рядом, изо всех сил вцепился в его тонкие запястья. Тело выгнулось дугой, когда из моих рук, пытаясь снова запустить остановившееся сердце, хлестнул поток силы. Бесполезно. Исцеление – не мое призвание.

Безжизненные глаза смотрели в небесную синь над Вилессами.

Я выругался. Черноусого идиота было жалко. И я так и не успел добиться от него извинений.

– Лоренцо! – крик девушки отвлек от созерцания трупа.

– Я же предупреждал. Есть вещи, которые нельзя оставлять безнаказанными, – сообщил я с досадой.

Она бросилась на меня молча, даже не подумав прихватить дагу, что валялась рядом. Мелькнули безумные серые глаза, скрюченные пальцы. Рывок был столь силен и внезапен, что я не устоял, и мы покатались по траве.

Франческа извивалась и шипела, как бешеная кошка. С немалым трудом я сумел все же оторвать ее левую руку от горла. Правой она расцарапала мне щеку. Целилась в глаз, но не попала.

– Ты, ты! – наконец прорвало ее. – Лоренцо! Убью!

– Не надо убивать Лоренцо, я уже сделал это.

Она зарычала и снова попыталась выцарапать мне глаза, но я наконец сумел навалиться на нее и перехватить запястья. Полный лютой ненависти взгляд подсказал лучше всяких слов – оправдываться бесполезно.

Да я и не собирался.

– Честное слово, милая, ты же видела. Надо было просить прощения, пока я был добрый.

Она взвыла, выгнулась подо мной, словно одержимая, из которой изгоняют бесов, и вдруг разразилась бурными рыданиями.

Когда женщины плачут, они отдаются этому занятию всем существом, а значит – можно расслабиться. До следующего приступа ярости.

Я отпустил ее и встал. На душе было паскудно. Да, в нашей семье не принято спускать оскорбления от людишек, по меркам любого из Стражей смуглый обладатель усиков вполне заслужил такой конец. Но осадок все равно был, и довольно гадкий. Если уж я убиваю, предпочитаю делать это осознанно.

К тому же возникла еще одна проблема. Девушка осталась без спутника и защитника. Без денег и связей. Сбежавшая от отца, наверняка опозоренная. Участь, ждавшая ее, была незавидна – содержанка в лучшем случае. А скорее шлюха.

И что теперь с ней делать? Начиная игру, я рассчитывал на веселое приключение, не более.

Нет, конечно, это все были ее проблемы, не мои. Но при взгляде на рыдающую Франческу мне стало жалко девушку. В некотором роде я ощутил себя ответственным за ее судьбу.

По мере того как рыдания утихали, в ее глазах снова разгорался полный неукротимой ярости огонь. Я решил ей помочь. Пусть выплеснет все сразу.

– Ну не плачь. – От примирительного хлопка по плечу сеньорита вздрогнула. – Кто станет плакать о парне с такими дурацкими усами?

Этого хватило, чтобы вызвать еще один приступ ярости, более короткий и снова закончившийся слезами.

Пока девица рыдала, я напоил коня. У поворота к озеру увидел еще одну лошадь – судя по всему, принадлежавшую покойнику. Сначала она диковато косилась и всхрапывала, но стоило достать из сумки яблоко, как лед недоверия был сломлен.

С лошадьми в поводу я вернулся к Франческе. Она закончила рыдать и теперь просто сидела над трупом – бледная и опустошенная.

Наверное, в ее глазах произошедшее выглядело как циничное, хладнокровное убийство. Что же, если оставить в стороне всякие сопли о «я не хотел», именно таковым оно и было.

– Итак, сеньорита, – намеренно бодро объявил я. – Остается один немаловажный вопрос. Что мне делать с вами?

– А? – Глаза пустые, на щеках засохшие дорожки от слез. – Разве ты не должен доставить меня к отцу?

– Неа. Я солгал.

Третий приступ ярости совсем исчерпал ее силы.

– Сеньорита, – я ухватил ее за подбородок и заставил взглянуть в глаза. – Вы не ответили в прошлый раз. Что мы все-таки будем делать с вами?

– Делай что хочешь. Мне все равно.

– Ну что же. Тогда прошу в седло. Вас подсадить?

В этот раз Франческа подчинилась без звука.

* * *

– Куда мы едем? – спросила она через полчаса бодрой трусцы.

Предчувствуя поток обвинений, я вздохнул. При других обстоятельствах путешествие в обществе красивой знатной женщины могло стать по-настоящему приятным.

– До заката еще почти два часа. Успеем добраться до таверны. Люблю ночевать в комфорте. К тому же по вине твоего мертвого дружка я так и не успел искупаться.

– А потом? Куда ты меня везешь?

– В Кастелло ди Нава, милая.

Ее плечи поникли:

– Ты же сказал, что соврал насчет отца.

– А я и соврал. Однако оставлять тебя одну на дороге как-то нехорошо. Всякое может случиться. Со слов твоего любовника...

– Он был моим мужем! – перебила меня Франческа.

– О, даже так? Ну, тогда я оказал тебе большую услугу. Не надо благодарить. Нет-нет, убивать меня тоже не надо. Мы это уже пробовали. Тссс, Франческа, дорогая, не нервируй лошадь, еще немного – и она понесет. Если ты при этом упадешь и сломаешь шею, это будет не моя проблема. Итак, со слов твоего... хммм... мужа получалось, что ты дочка ни много ни мало целого герцога. Я рискнул предположить, что вы только-только сбежали из-под родительского крылышка, а ближайшее владение принадлежит герцогу Рино.

– Ненавижу тебя! – прошептала она и пришпорила коня.

* * *

К вечеру она уже совершенно пришла в себя и весь ужин, не притрагиваясь к пище, сверлила меня злым взглядом. Это раздражало. А пуще того раздражало чувство вины из-за нелепой смерти этого мальчишки – ее мужа, пусть я бы скорее еще раз убил парня, чем признался в этом.

И отдельно раздражала грязь в трактире. Где были мои глаза, когда я решил свернуть именно сюда?

Когда в углу, попискивая, проשמыгнула крыса, я резко отодвинул тарелку:

– Что вы на меня так смотрите, сеньора? Пытаетесь применить магию, чтобы я рассыпался прахом?

– Я твоя пленница?

– Пленница? Нет, конечно, – это предположение показалось мне даже оскорбительным. – Что за причудливые фантазии? Разве я тебя связал или набросил на голову мешок? Разве мы не сидим в людном трактире?

– Тогда зачем ты взял меня с собой?

– Просто решил помочь. Путешествовать в одиночку для женщины небезопасно. Но если хочешь избавиться от моего общества, достаточно просто намекнуть. Не имею привычки навязывать благодеяния. Будь осторожна: разенские дороги, тем более на границе меж герцогствами, небезопасны, – я поднялся.

– Куда ты?

– Мне не нравится в этой дыре. Думаю поискать гостиницу попрличнее. Но ты можешь остаться, если хочешь.

Если Франческа не дура, будет играть по моим правилам. Я не собирался тащить девушку за волосы до родительского дома, выслушивая всю дорогу, какой я подлец и мерзавец.

Я успел дойти до двери, когда она все-таки не выдержала:

– Погоди!

– Вы что-то еще хотели, сеньора?

– У меня нет денег, – выдавила она. – Кошелек остался у Лоренцо.

– Это твои проблемы, дорогая. Хочешь, чтобы я оплачивал еду и комнаты, а заодно защищал тебя от нежелательного внимания, – едешь со мной. Нет так нет. Тебе решать.

Она могла отказаться. Что-то подсказывало мне: она точно откажется. Но, похоже, девочке пришла в голову какая-то мысль, потому что лицо ее прояснилось, а затем она взглянула сверху вниз и высокомерно процедила:

– Хорошо.

Но тут уже я решил развлечься:

– Что значит «хорошо» в контексте нашего маленького спора, сеньора? Озвучьте, будьте любезны.

И так было ясно, но хотелось услышать это из ее уст. Имею право на маленькие радости, раз уж я сегодня такой хороший и бескорыстный.

Франческа скривилась, словно я заставил ее съесть лимон:

– Хорошо, я поеду с тобой.

– Разве так просят? Немного уважения и вежливости. Попробуй еще раз.

Она не устроила спектакля с выцарапыванием глаз или оскорблениями. Смирненно опустила взгляд и попросила взять ее с собой. Как подменили. Куда только подевалась дикая кошка, что была здесь пятью минутами раньше?

– Тогда пойдете искать гостиницу, сеньора.

И чем я недоволен? Разве не этой покорности я только что добивался?

* * *

Герцог Рино оказался еще нестарым мужчиной. Его голову с ежиком темных, вопреки разеннской моде коротко остриженных волос, украшали глубокие залысины. Уши забавно оттопыривались, однако внимательные глаза цвета стали и бульдожья челюсть скрадывали комическое впечатление. Невысокий, гладко выбритый, плотный, больше за счет мускулов, чем жира, он, вероятно, умел заставить считаться с собой одним своим присутствием.

О нем говорили как о мудром политике, сумевшем укрепить изрядно расшатавшееся после череды неудачников, пьяниц и дураков у власти герцогство. Он слыл человеком жестким и даже порой жестоким, но нельзя было отрицать, что Умберто Рино – дар для своей земли. За двадцать лет, что герцог цепко держал в руках символ власти, Рино из нищего, обложенного данью края расцвело в мощный, лишь номинально находящийся под протекторатом Разеннской империи округ. В основном, конечно, за счет торговли местными винами и красилен вдоль русла Эраны.

Со слов моего брата Мартина, сейчас отношения между Рино и Разенной напряжены, как никогда. Он даже предрекал войну, которая, скорее всего, закончится для герцогства печально, но пока все было тихо и край процветал.

В данный момент мы с Франческой стояли в приемной зале замка Каstellо ди Нава, перед полноправным хозяином окрестных земель.

И он выглядел не слишком-то счастливым.

Стоило нам предстать перед герцогом, как девица пыталась меня оговорить, обвиняя в разбойном нападении и только что не в насилии. Я запоздало понял, что именно ради этой возможности она поступилась гордостью и согласилась вернуться домой в моем обществе.

Ну а с чего бы мне ждать иного? Она хотела мести и была в своем праве. Хорошая попытка. Не вина Франчески, что герцог оказался слишком зол из-за побега, поэтому с первых же слов грубо велел дочери заткнуться и дальше слушал только мою версию событий.

– ...Лоренцо ударил меня по лицу, я убил его за это. А позже, узнав, что Франческа – ваша дочь, решил оказать вам услугу и препроводить сеньориту... то есть, простите, сеньору, домой, – закончил я свой рассказ и слегка поклонился.

– Сеньора, значит? – тяжело спросил герцог и посмотрел на дочь в упор. – Ясно.

Потом, после паузы:

– Что же. Брака с Альваресом не будет, ты добилась своего. После такого... кому ты нужна, потаскуха? – И он вдруг закричал, теряя контроль: – Вон! Убирайся!

Девушку как ветром сдуло. Рино грузно откинулся в кресле и прикрыл глаза. Я дал ему пару минут, потом демонстративно откашлялся.

– Ты? – в голосе правителя слышалось глухое ворчание. Так озлобленный пес предупреждает, что к нему лучше не подходить. – Ждешь награду?

– Вообще-то нет, ваше великолепие. Я здесь, можно сказать, по делу. У меня для вас рекомендательное письмо от его величества Ансельма Третьего.

Он принял из моих рук свиток и хмыкнул над сломанной печатью.

– Ты читал его?

– Трудно было удержаться. Грешен, страдаю любопытством.

Я прочел его еще на середине пути от скуки и был разочарован, не найдя ничего крамольного.

Не зря молва славил Умберто как человека неглупого и выдержанного. Вместо того чтобы вспылить, он развернул свиток и углубился в чтение.

Я ждал, разглядывая гобелены на стенах с вытканными батальями или назидательными религиозными сюжетами. Один мне даже понравился. На нем первосвященник Андрий усекал хаотическую тварь, в которую превратилась его жена, с помощью святого слова и здоровенной пики. Мастеру определенно удалось выражение садистской радости на лице святого.

Герцог закончил чтение, откинулся в кресле и смерил меня гораздо более внимательным взглядом, чем при первом знакомстве.

– Ты – брат эрцканцлера Мартина курфюрста Эйстерского?

– К несчастью. Мы оба понять не можем, как могла случиться такая досадная глупость.

– Ансельм просит оказать тебе подобающее гостеприимство.

– Знаю. Я читал письмо.

– Он также просит оказать тебе всяческое содействие в твоих, – он сверился с письмом, словно забыл, – поисках. Каких?

– О, сущие пустяки. Ничего такого, что бы потребовало внимания вашего великолепия. В последнее время я увлекся историей магии. В свитках, хранящихся в королевской библиотеке Вальденберга, я встретил упоминания, что часть рукописей по интересующему меня вопросу была выкуплена вашим почтенным предком. Так что для содействия вам достаточно дать мне доступ в фамильную библиотеку.

– Ты маг?

– Как видите.

Причин говорить «нет» у него не было. Если отношения Разенны и Рино и впрямь настолько испортились, сейчас герцог совсем не в том положении, чтобы отказывать могучему северному соседу в ерундовой, по сути, просьбе. Однако Умберто медлил, чувствуя подвох.

– «Манеры его несносны, а характер – вспыльчив, так что велите верным вам людям держаться подальше от лорда Элвина, если не хотите их лишиться», – зачитал он.

Я усмехнулся, вспоминая последний разговор с братцем Марином.

– Элвин, прекрати убивать моих людей.

– Знаешь, как ни смешно это произносить, но они вроде как меня вызвали. Я всего лишь защищался.

– Ага, – Мартин скептически ухмыльнулся. – А луна сделана из зеленого сыра.

– Если вассалы твоей марионетки так носятся со своей честью, пусть отточат языки острее, чем шпаги.

– Если ты посадишь на цепь свой сарказм, им не придется этого делать. Честное слово, мне иногда хочется подарить тебе кляп.

Я пожал плечами:

– Подари.

– Ты ведь это специально? Не просто от скуки или ради развлечения?

– Не буду отрицать очевидного.

– Зачем?

– Думаю, я оказал тебе услугу. И мир, определенно, стал чище после похорон.

Мартин устало растер лицо руками. Иллюзия сползла, осыпалась подсохшим песком. Исчезла седина из чуть волнистых темных волос и бровей, ушли морщины с бледной кожи и тяжелые мешки под серыми глазами, похудели щеки. То же вытянутое лицо, лицо маркграфа Эйстерского – острый нос, узкий подбородок, тонкие губы привычно кривятся в недовольной гримасе, но обладателю его на двадцать лет меньше, словно Мартин глотнул мифического эликсира молодости.

Брат перевел взгляд на свои руки, вздрогнул и единым движением снова накиннул личину.

– Чтоб тебя гриски взяли, Элвин! Твой неуместный приступ идеализма обойдется мне недешево. Почему ты никак не хочешь понять, что мир не крутится вокруг твоих желаний?

– Потому что он крутится. Точнее, я как Страж способен заставить его крутиться. Да и ты тоже.

– Если бы, – Мартин мрачно вздохнул. – Чем больше я занимаюсь политикой, тем больше понимаю, как много вещей невозможно контролировать.

– Чем больше я занимаюсь политикой, – в тон ему ответил я, – тем больше меня тошнит. Чувствую себя монашкой в борделе.

– Тогда уезжай. Покинь Прайден. Я так много вложил в него. Не могу смотреть, как ты все разрушаешь.

Слышать от него такое было неприятно, тем паче что я долгое время честно старался быть полезным, преодолевая брезгливость. Заниматься политикой, если ты не властолюбив, нетерпим к чужому идиотизму, да еще и склонен к злым шуткам, тяжело, но я разделял веру брата в призвание Стражей менять мир к лучшему. Насколько я вообще способен хоть во что-то верить.

Я не знал, станет ли мир лучше только от того, что в нем будет главенствовать стабильный и сильный Прайден. Но других идей все равно не было, поэтому когда Мартин попросил помощи, с радостью согласился.

Что же, политика из меня не вышло. Так же, как не вышло солдата, художника и примерного семьянина. Должно быть, все мои таланты относятся исключительно к области разрушения.

– Ты сам меня пригласил.

– Верно. Дурак был, правда? Надеялся увлечь. Как будто забыл, что ты до сих пор как ребенок.

Вообще-то из нас двоих младше был как раз он. На пару месяцев, но все же.

– Очень взрослое занятие – играть в войну и созидание цивилизаций.

– Я лишаю тебя наследства. И отрекаюсь.

– Тоже вариант. Это заткнет злопыхателям глотки. Хочешь, чтобы я совсем уехал?

– Да. Уедешь?

– А что мне за это будет?

– Что ты хочешь?

– А ты как думаешь?

Вопрос действительно был глупым. Мартин раздраженно побарабанил пальцами по краю стола.

– Хорошо-хорошо. Я отдам тебе Горн Проклятых. Может, так будет лучше. Ему не место в имперской сокровищнице. Только умоляю, будь осторожнее. Эта игрушка опасна.

– Так трогательно видеть проявление братской заботы. Не волнуйся. Я пока не настолько сошел с ума, чтобы садиться в прогнившую посудину, набитую проклятыми мертвецами. Кстати, еще мне нужно рекомендательное письмо для герцога Рино, которое обеспечивает доступ в фамильную библиотеку.

Брат восхищенно выругался:

– Ты, сукин сын! Ты заранее спланировал все это?

– Его величество сгустил краски. Как видите, я – сама кротость. А что до дуэлей, так вам ли не знать, как важна для мужчины возможность защитить свою честь. Или честь дамы.

– Что же, лорд Элвин Эйстер. Буду рад видеть вас гостем в моем доме. – Рино дернул шнур, вызывая слугу. – Распорядись о комнатах для лорда Элвина и его слуг, – приказал он.

– Только для меня. Предпочитаю путешествовать налегке и в одиночестве.

Я не нанимаю слуг среди людей. Люди в большинстве своем трусливы, лживы и подлы, но это полбеда. Хуже, если повезет наткнуться на кого-то честного и умного. Потому что люди еще слабы и смертны. И живут до смешного короткий срок.

Если герцог и удивился, то виду не показал:

– Тогда пришлите к нему кого-нибудь из замковой службы.

Глава 2. Ловушка на охотника

Франческа

Я знала, что легко не отделаюсь. Поняла еще с первого взгляда на его лицо. Когда мы стояли в приемной зале, а отец не дал сказать и слова.

Сначала я даже не испугалась. Сначала была злость оттого, что отец не стал меня слушать – я так мечтала всю дорогу домой, как он прикажет повесить убийцу Лоренцо, репетировала свою речь, а отец просто велел мне заткнуться.

Страх пришел позже, когда он повысил голос. Все в Кастелло ди Нава знают: если уж герцог начал орать – быть беде.

Никогда не видела его в такой ярости.

Скверное предчувствие оправдалось с лихвой – он выдрал меня плетью. Да так, что несколько дней я не могла ходить. Даже сидеть не могла, только лежать на животе.

Обычно он порет меня розгами или ставит на горюх. Это тоже довольно больно, но не идет ни в какое сравнение. К тому же раньше наказания удавалось хранить в тайне. В этот раз я кричала так, что почти сорвала голос. Кажется, весь замок в курсе подробностей моего побега, возвращения и последующей расправы.

Это так унижительно, что у меня просто нет слов. И слуги, еще вчера ходившие перед госпожой на цыпочках, сегодня ухмыляются мне в лицо.

Сплетники! Мерзкие сплетники!

Я хочу спрятаться, уйти от мира, закрыться и не выходить из своих покоев. Пусть болтают, что вздумают, у меня нет желания бороться с этим.

Но я – Франческа Рино. У меня есть обязанности.

Поэтому я задираю нос и хожу с видом наследной принцессы, втрое строже обычного спрашиваю со слуг за их работу по дому и раздаю наказания направо и налево. А если ловлю кого за пересудами, с милой улыбкой назначаю сплетнику порку.

Пусть попробует того же «лекарства».

Я не позволю другим видеть себя раздавленной, рыдающей и несчастной. По моему виду не скажешь, что меня заботят досужие пересуды черни. Когда Бьянка спросила, правда ли, что меня якобы выпороли кнутом на конюшне, я улыбнулась. И только боги знают, чего мне стоила эта улыбка.

– Что ты, мы с отцом просто слегка поспорили.

Днем так много дел, что нет времени себя жалеть. Я плачу ночью, в подушку, сжимая кулаки от ненависти, вспоминая отвратительные перешептывания и сальные улыбочки слуг.

Мой побег не встречает понимания ни у домачадцев, ни у подруг.

– Совсем отец распустил, греховодницу! И когда только успели? Вот уж верно говорят – «Опасайся молчащей собаки», – выговаривает мне старенькая кормилица, обмывая кровавые раны, оставленные плетью. – У-у-у, правильно отец тебя выпорол, жаль, мало. Надо было и щенка Ваночки, бесстыжего, да не плетью, а кнутом. Хорошо, сеньор маг ему шею свернул.

– О чем ты, Роза? – больно слышать, как она честит моего мертвого мужа. – Это же Лоренцо. Наш Лоренцо!

Весной она относилась к нему совсем иначе. Улыбалась ласково, отчего ее похожее на печеное яблоко лицо покрывалось сотнями лучистых добрых морщинок, и все сетовала, что мальчик такой худой, норовила сунуть кусок чиабатты с сыром.

От воспоминаний старенькая Роза сердится еще больше:

– Гнать надо таких из приличного дома! Сеньор Рино его привечал, а тот... И жил никчемушно, и помер подло.

– Замолчи!

Да, может, мой избранник не мог похвастаться знатностью – внебрачный сын купеческой дочки и мелкого аристократа, сам – ученик живописца. Но никто и никогда не любил меня так, как он. Я знала: он сделает все, чтобы я была счастлива.

Говорят, так всегда: один любит, второй лишь позволяет себя любить. Мне нравилось быть для Лоренцо единственной.

Но, клянусь богами-Хранителями, клянусь прахом матери и всем, что мне дорого, я не хотела только брать, о нет! Я тоже любила Лоренцо. Может, не так страстно, но любила. И я была бы ему хорошей женой – заботливой и послушной.

Бьянка Фальцоне – моя лучшая подруга – только хихикает и все спрашивает – ну как оно? С мужчиной?

– Выйдешь замуж – узнаешь, – отвечаю я.

Хочешь, чтобы знало все Рино, – расскажи Бьянке.

– Ну пожа-а-а-алуйста, Фран, – канючит она. – Правду говорят, что ничего слаще нет на свете?

Я вспоминаю свою неловкую первую ночь в придорожном трактире. Мы раздевались в темноте, на ощупь, чтобы лечь в одну кровать, а потом муж подвинулся ближе. Я испугалась, но отступать было поздно, обряд свершился еще на рассвете, Лоренцо был в своем праве. Помню стыд, когда мужские руки впервые обняли меня и нас разделяла лишь тонкая ткань ночной рубашки. Я не знала, что положено делать, поэтому не шевелилась, пока он все целовал и целовал меня. В комнате было душно и пахло подгнившим деревом. Помню, как кололись усы, как чужие руки мяли и тискали мое тело, помню странное томление в животе, а потом он задрал на мне рубашку и взгромоздился сверху. Было больно, я сначала терпела, а после хныкала.

Все закончилось как-то бестолково, но хорошо, что быстро, и я разревелась у него на плече, сама не понимая отчего. Лоренцо перепугался, пытался утешить, захлебывался извинениями, а я почувствовала к нему удивительную нежность, когда он поцелуями осушал мои слезы и бормотал что-то тихо и виновато. Мы уснули в обнимку, но последующие две ночи муж так и не решился притронуться ко мне. Я тоже не предлагала.

– Мед точно слаще.

Глупые, бестактные вопросы, но как можно сердиться на Бьянку? У нее доброе сердце, хоть и язык без костей.

Я ей чуть-чуть завидую. Для нее все легко, хотела бы я так же.

Подруга показывает мне язык и начинает болтать про заезжего мага. Какой красавчик этот северянин! Да еще брат самого эрцканцлера Священной Империи Прайдена.

– Звучит так, словно за этот приз стоит бороться, – говорю я, вспоминая его лицо, когда он убил Лоренцо.

Я знаю, как положено вести себя леди. Сдержанно. Там, где другие возмущаются или плачут, я лишь шучу. Тонко, очень тонко. Так, чтобы никто не понял.

– О-о-о-о, еще как стоит! – воодушевленно подхватывает Бьянка.

Я обнимаю свою смешную подругу.

Элвин

Замок Кастелло ди Нава напоминал гигантский корабль, вынесенный на вершину городского холма по прихоти морских божеств. Узкий и вытянутый его силуэт был особенно хорош в закатном солнце, когда свет ложился косыми лучами, освещая каждую бойницу.

Скошенный нос венчала небольшая круглая башенка. Мощный донжон доминировал над громадой здания, словно капитанский мостик, в окружении башен поменьше, таких же приземистых и квадратных. Тупая «корма» обрывалась в пропасть – с этой стороны крепость была неприступна.

А внизу, в объятиях Эраны, лежала столица герцогства – Ува Виоло. Как и большинство южных городов – шумный, немного неопрятный, но залитый солнцем. Городские улицы в равной степени пахли помоями и лилиями, апельсиновые деревья гнулись под тяжестью плодов, а склоны одноименной долины расчерчивали ровные ряды виноградников.

Красота края чем-то подобна женской красоте. Еще по дороге к Рино я ловил себя на чувстве, похожем на легкую влюбленность. Изумрудная зелень и мягкие линии холмов, встающие за ними на горизонте белоснежные пики Вилесских гор, ярко-синий шелк небес, отраженный в чашах озер, – все это ни в малейшей степени не походило на родные фьорды или серые дольмены в обрывках тумана. Сердце мое навсегда отдано северу, но каждый раз, попадая в Разенну, я словно заново проживаю роман с чувственной красоткой.

Неделя минула без особых происшествий. В город я выбирался всего пару раз, предпочитая долгие одиночные прогулки и книги – библиотека семейства Рино стоила того, чтобы уделить ей внимание.

Франческа к ужину не выходила. Однажды я встретил ее в коридоре. Девушка (а я решил мысленно именовать ее так, пусть даже формально она девицей уже не являлась) сверкнула глазницами в мою сторону и укувыляла, опираясь на стенку. По слухам, отец выпорол ее кнутом за побег. Суровое наказание, но герцога можно понять, учитывая тяжесть ее проступка и весомые политические последствия. Родство с семейством Альварес – вторым по знатности в королевстве Эль-Нарабонн – открывало перед Рино возможность снять протекторат изрядно ослабевшей в последние годы Разенны. Трудно представить, на какие хитрости и махинации пришлось пойти герцогу, чтобы организовать помолвку. И теперь все усилия были брошены в огонь сомнительной страсти своенравной дочери к безродному художнику.

Да, усатый Лоренцо оказался подающим надежды учеником придворного живописца семьи Рино. Я видел несколько его работ – очень, очень недурно. Возможно, через пару десятков лет о нем заговорили бы как о большом мастере.

Светская жизнь Каstellо ди Нава походила на таковую в Вальденберге. Только здесь все было провинциальнее, меньше и скучнее. Каждый новый человек вызывал определенный ажиотаж, и меня не минула эта участь. Я владею сомнительным искусством красиво и бессмысленно прожигать жизнь, но оно мне смертельно надоело еще сотню лет назад.

Мне много чего надоело. Некоторые вещи даже неоднократно.

Нахамив пару раз в ответ на слишком назойливые приглашения, я приобрел скверную репутацию среди местных сплетников и свободу распоряжаться своим временем.

По иронии судьбы, именно с Франческой у меня случился самый долгий разговор с момента прибытия в Рино.

Я, как всегда после обеда, проводил время в библиотеке, продираясь сквозь древнеирвильский. Не могу похвастаться отличным знанием мертвых языков, а тут автор еще использовал шифр, что изрядно стопорило перевод. Так что ее присутствие я заметил, только когда услышал над ухом:

– И как долго вы намерены здесь гостить?

– А? – потребовалось время, чтобы вернуться в привычную реальность. – Сладкая Франческа, вам так не терпится от меня избавиться?

– О да! – Устрой какой-нибудь чудак конкурс по метанию гневных взглядов, дочь Рино заняла бы на нем первое место. – Я не хочу спускаться к ужину, пока вы сидите за вечерним столом.

– И рад бы, да ничем не могу помочь. Я уеду не раньше, чем окончу работу. Сами видите – ее непочатый край.

– О!

Мое дружелюбие в ответ на откровенную враждебность озадачило девушку. Ну а какой интерес воевать с тем, кто ищет войны? Пусть даже в этом случае пикировка больше напоминала бы легкую порку. Никогда не делай того, чего от тебя ожидают – мое кредо.

– И над чем вы работаете?

– В данный момент над переводом этой книги.

Девушка склонилась над манускриптом, провела пальцем под строчкой, шевеля губами:

– Ничего не понимаю.

– Неудивительно. Это древний язык. Сама книга называется «Двенадцать ключей к постижению истины», за авторством некоего Ептетраса. По слухам, он был магом и создал множество презабавных вещиц. Например, ему каким-то неизвестным нынешним магистром образом удалось заклясть обычный ковер так, чтобы тот летал по воздуху и даже перевозил людей и грузы. Правда, ковер, вместе с остальным имуществом, сгорел, когда не в меру ретивые ученики пришли делить наследство. Удобно, правда?

– Удобно? – она нахмурилась.

– Ну да. Обращали когда-нибудь внимание: маги древности как на подбор невероятно могущественные, но из доказательств их необоримой мощи у нас только набор баек от учеников. Вот и Ептетрас что-то вроде священного дуба для большинства постигающих тайные науки. Послушать ученых мужей, так мэтр мало того, что написал все мало-мальски значимые магические трактаты и стоял у истоков изобретения большинства ритуалов, он еще и прожил больше ста лет, объездил весь мир, наделал без счету детей и артефактов. Ну и оставил какое-то совершенно невероятное количество учеников, даже если не учитывать тех, что погибли при дележке барахла покойного.

– И это правда?

– Кто знает? Покойник умер почти тысячу лет назад, свидетелей не осталось.

На самом деле я знал парочку фэйри, способных вспомнить легендарного старика, но никогда не спрашивал их об этом. С долгожителями одна беда – стоит включить фонтан их красноречия, как заткнуть его становится задачей, непосильной для всех героев древности.

– Что любопытно: конкретно эта книга – фальшивка. Но очень качественно изготовленная.

– Откуда вы знаете?

– Долго объяснять, но если вам интересно, я попробую.

– Инте... о нет, совсем нет, – она снова вспомнила, что должна меня ненавидеть. – Я мечтаю, чтобы вы убрались отсюда!

Я улыбнулся. Сейчас беседовать с девушкой мне нравилось куда больше, чем во время нашего путешествия, когда она только молчала и сверлила меня тяжелым взглядом. Любопытство, порывистость и даже гнев удивительно красили ее. А безобидные попытки уколоть вызывали симпатию.

– Жаль, но это невозможно, сеньора. Или лучше все-таки сеньорита? Вы так юны и так недолго были замужем, что именовать вас иначе, чем сеньоритой, – просто преступление. Давайте-ка я, чтобы избежать этой дилеммы, буду обращаться к вам по имени.

Она еще больше рассердилась:

– Нет, я вам запрещаю.

– Жаль. Оно такое красивое. Знаете, в переводе с древних языков «Франческа» означает «свободная»?

– Не знаю и знать не хочу! Оставьте меня в покое, – гневно выпалила сеньорита и почти бегом покинула библиотеку. Я долго, ухмыляясь, вслушивался в дробь ее шагов.

Определенно, я нашел для себя развлечение.

* * *

Влюбить в себя шестнадцатилетнюю девицу, жарко мечтающую о рыцаре на белом единороге, легче легкого. Нет, я не сторонник распространенного мнения, что все женщины – круглые дуры. Как минимум мои сестры Августа и Юнона доказывают полную несостоятельность этого тезиса. А даже если забыть о них, мне встречалось достаточно умных женщин, чтобы не обманываться мифом о мужском превосходстве. Просто человеческие личинки в шестнадцать лет глупы независимо от пола. Многие, что характерно, так и не становятся мудрее, даже обзаведясь сединой и кучей внуков.

Итак, влюбить в себя девчонку – слишком просто, а потому скучно. Но что, если девица имеет все основания ненавидеть вас, если вы убили на ее глазах прежнего возлюбленного, да и после вели себя отнюдь не в соответствии с каноном рыцарского романа? О, в такой задаче есть вызов! А если вспомнить, что жертва прелестна, юна и обладает пылким темпераментом, приз становится по-настоящему заманчивым.

Я вообще ценю сложные задачи. Просто соитие – слишком легко и скучно. Когда-то давно, может, сотню лет назад, может, больше, оно волновало меня само по себе. Но нынче я куда больше люблю осторожные па брачных танцев. Идет ли речь о мимолетном флирте или тщательно спланированном соблазнении – и то и другое будет интереснее банального сношения без предварительных игр и последующих драм. Чем сложнее был путь к цели, чем дольше зрело вождение, чем тщательнее приходилось его скрывать – тем слаще приз.

До этой беседы у меня не было планов в отношении дочери Рино. Но теперь... Девушка была слишком лакомым кусочком, и пес во мне отозвался, почуяв запах дичи.

Франческа

Виновник моих несчастий расхаживает по замку как по своему дому. Его манеры и вид до отвращения самоуверенны, и я не могу сдерживать глухого гнева, сталкиваясь с ним в коридоре. Маг же каждый раз иронично кланяется мне при встрече.

Я не знаю, как вести себя с ним. Он видел меня обнаженной и убил моего мужа. Как можно после такого изображать, будто ничего не случилось? К тому же мы три дня путешествовали вместе без иных спутников, и, как бы ни старался отец, каждому болтуну рот не заткнешь.

Сплетники. О да, они укладывают меня в постель и к убийце мужа. Когда, когда все это прекратится и они перестанут меня пачкать?

Наверное, когда он уедет. Не раньше.

Однажды я не выдерживаю и иду, чтобы поговорить начистоту. Маг встречает меня насмешкой, от которой я мгновенно взвизываюсь, словно облитая маслом головня от искры, позабыв о воспитании и правилах приличия. А он вдруг становится мил и обходителен, да настолько, что я чувствую себя глупо. Словно весь мой гнев встречает только воздух вместо преграды.

И я сбегаяю.

А вокруг только и разговоров, что о нем.

– Говорят, у него была возлюбленная. Но враги похитили ее, надругались, и она покончила с собой. Тогда он вызвал всех троих на дуэль и убил. За это его изгнали из Прайдена, – Бьянка восторженно закатывает глаза.

– Это он сам рассказал? – мне трудно сдержать улыбку. Если Элвин Эйстер сочиняет эту чушь, чтобы произвести впечатление на женщин, то он просто жалок.

– Ну что ты! Как он может говорить о таком, когда сердце еще кровоточит. Это же такая БОЛЬ.

– Тогда откуда ты знаешь?

– Говорят...

– В романе, что мы читали на прошлой неделе, был похожий сюжет.

Подруга не отвечает. Мысленно она еще смакует нарисованную воображением картинку.

Опять лорд Элвин? Сколько можно сплетничать об этом надутым ничтожестве?!

– Все было совсем не так! – вмешивается Кармела. – Дело шло к свадьбе, но он узнал, что его возлюбленная беременна от другого. Вызвал того, кто ее обесчестил, на дуэль. И убил.

Я пытаюсь увести разговор в сторону, но безуспешно. Подружки спорят, с горящими глазами пересказывают друг другу истории одну невероятнее другой. И опять про мага, все последние недели только про мага. Будто нет иных тем. Лорд Элвин здорово взбудоражил наш птичник.

Он нравится женщинам. Сеньориты и матроны одинаково тают в его обществе. Красив, силен и опасен – трудно устоять перед таким сочетанием, даже если забыть о хорошем происхождении, таинственном прошлом и талантах мага. Даже слухи о немилости маркграфа лишь добавляют гостю блеска в женских глазах. Каждая из моих подруг в меру скромных сил строит ему глазки и подсчитывает, сколько раз он оказал ей мелкие знаки внимания.

Я не из таких. Я его ненавижу. Но даже я не могу не признать, что он привлекателен как мужчина. Широкие плечи, атлетически сложен. Руки с длинными пальцами музыканта. Всегда чисто выбрит, элегантен и слегка небрежен той аристократической небрежностью, что не привить никакими уроками. Светлые волосы редкого пепельного оттенка. Высокий лоб, две трагичные складки на переносице. Правильные черты лица, красиво очерченные губы и упрямый подбородок северянина. Холодные голубые глаза в обрамлении темных ресниц и замечательная улыбка – насмешливая и мальчишеская одновременно.

Старая Роза доносит, что отец потихоньку отходит, да и раны от плети подживают, поэтому я снова выхожу из комнаты и даже рискую показаться за ужином.

Маг также исправно спускается к вечернему столу. Он общителен и хороший рассказчик. Я не смотрю в его сторону, но голос – ироничный, самоуверенный, с раскатистым горловым «р» и жестким северным акцентом – невольно обращает на себя внимание. Хоть затыкай уши.

И что особенно обидно – северянина интересно послушать. Он умен и артистичен. Я с трудом сдерживаю смех после иных рискованных шуток. Его манеры несносны, но он из той породы мужчин, которым хочется прощать вольности в общении.

По правде говоря, я терпеть не могу таких. Несмотря на все их обаяние, а зачастую и ум, они до отвращения самодовольны и напыщенны. Считают себя центром вселенной и верят, что любая должна быть счастлива просто наблюдать Сеньора Великолеpie.

Мне нравятся совсем другие мужчины. Нежные. Внимательные. Чуткие.

Таким был Лоренцо.

Из столицы империи – Церы – возвращается Риккардо. Я так рада его видеть, что не обижаюсь, когда брат с ходу принимается выговаривать мне за авантюру. Без возражений выслушиваю нотации и даже прощаю все, что он говорит в адрес Лоренцо.

– Тебе полагается понять, что у девицы твоего происхождения и положения имеются определенные обязательства, о которых она не вправе забывать. Выбирать тебе мужа должен

человек, отвечающий за тебя, а значит, наш отец или я, после его смерти. Как можно было забыть о долге и сбежать с этим мальчишкой?! О чем ты только думала?

Чем еще, кроме шутки, можно ответить на такую выволочку?

– В основном о том, какие у него красивые глаза.

С отцом я не позволяю себе подобного, но Риккардо куда мягче, при всем своем занудстве.

– Я не удивлен, принимая во внимание, что ты – юная девушка. Но надеялся, что приложенное отцом старание воспитать тебя соответствующим образом не прошло совсем бесследно.

– Прости. Мне жаль, что я так молода и так глупа.

На самом деле мне не жаль, но я не хочу спорить. Спорить с большинством мужчин – бессмысленно. Отец, например, обрывает разговор и делает все по-своему. Брат в ответ на любые возражения будет снова и снова повторять свои доводы, пока я не устану.

Лоренцо был не таким. Он прислушивался. За это я его любила.

– Я обязан поблагодарить человека, который спас твое будущее и доброе имя.

Видно, беседа с Элвином Эйстером проходит не слишком гладко, потому что брат возвращается мрачный и позже отзывается о северянине в самых дурных выражениях. Я злобно думаю, что теперь и брату довелось отведать того яда, что маг вечно в избытке расточает вокруг себя.

Я смирилась, что мой побег склоняют и чернь, и знать. Держусь с достоинством, не выказываю гнева, не отвечаю на расспросы подруг, и сплетни постепенно стихают.

В остальном кажется, что жизнь стала совсем такой же, как была раньше, – книги, рукоделие, надзор за слугами, стрекотание Бьянки и Кармелы, жалобы вдовы Скварчалуپی, ворчливая забота Розы. Я исправно хожу в храм и посетила званый вечер, устроенный сеньором Мерчанти по случаю рождения дочери.

Все по-прежнему, но что-то неуловимо изменилось. Лица домочадцев кажутся чужими, знакомые разговоры не успокаивают. Мне тоскливо и тесно в этих стенах.

Должно быть, изменилась я сама.

В воздухе неуловимо висит вопрос «Что дальше?».

* * *

Вместе с братом из Церы возвращается Уго Риччи, и отец приглашает его на обед. Всю трапезу он сидит, почти не притрагиваясь к пище, и сверлит меня горящим взглядом.

Уго не столько уродлив, сколько неприятен. Мало похож на аристократа, но еще меньше на крестьянина. Есть что-то звериное в этом расплюсненном носе и тяжелых надбровных дугах, в приземистой, полной скрытой мощи фигуре. Будь я талантлива, как Лоренцо, писала б с Уго духа лесов.

Мне бы затаиться, но я вдруг понимаю, что рада его видеть. Меня смешит и подстегивает угроза, что читается в каждом его жесте, каждой глухой реплике. В ответ начинаю бросать на мага ласковые взгляды и улыбаться его шуткам.

Когда мы переходим к легкому флирту и Риччи сминает в кулаке вилку, я понимаю, что пора остановиться.

Хватит! Не надо будить спящих драконов.

Да, я – эгоистка. Мне нравится злить Уго. Его гнев придает вкус враз опресневшей после возвращения жизни.

Позже приходит расплата. Он подкарауливает меня в коридоре, чтобы затолкнуть в угол. По рябому лицу ползет недобрая ухмылка:

– Подстилка Ваноччи. И каково тебе было стонать под этим мальчишкой?

Мной еще владеет хмельной кураж, слишком тих голос благоразумия, я не жду, что Риччи осмелится сделать хоть что-то здесь – в доме моего отца, и я по-настоящему зла на него за эти гнусные слова, потому шепчу, скромно опустив глаза:

– Понравилось. Лоренцо был удивительно нежен.

Уго рычит от ярости, но он сам виноват. Не стоило пачкать меня или память моего мертвого мужа. Я могу за себя постоять. По-своему. По-женски.

Я знаю его слабость. Младший Риччи одержим, и у этой мании мое имя.

Мы мало общались в детстве, пусть он и был дружен с моим братом. А потом его отправили в Фельсину, учиться в университете. Когда Уго вернулся в прошлом году и увидел меня, то сперва замер, а потом повел себя как чудак. Мне было ужасно смешно видеть, как он то бросается выполнять любую мою просьбу, то начинает нести полнейшую чушь, то впадает в беспричинную ярость. Каким-то безошибочным, живущим внутри женским чутьем я сразу поняла, что все это – неспроста, теперь именно я хозяйка положения и в моих силах сделать его счастливым или несчастным.

Я играла с Риччи всю зиму, то подпуская ближе, то отталкивая. Знала, что это неправильно и греховно, но не могла удержаться. Свирепая жестокость, что прорывалась сквозь слишком резкие движения, страстные взгляды и грубоватые слова наследника Риччи, пугала и привлекала. Впервые в жизни я испытала сладкое чувство власти над мужчиной, и оно ударило в голову сильнее молодого вина.

Лоренцо был уже потом. И с ним я никогда не ощущала этого опасного хмеля. Любимый и так был мой – целиком, без остатка, и он не был зверем.

Все закончилось в одночасье, когда сеньор Риччи пришел просить моей руки для своего мальчика. Не знаю, на что он надеялся. Должно быть, Уго уговорил попытаться, пусть даже всем было ясно – герцог не выдаст дочь за сына вассала. После отказа отец высек меня за кокетство и велел перестать мучить Уго. Лишь тогда я поняла, что у любой игры есть последствия.

Риччи предложил бежать и тайно пожениться, я только посмеялась. Уго забавно дразнить, но мысль о том, чтобы оказаться в полной его власти, пугает не на шутку.

– Потаскуха, – выдыхает мне в лицо бывший поклонник.

– О нет! Я – честная женщина. Вдова.

Он белеет от этого напоминания, что я принадлежала другому, и тогда я наконец пугаюсь. Но уже поздно.

Когда Уго хватается меня за плечи, пытаюсь притянуть к себе, я сопротивляюсь, молча, но яростно. В голове одна-единственная глупая мысль – нельзя поднимать крик, не то опять пойдут слухи.

Он отвратителен! Запах лука и вина, жирные пятна на рубашке, выпирающая челюсть. Я никогда его не хотела. И никогда ничего ему не обещала.

Уго пытается засунуть мне в рот язык, и я впиваюсь в него зубами. Крик боли. Потом кто-то отлепляет от меня Риччи и отшвыривает в сторону. Я стою, тяжело дыша, откидываю с лица разметавшиеся пряди. Во рту мерзкий привкус перегара и крови.

– Никогда не понимал насильников, – задумчиво говорит лорд Элвин, разминая костяшки пальцев. – Разве так сложно понравиться девушке, чтобы она сама подарила поцелуй?

Уго резко выпрямляется и бьет кулаком снизу вверх. Его порыв обрывается в десятке дюймов от лица мага, кулак словно сталкивается с невидимой стеной. Риччи вскрикивает от боли, а северянин с легкой улыбкой разводит руками.

– И снова в битве кулака и магии победа остается за магией. – И обращаясь уже ко мне: – С вами все в порядке, сеньорита?

Бывший поклонник переводит полный ненависти взгляд с меня на мага и обратно.

– Шлюха! – выплевывает он. – Не успела одного похоронить, уже с другим...

– Все хорошо. Спасибо за помощь. Сеньор Риччи уже уходит, – последнюю фразу я произношу самым жестким тоном, на который способна.

Грязные слова пачкают того, кто их произнес. Я не скажу этого вслух, но Уго не просто отвратителен, он жалок.

Так же жалок его вид. Одежда взъерошена, воротник порван, на лбу царапины от моих ногтей, один глаз медленно опухает. Он баюкает и прижимает к телу правую кисть, бормочет проклятья и медленно уходит по коридору.

Маг предлагает мне руку, не иначе как ждет, что я повисну на нем. Из романов я знаю, что так полагается поступать спасенным девицам.

– Не нужно, мои покои совсем рядом.

– Не могу не проводить вас, сеньорита. У вас удивительный талант попадать в беду на ровном месте.

– Я бы и сама справилась!

– Неужели?

– Да! Уго не причинит мне вреда, – на самом деле я далеко в этом не уверена.

– А! Ссора разжигает чувства? – обманчиво кротким голосом спрашивает лорд Элвин. – Простите, я-то думал, что уже убил вашего любовника.

Я немею от возмущения, но тут северянин нагибается, чтобы подобрать случайно блеснувшую под ногами безделушку.

– Любопытно.

Серебряный кулон на оборванном кожаном шнурке странной формы – восемь стрел расходятся из рубиновой капли в центре.

– Похоже, это обронил ваш воздыхатель, – лицо мага мрачнеет. – Странные у него интересы. Знаете, что означает этот символ?

Я едва достаиваю находку взглядом.

Как, как он посмел предположить, даже предположить, что Уго – мой любовник! Как посмел в лицо напомнить о своем преступлении?!

– Не знаю и не хочу знать. Оставьте меня в покое!

Ухожу.

Он не пытается догнать.

Элвин

Я почти забросил надоевший перевод и принялся за охоту. Подкараулить ее было непросто – большую часть времени девица проводила в своих покоях. На следующий день после нашей встречи в библиотеке я впервые увидел ее за ужином. К сожалению, появление затворницы мало чем помогло – девица сидела в другом конце стола, в окружении дуэний и нянек, ковыряла ножом тарелку, глаз не поднимала и в разговоры не вступала. И все же я неплохо выступил тем вечером, рассказав несколько смешных историй, за что был вознагражден парой коротких любопытных взглядов из-под ресниц.

Позже мне удавалось, как будто случайно, столкнуться с ней в коридоре. Каждый раз она надевала надменное выражение лица и снисходительно кивала в ответ на вежливое приветствие.

Что же, ненависть – далеко не худшая основа для страсти. С равнодушием, а тем паче презрением работать куда сложнее. Мой образ уже занимал помыслы Франчески. Оставалось сыграть на нюансах.

Добродетельные кошечки обожают плохих парней. Особенно если намекнуть им, что данный конкретный негодяй озлобился лишь в ответ на тяжелые испытания и жестокость

мира, а в его неприютной душе живет тоска по той Единственной, что сможет полюбить его и согреть.

Не знаю, откуда женщины берут бредовые сказки о мерзавцах с золотым сердцем и почему верят в такую чушь, но проверено – работает.

Вечерами я развлекал герцогских приживалок прайденскими сплетнями и байками о магии. Противно вспомнить, но пару раз даже опустился до того, чтобы левитировать солонку над столом. Следствием стали вновь посыпавшиеся приглашения на званые обеды. На этих встречах я делал все, чтобы поддержать образ блестящего, слегка циничного аристократа, демонстрировал то хорошие манеры, то полное их отсутствие, интриговал восторженных девиц двусмысленными намеками.

Так прошло еще две недели. Перевод манускрипта почти не двигался, я тратил время на глупости, причем безрезультатно. По моим расчетам, герцогской дочке давно пора было снова подойти ко мне с заверениями в искренней ненависти (на деле, конечно, такие заявления следует читать как «вы меня весьма заинтриговали, сеньор»), но Франческа медлила. Она все так же опускала глазки долу каждый вечер и не вступала в разговоры.

Зато я имел сомнительное удовольствие познакомиться с ее старшим братом. Риккардо Рино оказался этакой миниатюрной и юной копией герцога. Чуть более серьезный и занудный, чем его папаша, но при этом куда менее внушительный. Если Умберто хотелось сравнить с крупным псом бойцовской породы, то отпрыск тянул в лучшем случае на терьера. Мрачноватого и скучного, что терьерам не свойственно.

Он подошел ко мне в вечер того же дня, как вернулся.

– Надеюсь, вы человек чести и вас нет смысла просить молчать про обстоятельства, сопутствующие этой истории? – сухо добавил он сразу после слов благодарности за возвращение блудной сестры.

Я с интересом выслушал эти слова и особенно тон, которым они были высказаны. И предположил, что мальчик ищет драки. Кто ищет – тот всегда найдет.

– Вы совершенно правы. – Он улыбнулся, и тогда я закончил фразу: – Нет смысла просить. Эти обстоятельства и так обсуждают на каждом углу. В подробностях.

Наследник Рино стиснул челюсти.

– Тогда я хотел бы поинтересоваться, откуда сплетникам известны эти подробности?

Нет, ну каков наглец! Наглец и дурак, раз делает гостю в лицо такие намеки.

– Понятия не имею. Как-то не привык вести задушевные беседы с чернью.

– Надо полагать, кто-то осведомленный пустил соответствующий слух, – продолжал мальчишка скучным голосом.

Похоже, Риккардо хотелось назначить виноватого в бесчестии сестры. Я решил его не разочаровывать.

– Надо. Полагать, ага, – согласился я с многозначительной ухмылкой. – Осталось понять – кто. Загадка, правда?

Франческа

– Вы хотели меня видеть, отец?

– А. Заходи, – он откладывает перо и смотрит на меня в упор. На секунду на лице родителя мелькает тень той, прежней ярости, и я вздрагиваю, но тут же беру себя в руки. – Садись.

По тону ясно, что разговор намечается серьезный. Мысленно перебираю свои провинности за последнюю неделю и не нахожу ничего такого, что заслужило бы выволочки.

Зачем он меня вызвал? И почему так зол?

Опускаюсь в кресло и смотрю на него снизу вверх, внимательно и кротко, как прилежная дочь. Его взгляд смягчается.

– Плохие новости. До Альвареса дошли слухи. Он расторг помолвку.

Закрываю глаза, вцепляюсь пальцами в подлокотники. Только не улыбнуться! Только не выдать облегчения и счастья! Надо срочно подумать о чем-нибудь грустном. Или гадком.

Об эпидемии холеры, что случилась в прошлом году.

А в груди все равно птицей трепещет и поет восторженная радость. Приговоренный преступник, уже готовый взойти на эшафот, но вдруг помилованный монаршим указом, – вот кто смог бы меня понять.

– Ты создала нам огромные проблемы.

Я покаянно киваю.

Знаю.

– Надеюсь, ты хотя бы не понесла от этого мальчишки?

Невольно краснею. Моя дуэнья, вдова Скварчалуپی, услышав подобный вопрос, упала бы обморок. Она всегда твердила мне, что такие темы не обсуждают с мужчинами. Даже с отцами.

Вспоминаю улыбку Лоренцо. Белозубая на смуглом лице, и черные глаза блестят.

Хотела бы я понести? Представляю себя с пищащим комочком на руках. Малыш, похожий на меня и на Лоренцо. Память о моем коротком замужестве.

Должно быть, я – скверная женщина с холодным сердцем, но не могу сказать «да». Роды – это страшно. И разве я смогу быть матерью, когда сама еще ребенок?

– Нет, я не в тягости.

Уже несколько дней, как я точно знаю – та неловкая, стыдная ночь не принесла плодов. Пожалуй, так лучше для всех. С моего отца случилось бы приказать снести младенца в горы и там оставить.

– Я устроил тебе блестящую партию...

И правда блестящую. Эрнесто Альваресу сейчас за пятьдесят, его дочь старше меня, а сам он славится буйным нравом и жестокостью.

Я не стала спорить, когда отец объявил о помолвке. Мне совсем не хотелось лишний час стоять на горохе. Но я решила, что это случится не раньше, чем замерзнут адские пустоши.

Знаю, это эгоизм. Знаю, мой долг дочери – подчиниться. И постараться стать Альваресу хорошей женой.

Все знаю.

Отец все же ловит тень улыбки на моем лице и начинает кричать. Я принимаю покаянный вид и снова думаю о Лоренцо. Вспоминаю, как он рисовал мой портрет. Каждый день, с девяти до одиннадцати, пока солнце не поднималось слишком высоко. Моя дуэнья – вдова Скварчалуپی – сидела в углу с вышиванием, а он смотрел на меня и улыбался. И я улыбалась в ответ, казалось – происходит что-то особенное, чего никогда не было в моей жизни. Вспоминаю тайные поцелуи, случайные соприкосновения рук во время обрядов в храме, записки. И как он ночью – безумец – дерзнул пробраться на балкон моей комнаты, чтобы сделать признание. Словно знал, что меня притягивают безумства и дерзости.

Помню, его голос дрожал, когда он шептал «Я люблю вас, сеньорита Франческа. Я отдам за вас жизнь».

Вчера я говорила с матерью Лоренцо. Пыталась рассказать ей, как погиб ее сын. Умер за меня. Совсем как клялся когда-то.

Она не сказала ничего, но я читала в ее полных боли глазах: «Это все по твоей вине, капризная, избалованная девчонка».

Сеньора Ваночки никогда меня не любила. Чувствовала, что связь со мной приведет Лоренцо к гибели.

– Могу я что-то сделать для вас? Или для девочек?

Она поджала губы:

– Спасибо, сеньорита Рино, у нас все есть. Вы идите.

Одним этим обращением сеньора дала понять, что не считает меня женой своему сыну или родственницей. Обидно, но я это заслужила.

Мать моего мужа права. Это – по моей вине.

Для всех прочих я – заблудшая душа, жертва коварного искусителя. Лишь мне и Лоренцо известно, кто измыслил побег. И то не возьмусь утверждать, что он понимал, насколько это была моя идея.

Про меня говорят, что я хорошо воспитана, послушна и скромна. Все это правда. Но правда не вся.

Правда в том, что за скромной Франческой с нежным голоском и всегда опущенными глазами прячется другая, дикая Фран – необузданная и дерзкая. У меня, как у монеты, две стороны. И вторая, скрытая, смела, требовательна, безрассудна и до умопомрачения любит жизнь.

Глубоки тихие воды.

– ...Не все потеряно, – продолжает отец. – Я навел справки об этом юном наглеце, – он достает письмо. – Элвин Эйстер. Рожден вне брака, но официально признан и введен в семью. Его старший брат, маркграф Эйстерский – второй по знатности и первый по влиянию человек в Священной империи Прайдена. Тебе не нравилось, что Альварес стар и уродлив. Наш гость молод и красив. Мой друг пишет, что Элвин даже не замечен в особых пороках, за исключением похоти и дерзости. Но дерзит он в рамках разумного, а изменяют все мужчины.

Не все. Лоренцо никогда бы так не поступил. А я бы никогда не полюбила человека, способного унижить супругу изменами.

– Зато лорд Элвин мало пьет, не играет в карты, умеет держаться, обладает магической властью. Отличная партия. Лучшая из возможных.

– Он просил моей руки?

При мысли о подобном союзе меня передергивает. Неужели мерзкий, самоуверенный брат курфюрста позарился на меня? На обратном пути мы почти не разговаривали. Он выказывал ко мне куда меньше интереса, чем к собственному коню, и лишь иногда вспоминал о моем существовании, чтобы лишний раз отточить ядовитое жало, что боги дали ему вместо языка. Любые мои попытки достойно ответить только веселили его. Увы, мести, ради которой я терпела присутствие врага, не дано было свершиться.

– Нет, – отец хмурится. – Элвин Эйстер дорожит своей свободой. Но я видел, как он смотрел на тебя. Будь с ним поласковее. Мартин официально лишил его наследства за дуэль и выслал прочь, но понятно, что это временно. Показной гнев, чтобы успокоить недовольных дерзостью брата. Рано или поздно эрцканцлер вернет его ко двору.

– А если нет? – возражаю я. – Зачем вам зять с таким характером?

– Вернет. Родная кровь. Союз с нами может быть очень выгоден Мартину. Мой друг пишет, что курфюрст уже отчаялся женить брата...

– Тем более. Вы сами сказали – кому я нужна после побега? Он может составить куда лучшую партию...

– Он молод, романтичен и любит эпатировать. Кичится тем, что всегда добивается своего. Окрути его, пока у мальчишки ветер в голове. Распали как следует, чтобы забыл обо всем под влиянием страсти, но не вздумай уступать. Вы путешествовали вдвоем, без дуэньи, и теперь в глазах света ты опозорена дважды, так надави на жалость, рыцарские чувства, порядочность. Не мне тебя учить этим женским штучкам.

Никогда! Я не стану флиртовать с убийцей своего мужа!

«Извинись или умрешь», – сказал северянин. Лоренцо не извинился. Мой муж был гордым и смелым человеком.

Маг оставил Лоренцо на берегу, даже не похоронив. Я плохо помню, как он вез меня от озера. Все короткими вспышками, все в тумане. Скверная дорога, пыль, опустошение.

Опустошение и бессилие – их я помню отлично. Только что впереди была свобода, был огромный и такой интересный мир. И любимый мужчина – талантливый, внимательный, нежный, готовый на все ради меня...

И вот я одна трясусь в седле, а рядом незнакомец с холодными глазами и вечной язвительной шуткой наготове.

Не могу простить себе, что не настояла на похоронах.

– Он убийца, – мой голос тих и мягок. Гнев прячется внутри, как когти в кошачьей лапе.

– Да, – отец довольно кивает. Так, словно я сказала какую-то восторженную льстивую глупость в адрес бастарда Эйстеров. – Маг уже оказал нам большую услугу, когда избавил тебя от этого жалкого выскочки Ваночки. Люди любят тех, кому сделали благодеяние. Воспользуйся этим тоже. Можешь для начала рассказать ему историю рода Рино. Пусть видит, что мы по знатности не уступаем Эйстерам. Нам есть что предложить. Я со своей стороны расскажу о наших капиталах. У тебя будет хорошее приданое. Лучшее из возможных.

Открываю рот, чтобы гневно воспротивиться, и слышу голос Лукреции: «Никогда не сражайся с мужчинами мужским оружием, маленькая Фран. Наша сила в нашей слабости».

– Это – твой шанс исправить последствия ошибки. И если маг уедет, не сделав тебе предложения... – отец делает паузу и смотрит на меня. В его взгляде читается: «Ты меня знаешь, Фран».

Знаю. Он никогда не угрожает просто так. Вообще не бросает слов на ветер. Предпочитает дела.

– Но я ему совсем не нравлюсь!

– Нравишься. А мне и герцогству нужен этот союз. Так что постарайся.

Опускаю полный ярости взгляд, чтобы тот не выдал меня, и улыбаюсь привычной, мягкой улыбкой.

– Хорошо, я постараюсь.

Глава 3. Птица

Элвин

Уже начал гадать, не выбрал ли я неверный подход. Зря волновался, как показали дальнейшие события – уловки работали. Стоило не обращать на нее внимание пару дней, как девица сама подкараулила меня прямо у дверей библиотеки:

– Рада видеть, что вы так напряженно работаете, сеньор.

Что это? Сарказм? Малышка показывает зубки.

– Рад слышать, что вы интересовались моей работой, сеньорита. Ну не надо сверлить меня таким взглядом. Сядьте уже, что за поза «руки в боки»? Мы же не будем разыгрывать сцену «сварливая крестьянка и муж-пропойца»?

Она покраснела, спрятала руки за спину. Плюхнулась в кресло и вызывающе уставилась на меня. Сердится. Интересно, на что?

– Я прихожу сюда уже пятый день. И впервые встретила вас. Так-то вы работаете над переводом?

– Простите, любезная сеньорита. Не знал, что вы ищете встречи. Были важные дела.

– О да! Прогулка с Бьянкой Фальцоне – очень важное дело.

– Откуда в такой маленькой сеньорите столько яда? Франческа, вам кто-нибудь говорил, что вы очаровательны, когда сердитесь?

Между прочим, чистая правда. Девочка сама по себе прехорошенькая, а гнев придавал ее чертам особую живость. Такая Франческа нравилась мне гораздо больше анемичной куклы за ужином.

– Да-да, я знаю – вы мечтаете плюнуть на мою могилу. Но видит Четырехпутье, за что? Так ли уж виноват я перед вами, чтобы заслужить подобную неприязнь? И кого вы будете ненавидеть, когда я уеду?

– Я не... – она осеклась и замолчала.

– Что «не»?

– Ничего.

– Как пожелаете.

Минут двадцать мы сидели по разные стороны стола. Я делал вид, что работаю, она смотрела на меня и кусала ногти. Отвратительная привычка.

– Чего вы добиваетесь?

– Простите, Франческа. Не уверен, что верно понял вопрос.

– Зачем вам переводить эту книгу?

– А, вы в этом смысле. Я ищу упоминания о местонахождении одного древнего артефакта.

– Артефакта? – недоверчиво переспросила она. – В наших книгах?

– Этот и еще несколько трудов в вашей библиотеке раньше принадлежали Жилю де Бриену. Слышали о таком?

Ее глаза расширились:

– Проклятый чернокнижник, сын Черной Тары! Его сожгли заживо.

– Пффф... прямо-таки «сын»! Ну и сказки рассказывают ваши жрецы! Де Бриен – обычный колдун средней руки. Немного неразборчив в средствах, это да. Он действительно искал милостей Чиннамасты, но был слишком ничтожен, чтобы привлечь внимание темной госпожи. Хотя, судя по дневникам, не оставлял попыток. За что и поплатился. Горожане как-то не поняли принесения в жертву беременной женщины.

– Вы так спокойно об этом говорите!

– Я не одобряю подобных методов, если вы об этом. И уж точно не собираюсь повторять, не надо смотреть на меня как на монстра. Заблуждения покойного любопытны, но я не историк, а практик. В воспоминаниях современников встречаются заметки об артефакте, названном «Венец подчинения». С его помощью он призвал огромного волка, который находился при колдуне неотступно днем и ночью. Я хочу найти этот предмет.

– Зачем?

– Чтобы понять, как это работает.

Последнее было ложью. Я не исследователь, я – коллекционер.

Каждый из Стражей заполняет отпущенную ему бессмысленную вечность какой-нибудь ерундой. Августа играет в повелительницу ши. Мартин – в построение дивного нового мира. Джулия – в полководца. Мэй – в любовь со всеми подряд. Фергус играет в безудержное потакание своим инстинктам и, по слухам, совсем опустился.

Чем я хуже? Решил поиграть в коллекционера. Собираю магические диковинки, артефакты и раритеты. Заполнять свою жизнь ненужными вещами – так по-человечески. Нельзя сказать, что это очень увлекательное занятие, но оно не так скучно, как охота или иные развлечения знати. Требуется мозгов, фантазии и умения работать с информацией.

Я не стыжусь своего хобби, но успел немного изучить дочь Рино. Не знаю, откуда в ней это, но Франческа уважает мастерство больше знатности, а стремление к знаниям – больше желания обладать. В девочке есть стержень.

Возможно, поэтому мне так хочется добавить ее в другую мою коллекцию.

Сейчас девчонка слушала с горящими глазами.

– Идите сюда. Да не бойтесь, я вас не съем. Видите эти записи на полях? Древнеирвийский, как и в остальной книге, но использован шифр с заменой букв, любимый метод де Бриена. Если я правильно понял, у него получилось создать целых пять подобных артефактов. Два он активировал, еще два, предположительно, уничтожено вместе с лабораторией. А вот один колдун припрятал. Осталось понять, где именно. Я ставлю на Церу.

– И что потом, когда вы найдете ваш артефакт? Покинете Ува Виоло?

Я склонился над ней, нарушив предписанные приличиями границы, и коснулся рукой ее щеки.

– А вы действительно хотите, чтобы я уехал, Франческа?

Она наградила меня странным взглядом. Так смотрят на доску при партии в шахматы или прицениваются перед тем, как начать торги. Потом потупилась и прошептала:

– Не знаю.

* * *

Что же, я мог поздравить себя с удачей. Помедлив на старте, наш гипотетический роман дальше двигался бодрой рысью, лишь иногда переходя на шаг.

Загадки, легенды, особенности магических практик – вот на что удалось ее поймать. Девчонка умела слушать, казалось, она впитывала мои слова каждой клеточкой тела. Не скрою, это льстило. Она даже просила учить ее магии. Пришлось разочаровать сеньориту.

– Вам так хочется отрастить клешни или хвост?

– О чем вы?

– О том, что магического дара у вас нет. Значит, единственный способ обрести силу в вашем случае – занимать у Черной. А она всегда требует свое обратно и с процентами.

– Все равно не понимаю.

– Внешнее равно внутреннему. Обращение к Хаосу уродует не только души, но и тела. Поверьте, жизнь одержимых обычно коротка и полна страданий. Если Чиннамаста еще согласится одарить вас силой. Черная снисходит далеко не до каждой просьбы.

Франческа вздрогнула и начертила в воздухе крест наискось.

– А с чем связан внезапный интерес к тайным наукам? Только не говорите, что мечтали выучиться и отомстить за смерть парня с дурацкими усами.

Судя по тому, как она смутилась и рассердилась, я попал в точку.

Кроме красоты, меня притягивала странная двойственность ее натуры. Франческа была как шкатулка с секретом. Внешне нежна, покорна и сдержанна, но природный темперамент, который не смогли убить ни молитвы, ни слишком хорошее воспитание, все же проскальзывал временами в блеске глаз, гневных гримасках или возмущенных ответах. Я никогда не мог предсказать до конца, какова будет ее реакция, но мне нравилось дразнить ее и будить спящих демонов. В гневе сеньорита становилась чудо как хороша.

Ее граница проходила там, где начинались прикосновения. Стоило попробовать дотронуться, как девушка совершенно потухала. Оставался лишь опущенный в притворной скромности взгляд, странная полуулыбка и тихий голос, повторяющий с десятков заученных вежливых фраз.

Я даже начал сомневаться, стоит ли результат усилий. Если она и в постели такая же – нет смысла тратить время. Тем паче что при дворе герцога обреталось немалое количество смазливых девиц на любой вкус.

Впрочем, как только я возвращался за пределы проведенной девушкой черты и начинал рассказывать что-нибудь о тайных княжествах фэйри, существующих на изнанке обычных человеческих городов, меланхолия покидала ее совершенно. В глазах появлялся блеск, в движениях – живость, а вопросы и суждения, которые Франческа высказывала, были поразительно неглупыми, даже если забыть о до смешного юном возрасте сеньориты. И я не оставлял надежды разжечь искру в восхитительно жаркое пламя.

* * *

В храме было сумрачно. Запах пыли, прогретого камня и совсем чуть-чуть благовоний.

Не люблю храмы. От строгих и гордых взглядов Четверки передергивает. Люди никогда не встречали их, отчего же статуи так безупречно копируют черты Хранителей мира, отражая не портретное сходство, но суть каждого из богов?

Я хожу в храм раз в год, чтобы обновить Оммаж¹. Это не ритуал и не обязательство, никто не заставляет меня это делать, просто маленькая постыдная слабость, которую трудно объяснить даже самому себе.

Стараюсь выбирать невзрачные святилища на задворках и приходить в дневное время, когда утренние чтения уже закончены, а до вечерних еще далеко, когда нет ни служек, ни надоедливых просителей. Но в этот раз не повезло. У ног Тефиды сидела женщина.

Она не двигалась и, кажется, почти не дышала, оттого я не сразу заметил ее присутствие. Длинный плащ с капюшоном скрадывал очертания фигуры. Понимание, что это именно женщина, причем женщина молодая и красивая, пришло само собой, будто извне. Возможно, виной тому были тонкие нотки дорогих духов, аромат которых вплетался в сладкий и тяжелый запах благовоний.

Я решил подождать снаружи, пока она не уйдет. Есть вещи, которые можно делать только без свидетелей. Беседовать с мертвыми богами, например. Тихонько, чтобы не нарушить ее уединения, поставил свечу. Повинуясь моему приказу, фитиль вспыхнул.

Уже в спину ударило: «Лорд Элвин?» – и я споткнулся, узнав голос Франчески.

– Не здесь! – бросил я, не оборачиваясь.

Она догнала меня уже на выходе.

¹ Оммаж (*фр.* *hommage*) – присяга, оформлявшая заключение вассального договора.

– Не знала, что вы религиозны, лорд Элвин.

– А я и не религиозен.

– Но вы все же пришли к Скорбящей и поставили свечу. Я видела. О ком вы плачете?

– О себе, – буркнул я.

В любой другой ситуации был бы рад поболтать. Но не сейчас. Оммаж не терпит посторонних взглядов, скептических улыбок и глупых вопросов. Сейчас я жаждал тишины и одиночества.

Губы девушки дрогнули в сдерживаемой улыбке:

– Звучит ужасно глубокомысленно.

Я скривился, уловив скрытую за мягким тоном насмешку.

– Да-да, вы меня раскусили. Я рисуюсь, чтобы пустить пыль в глаза.

Франческа не приняла вызов. Но и не ушла. Зря. Не хотелось хамить, чтобы избавиться от нее.

– Не думала встретить здесь вас.

– Не думал встретить здесь вас, – в тон ей ответил я. – Почему вы не молитесь в замковой капелле?

– Я... хотела отдать дань памяти.

– Почему не сделать это ближе к дому?

Она посмотрела на меня с вызовом:

– Потому, что я скорблю о муже. Сегодня сороковой день.

Я поморщился:

– Подлый убийца врывается в храм, чтобы не дать безутешной вдове предаться трауру. Символично, не находите? Да я просто ваше проклятье!

– Не думаю, что вы сделали это специально.

– Не думайте. Так почему здесь, Франческа?

Меня и правда занимал этот вопрос. От храма до Кастелло ди Нава было не меньше часа верхом по горным тропам. Сам я узнал о его существовании случайно, наткнувшись на него во время одной из прогулок. Сколько ни проезжал мимо, ни разу не видел поблизости людей.

– Мы здесь венчались, – просто ответила девушка. – Лоренцо решил, что так безопаснее. В храме Последней Битвы почти не бывает прихожан.

– Так он называется? – я против воли заинтересовался ее словами. – Почему?

– Говорят, его посвятили грядущей битве богов с силами Хаоса.

– Ага. «Грядущей», ну конечно.

– На что вы намекаете?

На что тут можно намекать, когда последняя битва состоялась почти четыреста лет назад, а люди так ничего и не заметили? Меня всегда забавляло, что Четырехпутье утвердилось, полностью вытеснив остатки прежних культов, уже после смерти богов. Просить помощи у мертвых людям легче, не так обидно, когда тебя не слышат.

Я не стал расстраивать Франческу. Сеньорита и впрямь трепетно относилась к вопросам веры. Новость о том, что боги мертвы, вряд ли нашла бы у нее понимание.

Внимание привлекла очевидная странность в архитектуре строения. Настолько, что я даже обошел храм по кругу. Если Франческа и обиделась на такое поведение, то не подала вида.

Форма здания отличалась от предписанного каноном классического креста. Основу представлял крытый куполом правильный восьмиугольник с расходящимися по сторонам света крыльями апсид. Приглядевшись к камню на лишенных апсид гранях, я изумленно присвистнул.

Ну и ну. И где были мои глаза раньше?

– Что вы ищете?

– Уже нашел. Это ведь древнее строение?

Она кивнула.

– Вас не удивляет, что храм настолько в стороне от города и деревень?

– Нет, – по лицу девушки было видно, что она впервые задумалась над этим фактом.

– А должно бы. Обратите внимание на форму, сеньорита. Ничего не кажется странным?

И учтите, если вы скажете «нет», я буду разочарован.

В этот раз она долго и пристально всматривалась в серые стены прежде, чем ответить.

– Это не крест.

– Bravo. А еще обратите внимание – местами камень чуть светлее. Готов спорить, там были проемы, которые потом заделали.

– Но что это значит?

– Рискну предположить, что храм – бывшее святилище Черной. Один из символов Хаоса Предначального – колесо с восемью спицами. Другие... Впрочем, не важно. Не будем трогать змей, пауков, зерна, ключи и прочую мутную мистику. Любопытно другое. Как правило, святилища Хаоса – просто алтарь и восемь менгиров под открытым небом, а тут такие хоромы.

Показалось, она мне не поверила.

– Отчего же его не разрушили?

– Сакральный брак Порядка и Хаоса, космологическое единство бытия... Вам бы с теологом пообщаться, он лучше расскажет. Я только знаю, что считается, будто молитва в подобном месте имеет особую силу.

Франческа неожиданно серьезно кивнула:

– Так и есть. Я почувствовала – мое моление было услышано.

– И о чем вы молились?

– О справедливости.

Мне стало весело:

– О мести, вы хотите сказать?! Оставьте мечты, Франческа. Боги не выполняют человеческих просьб. Если вам так важно отомстить, сделайте это. Хотите, я дам вам кинжал?

Она покраснела, сжала кулаки и отступила.

– Что, боитесь крови? Оставляете богам грязную работу? С чего бы они должны делать то, на что у вас не хватает духа?

Девушка выпрямилась – ни дать ни взять императрица перед грязным плебеем.

– Я молилась о справедливости, – тихо, но твердо сказала она. – Пусть боги измерят чашу вашей вины. Мне это не по силам, потому что вы правы – я слишком жажду мести.

– Рука об руку квартирианское всепрощение и разеннские страсти, как трогательно. В духе заветов от Тефиды и Гайи, – я шагнул к ней, она подалась назад. – «Любите врагов своих» – так, Франческа? Я – ваш враг, как насчет поцелуя?

Я снова сделал попытку сократить расстояние, девушка снова отступила. А потом подхватила юбки и побежала вниз по склону, туда, где щипала траву гнедая кобыла из замковой конюшни.

Я вернулся в храм.

Беглый осмотр помещения изнутри подтвердил предположения. Я готов был поспорить хоть на свой магический дар – пару столетий назад это здание пучилось щупальцами апсид по всем сторонам света.

Что же – вот и возможность проверить, насколько правы богословы в своих мутных теологических изысканиях. Если подобные места и впрямь средоточие битвы начал, в чем лично я очень сомневался.

Я надрезал руку чуть ниже локтя и начал путь посолонь с восточной апсиды.

Изваяние Гайи – величественной, полногрудой, слегка грузной. Дарующая стихия, жизнь, незыблемость и косность. Обмакнув палец в кровь, я вычертил на ее алтаре знак Ингуз. Присяга той, чьих даров я так и не смог ни понять, ни принять.

Алтарь Разящего. Меч в руке, на лице застыла гримаса ярости. Я знал его другим. На моей родине, на моей настоящей родине, не в Прайдене, принято говорить, что бог огня не столько зол, сколько любит злые шутки. В этом мы с ним схожи. Наверное, оттого он и одарил меня так щедро.

Я оставил Кано на алтаре того, кого в мыслях привык называть не Адраном, но Лофтом.

Колчан за спиной, флейта в руке, чернильница на поясе. Капризный и ветреный Афир – проводник и властитель путей. Мой дар его стихии – руна Ансуз.

Последний алтарь. Я остановился, вглядываясь в лицо статуи, изображавшей Скорбящую Заступницу. Почему ладан? От нее пахло можжевельником. Память мало что сохранила, но можжевельник я помню точно.

Можжевельник и холод. От нее всегда тянуло инеистой прохладой.

Неизвестный скульптор постарался. Лицо Тефиды, согласно канону, было скрыто под капюшоном, но вся склоненная фигура и сложенные в мольбе руки выражали безмолвное отчаяние. Крик в камне. Скульпторы Рино талантливы не меньше художников.

Лагуз – руна воды.

В центре храма, там, где когда-то, вечность назад, находился алтарь пятой богини, на полу мозаикой был выложен круг с изображением птицы в центре. Я опустил на колени и вычертил размашистый крест.

Руна Гебо. Дар и свобода. Дар свободы.

Мои губы беззвучно шевельнулись, повторяя слова присяги мертвым богам. Я – Страж пустой темницы. Лишенный предназначения. Свободный от всего.

«Для чего?» – спросил я у каменных истуканов. Спросил у единственной силы, перед которой имел обязательства. Мир одарил меня щедро, слишком щедро. И так ничего и не потребовал взамен.

Мужчине нужно дело. Я болен бездельем, болен своей бесконечной свободой. Куда бы ни пошел, я нигде не встречаю достойного сопротивления. Все дается слишком легко.

И все теряет смысл.

Я могу все, но ничего не хочу достаточно, чтобы стараться на пределе сил. И ни во что не верю, потому ни к чему не способен. Цинизм – самый страшный яд, он душит любые мечты на взлете.

Я стиснул зубы и вслух попросил у богов для себя дело по силам.

Свечи моргнули. Под куполом пронесся порыв ветра, захлопала крыльями встревоженная птица. На мгновение мне показалось, что я ощутил присутствие некой сущности...

Показалось.

Я встал, ощущая досаду. Глупо... как глупо. И стоило смеяться над Франческой лишь для того, чтобы пятнадцатью минутами позже умолять мертвецов о помощи?

В сущности, моя жизнь – ожившая мечта, это подтвердит любой вменяемый человек. Красота, сила, вечная молодость, богатство, могущество. Свобода творить что угодно, не считаясь с чужими желаниями. И все даром. Так какого гриска я блажу и чего мне не хватает?

Накатившая неловкость погнала меня прочь из храма. Я так торопился, что забыл стереть свои художества. Подумав, решил не возвращаться. Пусть местным сплетникам и любителям страшных историй будет что обсудить длинными вечерами. Сделаю их жизнь немного увлекательнее и краше.

В спину ударил возмущенный крик черного стрижа. Я шагнул из святилища навстречу закату, и закат шагнул мне навстречу. В порыве еще по-летнему теплого сентябрьского ветра были заметны первые горькие нотки осени.

Intermedius

Птица

Он был здесь всегда. Или его никогда здесь не было.

В мире, где все непостоянно, слова «всегда» и «никогда» одинаково не имеют смысла.

Он не знал, кто он и откуда. Он даже не всегда сознавал себя как нечто целое, единое и отдельное от вещного мира, как не сознавал разницы между материей и идеей, но это не волновало. «Прошное» и «будущее» были чужды и непостижимы. Единая точка на карте времени – «сейчас» – существовала, пересекаясь с точкой «здесь» на карте пространства, и он пребывал в этом пресечении в неизменном и совершенном покое.

Счастье.

Порой его «здесь и сейчас» заполняли люди, и тогда безмятежность бытия содрогалась под напором чужих страстей. Но люди уходили, унося в забвение свои тревоги, а он оставался.

Однажды людей было двое, и каждый из них нес в себе так много чувства, что плескал им кругом, как водой из налитого до краев ведра, – любовь, страх, радость, волнение, ожидание, беспокойство. Это будило память, а с нею боль.

Он сжался в единую точку, растекся по полу, ощущая, как со всех сторон ползет тревожный навязчивый шепот «Фран». Человек, вошедший в «здесь и сейчас», был связан с прошлым. Тем прошлым, которое ждало и звало проснуться. Но печати держали крепко, а что-то в глубине его лишенной рефлексии и «я» личности противилось пробуждению.

«Проснуться» означало страдание.

Люди ушли, и он забыл о них тут же – до тех пор, пока один не вернулся. Тот самый, что был связан с забытым прошлым и словом «Фран». Тот самый, чье присутствие приближало к страданию.

И он снова балансировал на грани мучительной готовности осознать свое «я», не в силах ни принять воспоминаний, ни окончательно отречься от них.

А потом вошло чудовище, наполненное изнутри ослепительным пламенем.

Он безмолвно закричал, когда тот, второй, взрезал свою оболочку, выпуская наружу жидкое пламя, взламывая печати, что столько лет держали в плену. Он кричал, кричал и падал в собственное «я», как в воду, скользя от безличной безмятежности к страданию и памяти.

Он осознал себя и вспомнил все.

Улыбка матери. Рассвет над Каstellо ди Нава. Уроки фехтования. Первая охота. Скупая похвала отца.

Это было страшно.

Это было восхитительно.

Это нельзя было потерять.

Мир, огромный, ужасный, внешний, вещный мир, мир материальный, тленный, изменчивый, наполненный телами, предметами, косной материей. Мир, в котором он только что был освобожден из плена безличного небытия, не принимал бесплотности. Ощувив свое съезжившееся, крохотное, испуганное «я», он жаждал ощутить границы, но единственное человеческое тело рядом принадлежало чудовищному носителю небесного огня. И тогда он, в ужасе от предчувствия утраты, вломился в ближайший крохотный теплый комок плоти и перьев.

Он родился вторично.

И закричал, впервые услышав свой крик.

Человек поднялся с колена и покинул храм. А под куполом храма все звенел и метался плач черной птицы.

Элвин

Судьба не лишена чувства юмора. Я поймал себя на том, что не на шутку увлекся герцогской дочкой. Странно. Очень. Знаю, что особенно нравлюсь женщинам определенного склада. Неискушенные, добросердечные, самоотреченные, слегка не от мира сего. Им на роду написано найти негодяя, чтобы красиво пасть жертвой его безнравственности, у честного человека с серьезными намерениями просто нет шансов. Поскольку мне нравится разрушать, а им – разрушаться, мы вполне дополняем друг друга. Но, как правило, они привлекают меня не более, чем охотничий трофей. С Франческа все было как-то иначе, и это щекотало нервы.

В тот день я украл ее из-под надзора вдовы Скварчалупи – дальней родственницы герцога, что выполняла при девушке роль дуэньи. В отличие от служанок и подружек, эта дама находилась при девушке почти неотступно. К счастью, она была нерасторопна и не особо умна, но компенсировала отсутствие этих достоинств редкостно визгливым голосом, уродливой внешностью и скандальным характером.

Примерно эту уничижительную характеристику дуэньи я высказывал, пока мы поднимались на лошадях по крутой тропинке на вершину холма.

– Вы – злой человек, – сказала Франческа.

– Тоже новость. И признайте, я прав насчет сеньоры Скварчалупи.

– Она несчастна. В ее годы не иметь дома и детей, жить милостью троюродного брата мужа...

Я пожал плечами:

– Почему одни люди в подобных обстоятельствах продолжают быть добры и приветливы, а другие превращаются в озлобленных карликов? Я верю, что у человека есть выбор.

– У вас он тоже был?

– Хотите намекнуть, что я – озлобленный карлик?

Девушка улыбнулась, показав ямочки на щеках. Вроде и слова не сказала, но стало ясно – именно на это и намекала.

– Хорошо, вы правы.

– Нет, я не это имела в виду.

– А что?

– Мне кажется, вас преследует какая-то ужасная тайна. Эта встреча в храме. О ком вы скорбите, Элвин?

Надеялся, что она умнее. Но шестнадцать лет – это шестнадцать лет, голова набита сверкающей розовой кашей.

С точки зрения конечной цели наша встреча в храме была настолько удачной, что ее стоило бы подстроить. Дальше, поддавшись на расспросы, я должен был рассказать слезливую историю. Или хотя бы намекнуть на существование таковой.

– Франческа, что за романтические бредни? Не надо лепить из меня падшего святого. Я просто гулял, палило солнце, а в храме прохладно.

Она остановила лошадь и долго вглядывалась в мое лицо.

– Вы так во мне дырку взглядом просверлите, сеньорита. У меня что – пятно от соуса на щеке?

– Мне кажется, вы лжете.

– Мне кажется, вам ужасно хочется найти какие-то оправдания, в которых я не нуждаюсь. И давайте уже двигаться, так мы никогда не доберемся.

– Ну ладно, – она отвернулась. – Что же тогда сделало вас таким, какой вы есть?

– Не собираюсь валить вину на обстоятельства. Считайте, я просто испорчен и с детства решил быть наказанием миру. Может, хватит обо мне? Давайте о вас, сеньорита. Назовите трех самых ужасных людей в вашей жизни. Кроме меня, разумеется.

За беседой мы поднялись на холм. Отсюда открывался восхитительный вид на замок. Я спрыгнул с лошади и поймал ее в объятия, наслаждаясь этой дозволенной секундной близостью.

– Люблю встречать здесь закат. Знаете, если бы я штурмовал Рино, то непременно расположил бы войска на этих холмах.

Девушка аккуратно высвободилась. Я не стал препятствовать.

– Вы воевали, лорд Элвин?

– Было дело. Но не обнаружил особого таланта к этому занятию.

Мы прошли к началу склона сквозь заросли дрока. Франческа опустилась на землю, расправив юбки. Мы сидели в молчании, только гудение пчел нарушало тишину.

– Вы были правы. Здесь красиво. И удивительно спокойно. Почему я раньше не замечала?

– Некоторые вещи приходят в одиночестве. Одиночество – большое благо, Франческа, хоть люди часто этого и не осознают. Представьте, что справа хихикает Бьянка Фальцоне и рассказывает глупости, как она имеет обыкновение делать. А слева вдова Скварчалупи нудит, что приличной леди не подобает сидеть на земле.

Девушка засмеялась.

– Вы говорите и делаете ужасные вещи. Но мне почему-то нравится вас слушать. Почему?

– О, тому много причин. Вам скучно здесь, в Рино, а я – неплохое развлечение хотя бы потому, что не похожу на ваше окружение. Вы умны, я предоставляю пищу вашему разуму и фантазии. Я не пытаюсь угодить, повторяя то, что вы желаете слышать. На моем фоне легко ощутить себя средоточием добродетели и упиваться осознанием своей моральной чистоты. Но главное – я веду себя так, как вы втайне хотели бы, но никогда не осмелитесь.

– Что?! – она даже вскочила в негодовании. – Вы лжете или бредите!

– Успокойтесь, Франческа. Сядьте. Зачем столько эмоций? Вы же умная девушка – судите сами. Я говорю и делаю только то, что хочу. Не завишу ни от воли отца, ни от глупых правил. И при этом небеса не рухнули на землю, я принят и признан в обществе, мне прощают то, что вряд ли простили бы вам. Я свободен и сам выбираю, как жить. Не этого ли вы добивались, когда пытались бежать с Лоренцо?

Девушка открыла рот, но так ничего и не сказала. На лице ее отражалось глубокое возмущение.

– Да, при этом я эгоистичен и равнодушен к чувствам других людей. Но разве можно сказать, что вы, задумывая тайную свадьбу, заботились о ком-то, кроме себя? Или будете рассказывать сказки про неземную любовь?

– Вы неправы. Я любила Лоренцо.

– Один мой знакомый цинично утверждал, что любовь придумали поэты, чтобы не платить деньги.

– Фу, это отвратительно. Ваш знакомый испорчен еще больше вас.

– Да, это так.

– Разве вы никогда не любили?

– Один раз. И то не уверен, что не путаю это чувство с чем-то иным.

Мне неплохо знакома влюбленность. Очарование, когда выдуманные достоинства женщины затмевают весь свет, смешиваясь с желанием обладать таким сокровищем. Приходит легко и уходит незаметно, оставляя чувство утраты чего-то ценного.

Я далек от того, чтобы путать это с любовью.

– Видимо, она вас отвергла.

– Глупости.

– Почему глупости? Все сходится. Вас отвергли, и вы ожесточились.

– Прекратите этот дешевый фарс. Так бывает только в романах. Ни один нормальный мужчина не станет мерзавцем просто из-за отказа женщины, если уже не был им изначально.

– Тогда почему вы не женились на той, которую любили? А может... она умерла?

– Нет. Она жива и, надеюсь, здорова. Сеньорита, вы же видите – я не хочу это обсуждать. Почему пристаёте с расспросами?

Она потупилась:

– А почему вы злитесь, когда я об этом говорю?

Злюсь? Забавно, мне казалось, что я умело скрываю свои чувства. Что же, это по-своему неплохо, что Франческа так проникательна. Мне не хотелось ей врать.

– В следующий раз расскажу сентиментальную, насквозь лживую историю. Надеюсь, она удовлетворит ваше любопытство.

Она надулась и отвернулась, мазнув мне по щеке пушистой прядью. Я любовался тем, как солнце играет золотыми искрами в ее распущенных волосах. Хотелось поцеловать эти сладкие губы, но что-то в поведении девушки говорило – рано. Поспешив, я рисковал все испортить.

– Спросите меня о чем-нибудь другом, – предложил я.

Она тут же повернулась, словно только и ждала этого предложения.

– А сколько вам лет, лорд Элвин?

– На моей родине считают по зимам.

– Так сколько вам зим?

– Точно не помню. Сбился со счета.

Она снова надулась:

– Глупая шутка.

– Вы правы. Тридцать две.

– И вы никогда не были женаты?

– Нет. Боги миловали.

На самом деле я был женат трижды, но так и не понял, что люди в этом находят. Выйдя замуж, прелестные женщины поразительно быстро превращаются в сварливых мегер, считающих себя вправе устраивать сцены ревности и вопрошать, где ты пропадал последнюю неделю.

– Почему вы так говорите? Неужели вам не хочется наследника? Мне казалось, об этом мечтают все мужчины.

– Чтобы наплодить детей, не нужно жениться. Да и потом, для продолжения рода у нас есть Мартин. Будущему маркграфу Эйстерскому сейчас около пятнадцати – вылитый братец в молодости.

«Наследник» – еще одна иллюзия, на поддержание которой Мартин тратит немало сил. Отдаю должное его целеустремленности.

– А у вас есть дети?

– Что за вопросы, сеньорита? Разве вдова Скварчалупи не объяснила вам, что невинной девушке не подобает интересоваться чужими бастардами?

Она одарила меня неожиданно дерзкой улыбкой:

– А я не невинная, сеньор Эйстер.

– Верно. Все время забываю, – согласился я, наклоняясь ближе и заглядывая в ее лукавые серые глаза.

В последний момент Франческа уклонилась от объятий, да так ловко, словно долго тренировалась в этом искусстве, и, смеясь, вскочила. Я не стал преследовать девушку. Просто смотрел снизу вверх на нее – мягкую, соблазнительно-женственную, но недоступную. Солнце скользило по золотистому шелку платья, каштановые кудри разметались по плечам. Представил ее обнаженной на этом платье среди разнотравья, облитую солнечными лучами, и забыл все, что хотел сказать.

– Вы не ответили на вопрос, сеньор.

– Не задавайте вопросов, ответа на которые не хотите знать.

– Но я хочу!

– У меня нет детей, – я поднялся, следуя ее примеру. – Я бесплоден.

На лице Франчески отразилось сострадание:

– О. Простите... – После паузы: – А вы уверены?

– Абсолютно. Не надо соблезнований, сеньорита. В этом нет большой трагедии.

Таковы все Стражи, и, пожалуй, здесь есть смысл, раз мы не стареем. В противном случае нашим потомством уже можно было бы заселить пару герцогств. Насколько я знаю, никто из нас не переживает по этому поводу. Должно быть, желание продолжить себя в детях тесно связано с ощущением своей смертности.

В небесах раздалось пронзительное «Ви-и-и-и-иррри-и-и-и», потом хлопанье крыльев, а затем прямо с небес на плечо девушке упала черная птица. От неожиданности Франческа вскрикнула, да и я тоже вздрогнул.

– Тьфу ты. Это ваш питомец, сеньорита?

– Нет, – она пораженно протянула руку. Пичуга наклонила голову, не выказывая ни возражения, ни страха. Кажется, ей даже по нраву были осторожные прикосновения девушки.

– Должно быть, чей-то домашний любимец. Стрижа можно приручить, если взять птенцом из гнезда.

Франческа пересадила пичугу на руку. Стриж лежал в ее ладошке, не шевелясь, внимательно рассматривал сеньориту блестящими горошинами глаз. Девушка нежно пощекотала птицу под горлышком и засмеялась:

– Смотрите, я ему нравлюсь.

Я был согласен с пернатым наглецом. Она не могла не нравиться.

Когда в ответ на мою попытку дотронуться стриж отпрянул и попытался клюнуть, Франческа снова рассмеялась:

– А вот вы – нет, сеньор Эйстер.

– Не думаю, что буду убиваться по этому поводу. И поздравляю с приобретением. Как назовете вашего нового друга?

Она задумалась:

– Венто. Его зовут Венто.

Глава 4. Узник Кровавой башни

Франческа

Отец доволен – мы проводим вместе много времени. Мне трудно понять, каковы чувства и намерения лорда Элвина. Могу лишь утверждать, что ему приятна моя компания.

– Я же говорю – он влюблен в тебя, – с горящими глазами повторяет Бьянка. – Ах, ну почему все самые потрясающие мужчины достаются тебе?!

– Возможно, все дело в моем благочестивом и добром нраве, – предполагаю я, чтобы ее утешить. – А сотня виноградников и красильни здесь совершенно ни при чем.

Она снова не понимает иронии. Как всегда.

Элвин Эйстер бы понял.

Он понимает мои шутки. Помню, как я испугалась, когда впервые заметила это. Испугалась и рассердилась. Он посягнул даже на этот мой невинный способ проявить себя.

Но вот странно: уличив меня в непокорности, маг не спешит подавлять бунт. Напротив, теперь он улыбается моим словам – одобрительно и насмешливо, а порой и сам включается, чтобы поддержать игру.

Это ужасно, потому что в такие минуты я чувствую себя совершенно счастливой и словно предаю этим счастьем Лоренцо.

Счастье – это когда тебя понимают.

Наверное, сторонний наблюдатель, глядя на нас, может решить, что перед ним нежно влюбленная пара. Но это не так.

Я готова поклясться на священных Заветах: при всем его внимании ко мне маг не увлечен. Когда мужчины теряют голову, они становятся другими. С Элвином я не контролирую ничего. Он ведет в этом танце, а мне остается лишь покорно следовать за ним и волей отца.

Это очень просто – следовать за чужой волей. И иногда даже приятно.

Я не обольщаюсь. В отличие от своих подруг, я вижу, каков он на самом деле. Элвин Эйстер презирает людей. Всех людей. Не только простолюдинов.

Он может быть обаятелен и мил, пока ему что-то нужно, но не стоит обманываться, его высокомерие не знает исключений. Обычная судьба гордецов незавидна, мир с лихвой возвращает их пренебрежение, а нашему гостю сходят с рук даже убийства.

Это несправедливо! Это возмутительно! Так не должно быть!

Я вижу: маг считает людей вокруг занятыми игрушками. Он не признает слова «нет» и ведет себя так, словно существуют только его желания. И я мечтаю, чтобы кто-нибудь задал ему показательную трепку, избавив от лишнего высокомерия.

И все же мне нравится общество убийцы Лоренцо. Нравится куда больше, чем должно бы. Все в поведении Элвина бросает вызов, перед которым я бессильна устоять. Рядом с ним краски становятся сочнее, а жизнь ощущается острее и ярче. Он то злит, то смешит меня, а его рассказы о волшебном народе распалют воображение.

– ...крупные домены называются «княжествами» и существуют на Изнанке больших городов. Например, Двор Оливы в Цере. Тамошний князь тот еще урод.

– Вы имеете в виду внешность?

Он подмигивает:

– Да нет, не внешность. В сравнении с иными фэйри Марций Севрус – еще ничего. Подумаешь, три глаза. Всегда неплохо иметь запас на непредвиденный случай, не находите?

Я насмешливо фыркаю.

– Ах, вы не верите мне, – с притворной грустью говорит маг. – Что же, ваше право. Не буду напрасно сотрясать воздух.

– Нет-нет! Продолжайте!

Мне интересно слушать эти истории, пусть я и сознаю, что все рассказы о княжествах фэйри – не более чем плод неумной фантазии северянина.

Я не влюблена в него! Ни в малейшей степени! Он мне даже не нравится!

Ну, может совсем немножко.

Чуть-чуть.

* * *

– У меня серьезная проблема, сеньорита, и только вы можете меня спасти, – тон преувеличенно серьезен, а глаза смеются.

– Какая проблема?

– Я до сих пор видел меньше, чем десятую часть Кастелло ди Нава. С этим нужно что-то сделать. Немедленно!

– Что за причина такой ужасной спешки?

Элвин оглядывается с опаской, словно собирается поведать мне важную тайну. Потом склоняется почти к самому уху и шепчет:

– Мне скучно.

Я прыскаю, но тут же делаю строгое лицо.

– Займитесь переводом, сеньор.

– Я занимался им весь вчерашний день и сегодня больше шести часов. Я думаю и вижу сны на древнеирвийском. Еще немного – и окончательно забуду прочие человеческие языки. Тогда вы лишитесь удовольствия понимать мои колкости.

Прежде чем я успеваю сказать, что только об этом и мечтаю, он берет меня под руку.

Что за отвратительная самоуверенность? Отчего он так убежден, что я последую за ним? И почему я не возмущаюсь, но покорно позволяю ему увлечь себя по коридору?

– Бросьте, – рассуждает маг. – Грешно держать человека в неведении. Я уже почти два месяца брожу только привычными маршрутами из опасения заблудиться, умереть с голоду и пополнить ряды ваших фамильных привидений. Вы же добрая квартиранка, сеньорита, значит должны помочь. Покажите ваше фамильное гнездо.

Сопротивляться этому напору непросто. А главное – не хочется.

– Погодите! – я вырываю руку. – Надо кликнуть вдову Скварчалупи.

– О нет! Только не это, Франческа. Разве вы не знаете, что присутствие рядом пожилых склочных женщин вызывает меланхолию и разлитие черной желчи?

Вдову Скварчалупи трудно любить. Она всегда всем недовольна, особенно мною. Ей не в радость танцы, музыка, смех и любое движение. Будь ее воля, дуэнья бы только сидела с пальцами у окна, осуждала знакомых и жаловалась на хвори.

Но я знаю – у нее была тяжелая жизнь и в глубине души вдова очень несчастна. В ответ на насмешки мага я проявляю подчеркнутое сочувствие к сетованиям сеньоры.

Однажды Элвин пробовал уколоть меня рассуждениями о том, как приятно видеть такую самоотверженную заботу. Я испортила ему удовольствие, сделав вид, что принимаю слова за чистую монету.

– Она моя дуэнья! Нам неприлично оставаться наедине.

– Разве мы одни? В замке полно народу. Не будьте жестоки, леди. Дайте вдове без помех насладиться сиестой.

И я подчиняюсь.

Мы проходим по верхней галерее, рассматривая портреты моих предков. Я рассказываю историю рода Рино. Элвин награждает каждую работу меткими забавными комментариями. Против воли снова смеюсь над его злыми шутками.

– Вы были прехорошенькой девочкой, сеньорита.

Наш семейный портрет. Мне на нем пять лет, и, по мнению всех домочадцев, я похожа на маленького фэйри. Сотни кудряшек, бархатный берет, платье в оборочку.

– А это что за юный школьник?

– Мой брат.

– Плохо получился. Художник работал с похмелья?

Да, у Риккардо на картине слишком простодушный и одновременно озорной взгляд. Обычно брат куда серьезнее. И все же маг несправедлив к живописцу.

– У вас ведь больше нет братьев и сестер?

– Нет. Отец женился еще дважды, но вторая жена была бесплодна. А третья умерла родами, и ребенка спасти не удалось.

От воспоминаний становится грустно. Она умерла два года назад. Ей было восемнадцать.

Я любила Лукрецию как старшую сестру. Искренне молилась, чтобы роды прошли успешно, но боги решили иначе.

Мы подходим к последнему полотну в галерее, и у меня пересыхает во рту.

– А это... мой портрет. На шестнадцатилетие.

Он долго всматривается в работу Лоренцо. Потом переводит взгляд на меня, будто сравнивая с оригиналом, приподнимает бровь.

Я чувствую, что краснею. Мне самой немного неловко рядом с картиной, она словно свидетельство моего глубинного лицемерия. Женщина на портрете – воплощение чистоты, стыдливости и нежности. Глаза полуопущены, на лице улыбка, значение которой я сама тщусь разгадать. В жизни я никогда не была настолько... совершенной.

– Интересно... – бормочет северянин. – Художник хотел сказать, что всякий должен целовать ваши туфельки, и, пожалуй, ему это удалось.

– Его писал Лоренцо, – в моем голосе вызов.

– А. Тогда ясно. Значит, вот как он вас воспринимал, бедняга. Кстати, вам неожиданно идет белый.

– Почему «бедняга»? – я сама поражаюсь, как зло и вкрадчиво звучат мои слова.

Опасная тема. Магу не стоило бы ее трогать лишней раз, но Элвин Эйстер не стыдится вспоминать о своем преступлении.

Понимающая улыбка. Он берет меня за руку:

– Сами подумайте, сеньорита. Она слишком хороша для этого мира, ей бы по облаку ходить, – кивок на портрет. – Быть мужем такой дамы – значит ощущать себя святотатцем или вором, посягнувшим на сокровище. Да вы и сами все знаете. Признайтесь, вам это нравилось?

Слова жестоки, как бывает жестока истина. Лоренцо и правда боготворил меня. И да – мне это нравилось. Полные безмолвного восторга взгляды были так убедительны, что я чаще верила им, чем себе или зеркалам.

– Разве так не должно быть между влюбленными?

– И кого любил ваш Лоренцо на самом деле? Ее, – кивок в сторону портрета, – или вас?

– Она – это я!

Я пытаюсь вырвать руку, Элвин берет меня за плечи. Я ощущаю, какая сила таится в этих изящных пальцах. Голубые глаза странно сверкают, у меня перехватывает дыхание.

– Неужели вам так охота быть недоступным идеалом? Вы – живая женщина, Франческа. Как все люди в рете, ошибаетесь и пользуетесь ночной вазой.

Какая отвратительная похабщина! Да как он смеет!

Я чувствую, как краснею. От возмущения и сказанной магом непристойности сразу.

– Ну хватит мерзостей! Лоренцо любил меня. И я любила... люблю его.

– Мертвецы всегда лучше живых. Поэтому их так удобно любить.

Мне хочется тоже сделать ему больно. Хотя бы словом.

– Вам так важно отнять у меня не только возлюбленного, но и память о нем?! Это... подло. Вы не умеете любить и радоваться, оттого и спешите омрачить чужое счастье! Из зависти.

– Из зависти? – с непонятной и пугающей интонацией спрашивает Элвин.

А потом он привлекает меня к себе и склоняется над моим запрокинутым лицом. Чувствую жар рук на спине, губы почти касаются моих, дыхание обжигает. Накатывает обморочная слабость, хочу забыть обо всем, подчиниться чужой воле.

– Ну ладно, пусть будет зависть.

В последний момент перед глазами встает злополучное озеро, безжизненные глаза Лоренцо. Как ведро холодной воды на голову. Вырываюсь из объятий и с размаху бью мага по лицу.

Неестественно громкий звук пощечины. Я с ужасом отшатываюсь, вспоминая, чем закончилось подобное для Лоренцо.

– Признаю, я это заслужил, – задумчиво произносит Элвин, поднеся руку к щеке. – Должно быть, вы правы насчет зависти.

Мне хочется опереться на что-нибудь. В голове сумбур, ноги не держат. Он подхватывает меня под руку.

– Оставим эту тему, сеньорита. Впереди еще несколько часов увлекательной прогулки. Я покорно переставляю ноги. Что это было? Что со мной?

Элвин опять рассуждает об искусстве, восхищаясь ринской школой живописи. Я едва слушаю. Как маг может делать вид, что ничего не случилось?

Одурманенная, я не сразу замечаю, куда он направляется. Мы спускаемся по узкой винтовой лестнице. Пахнет плесенью и могилой. Живое пламя на распахнутой ладони мага бросает блики на стены, играет на каплях влаги. Я невольно придвигаюсь ближе к своему спутнику.

– О нет! Нам туда нельзя!

– Это еще почему?

– Кровавая башня.

– Чувствую аромат тайны. Скелеты в шкафу, пугающие семейные предания. Расскажите!

Мне не хочется ворошить грязное белье своей семьи, но эта история слишком известна, чтобы был смысл ее утаивать.

– Возможно, вы слышали, что мой прадед, Джеронимо Рино, был безумен...

– А, тот самый – знаменитый предок, который имел забавные кулинарные пристрастия?

Назвать людоедство «забавными кулинарными пристрастиями» – это чересчур. Даже для Элвина Эйстера.

– Ваш цинизм гадок, как кривлянья шута.

Он покаянно опускает голову:

– Простите, Франческа. Все время забываю про разницу в возрасте. Это не цинизм, это... просто толстокожесть, наверное. Я видел столько отвратительных вещей, что давно перестал придавать им хоть какое-то значение. Продолжайте, обещаю молчать.

– Его болезнь... он не просто ел людей.

– Надо полагать, он их сначала готовил?

– Не в этом дело, – не буду с ним спорить. Легче перекрыть Эрану, чем поток сомнительных шуток северянина. – Он... считал, что лучший способ сохранить мясо свежим – оставить его в живых.

– Мудрый человек... – Элвин спотыкается. – Погодите! Вы же не хотите сказать...

– Да. Он вырезал куски у еще живых людей, чтобы приготовить. А потом ел.

Я останавливаюсь. Мне страшно. Кровавая башня, десятки замученных жертв, несчастная сеньорита Изабелла – мой детский кошмар.

Я – Франческа Рино. Жуткое наследие Джеронимо – часть моего приданого.

– Он держал их здесь, в Кровавой башне, – шепотом говорю я. – Говорят, в подвале до сих пор живет призрак сеньориты Изабеллы. У нее только одна нога, потому что вторую Джеронимо отрезал и съел.

Его голос тоже падает до шепота.

– Вы боитесь, Франческа?

– Да, – признаюсь я.

Мы стоим близко. Неприлично близко, но нет сил отступить туда, где смыкает клыки хищная тьма. Где-то далеко капает вода. Здесь слишком темно и тихо. И холодно. Дрожит и мечется пламя в ладони Элвина. От рук мага, от всей его фигуры течет тепло, разгоняя мертвенный ужас.

Он, почти касаясь мочки уха, шепчет:

– Не бойся.

Огонь гаснет, я вскрикиваю. И падаю в кольцо жарких рук.

Его губы лихорадочно горячи и настойчивы. У меня кружится голова, я растворяюсь в нежных прикосновениях, покорно приоткрываю губы, пускаю его внутрь. Страх. Возбуждение. Темнота. Где-то внизу живота зарождается пульсирующее пламя и бежит по телу сладкой огненной дрожью, рассыпается сотней жарких искр. Он притягивает меня еще ближе, горячие пальцы гладят шею сзади, скользят по коже, ласкают ямку ключицы. Это до того приятно, что я тихонько ахаю и обмякаю.

И вспоминаю, кто я. И кто он.

– Нет! – упираюсь ему в грудь, пытаюсь отодвинуться.

Элвин снова пытается меня притянуть, но сейчас во мне куда больше ярости, чем страха и покорности.

– Верните свет!

– Зачем?

– Свет, сеньор Эйстер! Немедленно.

– По мне, и так совсем неплохо.

Насмешка в его голосе придает ярости, а значит сил. Я вырываюсь, кубарем скатываюсь со ступенек вниз, чудом не поломав ноги, натыкаюсь на железную дверь и толкаю ее. В спину несется «Франческа!», но я не желаю слышать. Влетаю в комнату, захлопываю дверь, опускаю засов.

И прижимаюсь к двери с другой стороны, прикрыв глаза.

Что со мной происходит?

Мысли разбежались, разлетелись в стороны пестрой птичьей стаей. Горит лицо, полыхают губы. Там, где пальцы мага касались шеи, кажется, остался красный след – пойти бы к зеркалу, проверить.

Меня никто никогда так не целовал.

Уго был отвратительно груб и неприятен, а Лоренцо нежен и, стыдно признаться, слюняв. Мне куда больше нравилось, когда он целовал руки или шею.

Я провожу пальцем по нижней губе. Почему, ну почему из всех мужчин именно этот самовлюбленный нахал умеет делать это настолько... восхитительно?!

Наверное, не он один. Но как узнать? Не станешь же проверять с каждым встречным.

Стук с той стороны двери и голос:

– Франческа, откройте!

Не хочу его видеть! Никогда больше с ним не заговорю!

Требованиям открыть дверь вдруг вторит вой и скулеж неизвестного зверя. Я отлепляюсь от двери, чтобы наконец рассмотреть, куда меня занесло.

Та самая темница в подвале Кровавой башни. Я уже спускалась сюда давно, целую жизнь назад. На спор. Нам с Бьянкой было по восемь, она в последний момент испугалась, и я пошла одна. Помню, как входила, сначала дрожь от ужаса, а после осмелев, как осматривала камеры... Потом что-то испугало меня, и я, задыхаясь, бежала назад по винтовой лестнице. Оглядываться было нельзя, за спиной маячил призрак Джеронимо с огромным тесаком наперевес...

Улыбаюсь. Спор я тогда все-таки выиграла. И Бьянке пришлось во время проповеди в храме вскочить и выкрикнуть похабный стишок, которому меня научил Риккардо. Шуму было...

Как обманчивы детские воспоминания. Мне казалось, подвал больше. И страшнее. Низкий потолок с арочными сводами, неровная кладка стен. В помещении грязно, но оно не выглядит заброшенным. На столе не столько горит, сколько коптит одинокая масляная лампа, брызгая на стены пятнами тусклого, словно грязного света.

Скулеж доносится из-за дубовой двери с решетчатым окном. Их тут три, за второй и третьей – тишина. Три двери, три камеры. Именно там, за обшитым сталью деревом, в крохотных каморках Джеронимо Безумный держал своих пленников.

Вот он – не шкаф, но целая гардеробная комната с семейными скелетами Рино. Свидетельство наследного безумия в моей крови. Наше родовое проклятье.

Ходят слухи, что супруга Джеронимо не была верна мужу. Я надеюсь, что это правда. Спокойнее спать, сознавая, что мой прадед – всего лишь камергер.

Как замороженная, я подхожу ближе к камере, из которой раздается вой и поскуливание, пытаюсь заглянуть в окно. Внутри темно, из закрытого решеткой провала шибает тяжелый запах мочи и экскрементов. Скулеж становится громче.

– Франческа, с вами все в порядке? Отвечайте или я выломаю дверь!

Волосатая ручища мелькает перед глазами. Я не успеваю отпрянуть, пальцы с желтыми обломанными ногтями вцепляются в волосы. Рывок и боль, щеку с размаху впечатывает в решетку.

Я захлебываюсь страхом и криком.

В одно мгновение оживают все детские кошмары. В темном окне повисает лицо – то ли человек, то ли чудовище. Грязные волосы, борода в колтунах, рот щерится в зверином оскале.

Он снова дергает меня за волосы. У меня закладывает уши от собственного визга. Холод стали на щеке, от едкой вони на глаза наворачиваются слезы. Лишь в паре дюймов рычит, беснуется и брызгает слюной монстр, и решетка уже не кажется надежной защитой.

Я встречаюсь с ним взглядом.

Куда-то исчезает весь воздух.

И холодно. Становится очень холодно.

– Нет!

У него чуть выпуклые глаза цвета стали. Слишком знакомые глаза.

– Нет, – беззвучно, одними губами шепчу я. – Нет! Это неправда!

Проклятие рода Рино, порченная кровь. Наследное безумие – говорят, Джеронимо получил его от своего прадеда. Раз в четыре поколения нам суждено породить монстров в человеческом облике...

Моя прабабка была верна своему чудовищному супругу.

Грохот. Дверь слетает с петель. Всего мгновение спустя жуткая тварь, взвизгнув от боли, выпускает меня и отползает в сторону. По камере разносится запах паленых волос и обиженные завывания.

Я с запозданием понимаю, что все закончилось.

И что я почти повисла в объятиях мага, потому что ноги не держат. А губы дрожат, и очень хочется разрыдаться.

– Такое чувство, что я недооценил ваш талант находить неприятности, сеньорита. Он не просто выдающийся. Он – феноменальный.

Я глушу всхлипы, пытаюсь встать. Насмешка в его голосе успокаивает, как и жесткий акцент.

– Я упоминал, что спасение девиц – мое второе любимое развлечение?

Ноги подламываются, но Элвин снова ловит меня. Вой из камеры сверлом вгрызается в уши.

– Ну же, Франческа! Подайте мне реплику, спросите какое первое!

– Всех раздражать?

Его болтовня и впрямь раздражает. И странным образом помогает вернуться к реальности. Понять, что все действительно закончилось.

– В яблочко! Кстати, если вы не стоите на ногах, могу взять вас на руки. Будет очень романтично.

– Ну уж нет! – от этого предложения я окончательно прихожу в себя и отталкиваю его.

Элвин выпускает меня из объятий, смеется:

– Вы так визжали, что можно было подумать, будто ваш славный предок воскрес и решил вами пообедать.

– Я испугалась.

– Немудрено.

– Спасибо за помощь.

– Да-да, перейдем к благодарностям. Это моя любимая часть. Вам не кажется, что я заслужил поцелуй?

Как бы его увести? Нельзя допустить, чтобы северянин увидел лица безумца в камере. Элвин Эйстер слишком умен и наблюдателен, чтобы не сделать правильных выводов.

Тех самых, что успела сделать я.

– Хорошо, – соглашаюсь я и вижу по выражению лица мага, что он этого не ожидал. – Но не здесь. Не могу больше находиться в этом жутком месте. Пойдемте.

– Ага, сейчас, – он подходит к решетке, чтобы заглянуть внутрь камеры.

– Пойдемте!

– Минутку, сеньорита.

Скулеж обрывается, теперь пленник хнычет от страха. Я в отчаянии дергаю мага за рукав, пытаюсь привлечь внимание. Он отмахивается, делает движение, словно подтягивает безумца к себе ближе на невидимом аркане – тот и правда подходит, смешно перебирая ногами. Элвин просовывает руку сквозь решетку, хватая пленника за нижнюю челюсть цепкими пальцами.

– Ну и кто тут у нас?

Я чуть не плачу.

Поздно.

– Да... – медленно тянет Элвин, рассматривая лицо несчастного. Тот мычит, изо рта капает слюна. Маг выпускает пленника, брезгливо вытирает руку носовым платком. – Вы поэтому хотели увести меня, Франческа?

Прежде, чем я успеваю ответить, с той стороны, где раньше была дверь, а сейчас зияет заполненный тьмой проем, слышится шарканье. Дребезжащий голос произносит:

– Вам не нужно здесь находиться.
Я поворачиваюсь, и мне становится дурно.

Я совсем не склонна к внезапным обморокам или истерикам на пустом месте. Признаться, даже не особо слезлива, радость или гнев удаются мне куда лучше рыданий. И без ложной скромности могу сказать, что не особо пуглива. Я – Франческа Рино, *Audaces fortuna juvat*² – начертано на щите моего рода.

Но когда я оборачиваюсь и вижу женщину в дверном проеме, только присутствие рядом язвительного северянина не дает с визгом забиться под стол.

На первый взгляд она кажется глубокой старухой, но стоит приглядеться – понимаешь: безобразная сетка на лице не морщины, но врожденное уродство или кожная болезнь. Ороговевшие кожные чешуйки роднят ее лицо с мордой ящерицы. Почти безгубый провал рта и маленькие заплывшие глазки лишь усиливают это впечатление.

Появись она на улицах города – ее могли забросать камнями, как отродье Черной Тары.

– Кто вы? – мой голос дрожит.

– Мое имя – Изабелла Вимано.

Я вцепляюсь в руку мага чуть ниже локтя. Сеньорита Изабелла? Главный страх моего детства!

– Вам не следует здесь находиться, сеньорита Рино, – продолжает женщина. – Ваш отец будет недоволен. Пойдемте, я провожу вас.

– Любопытное у вас заболевание, – подает голос Элвин. На его лице нет страха, лишь смесь брезгливости и любопытства. – Почти такое же любопытное, как ваш подопечный, – он выразительно кивает в сторону запертой камеры.

– Уходите!

Женщина подходит ближе, я невольно придвигаюсь к магу. Он кладет мне руку на плечо в жесте покровительства и защиты.

– О, поверьте, сеньора, мы жаждем покинуть сию обитель скорби не меньше, чем вы желаете нас выставить. Всего несколько ответов – и сможете забыть о нашем существовании. А вот мы вас вряд ли забудем. Вы – незабываемы.

– Или мне придется рассказать вашему отцу, что вы были здесь, – продолжает она, все так же обращаясь только ко мне. Ее неподвижный взгляд пугает и притягивает.

– Так не терпится остаться со мной наедине, сеньора Вимано? – в голосе Элвина недовольство. Маг не привык, чтобы его не замечали. – Потому что я все равно не уйду.

Элвин уже видел достаточно, чтобы таиться от него. И мне тоже хочется услышать ответы.

– Кто этот несчастный и почему отец держит его там? И кто вы такая? – как ни странно, голос звучит совсем спокойно.

Она хмурится:

– Я служу у вашего отца, сеньорита Рино. Уже очень давно. А это... это просто мой сын. Он безумен. Сеньор Рино позволил мне держать его здесь.

– Надо же, какая доброта, – с чувством декламирует маг. – И кто бы мог заподозрить герцога в подобной заботе о простых слугах?

– Ваш сын? – я смотрю на ее омерзительное лицо, и мне сложно поверить. – Но...

Мне трудно найти слова, чтобы выразить в приличной форме свои сомнения. К счастью, Элвину не свойственна застенчивость:

– При всем уважении к вашей неземной красоте парень в той камере куда больше похож на герцога, чем на вас.

² *Audaces fortuna juvat* (лат.) – Счастье сопутствует смелым.

Она медленно достает и надевает маску из светлого бархата. Та скрывает почти все лицо, видны лишь губы и подбородок.

И враз превращается из страшилища в обычную женщину. Я замечаю, что из-под платка на голове сеньоры выглядывает прядь черных с проседью волос, а платье на ней обтрепано по рукавам и подолу.

– Джованни – ваш брат, сеньорита Рино.

Маг хмыкает:

– У герцога оригинальные вкусы на женщин, ничего не скажешь.

– Я не всегда была такой. Двадцать лет назад поэты сравнивали меня с розой. Болезнь пришла позже.

Она все так же подчеркнуто обращается лишь ко мне. Я вижу, как злит это моего спутника, и не могу удержаться от невольной улыбки. Сеньора Вимано начинает мне нравиться. Мало кто умеет так искусно щелкнуть по носу спесивого северянина.

– Простите, сеньора Вимано. Я ничего не знала.

– Ваш отец и не хотел, чтобы вы знали, сеньорита Рино. А сейчас вам надо уйти.

Я киваю, признавая справедливость ее слов. Мне стыдно за поведение мага и за то, что мы вот так, бесцеремонно, вторглись в ее жутковатое существование. Должно быть, ужасно доживать свои дни чудовищем. Тюремщиком собственного безумного сына.

Знаю, что герцогской дочке не полагается просить прощения у служанки, но все равно повторяю:

– Простите нас. Если я могу сделать что-то для вас или вашего сына...

– Спасибо, нам ничего не надо, сеньорита, – холодно отвергает мой порыв Изабелла. – Идите.

– Погодите. Можно мне... я хотела бы еще раз взглянуть на... на брата.

Она позволяет, и я, взяв в руки лампу, подхожу к решетке. Долго вглядываюсь в согбенную фигуру в углу. Он очень похож на отца. Если убрать всклокоченную бороду, подстричь волосы и стереть жалкую кривую гримасу с лица.

Джованни Вимано, мой незаконнорожденный единокровный брат. Несчастный безумец, наследник проклятия рода.

Маг стоит за спиной, обнимает меня за плечи, но я и не помышляю протестовать. Так спокойно от того, что он рядом.

– Вы ведь никому не расскажете? – спрашиваю я.

– Не волнуйтесь, Франческа, – его голос непривычно мягок, пальцы скользят вдоль моего уха, поправляя выбившуюся из прически прядь. – Я рассказываю только забавные истории.

Мы покидаем башню, но вместо того чтобы вернуться в свои покои, Элвин невесть зачем тянет меня обратно в галерею. И долго стоит напротив моего детского портрета.

Глава 5. Пожиная плоды

Элвин

В конце сентября вся долина – бедняки и богачи, крестьяне и горожане – выходит на уборку винограда. Скорей, скорей. Крупные, слегка перестоявшие под жарким солнцем ягоды надо убрать до начала октябрьских дождей. Важно успеть. Соберешь раньше, пока кожица еще упруга, – и вино будет кислым, точно в соседней Анварии. Чуть помедлишь, поленишься – пойдут дожди. Тогда наполнять корзины придется по колено в грязи, темно-багряные грозди не просушишь на поддонах, чтобы превратить в драгоценнейшие вина на побережье – сладкие и терпкие, с ноткой груши и ванили. Дождешься этой октябрьской мороси – и половина ягод сгниет, а что осталось – сгодится лишь на дешевое трактирное пойло.

Оттого традициям дней Раккольто верны и нищие, и богачи. Горожане и крестьяне работают не покладая рук. Когда неубранных рядов остаются считанные десятки, сборщики как будто срываются с цепи. Срезать с лозы последнюю гроздь означает получить удачу для себя и своей семьи на весь будущий год.

Праздник по случаю окончания Раккольто – еще одна традиция этих мест. Братец Мартин как-то раз довольно желчно высказался – мол, лучше всего разеннцы умеют две вещи: делать вино и устраивать праздники, чтобы был повод его выпить. Доля правды в этих словах имеется: жители полуострова знают толк в праздниках, будь то помпезные военные парады Церы или шумный маскарад в честь духов виноделия.

Пожалуй, мне жизнелюбие разеннцев по душе. Эти люди умеют радоваться. В наглухо застегнутом на все крючки Прайдене такого не встретишь.

Раккольто – праздник народный. С утра улицы Ува Виоло заполнили люди в праздничных одеждах и масках. На центральной площади гарцевала кавалерия, под пение скрипок и флейт проезжали платформы, убранные цветами. Кувыркались паяцы, выступали уличные комедианты с размалеванными лицами, и рекой лилось вино. Над всей долиной стоял хмельной, немного безумный дух, словно Бахус и впрямь существует и сегодня спустился с гор, чтобы плясать в толпе ряженных.

Я брезгую пьяной гульбой, поэтому сперва собирался остаться в замке. Перевод был практически окончен, оставалось прояснить некоторые мелкие детали, а присутствие прелестной Франчески вечно отвлекало меня от работы. Однако, увидев с какими горящими глазами она обсуждает маскарад, в очередной раз пожертвовал делами обыденными ради дел сердечных.

Как выяснилось, плутовка вовсе не собиралась весь праздник сидеть в кресле на помосте для благородных дам. Сеньора Скварчалуپی гневно пожаловалась мне, что стоило ей отвернуться, как сеньориты и след простыл – ищи ее теперь в толпе.

Восхитившись бесшабашностью малышки Франчески, я переборол отвращение к простолюдинам и направился на поиски. Вопреки ожиданиям, толпа была не так груба и пьяна, как я опасался. Дружелюбие горожан хлестало через край, пусть костюм и выдавал во мне знатного человека. Маска словно стирала сословные различия. Пару раз мне предложили выпить вина, чуть позже хорошенькая смуглянка с волосами, свитыми в мелкие кудряшки, потянула за руку в общий круг, танцевать.

Я нашел пропажу на малой площади. Узнал почти сразу, несмотря на пестрое платье Коломбины и изящную полумаску. Писаки в своих комедиях обожают маскарады и всяческие неразберихи, сопутствующие им, но я совсем не понимаю, как можно не узнать хорошо

знакомому человека. Волосы, походка, жесты, голос – всего этого достаточно, чтобы не ошибиться.

Она следила горящими глазами за танцующей парой. Два флейтиста, лютнист и барабанщик задавали незатейливую мелодию, а на расчищенном пяточке двигались мужчина и женщина. Они обходили друг друга посолонь, не соприкасаясь даже одеждой, и, казалось, между ними натянулась тонкая гудящая струна. Затем партнер подхватил девушку и закружил. Отпустил, чтобы снова целомудренно обойти вокруг нее. И снова опасная близость, едва ли дозволенная правилами приличия...

Решение пришло мгновенно. Я подошел к Франческе, поклонился и подал руку.

– Сеньорита? Окажите мне честь.

– Нет, я не могу, – даже под маской было видно, как она вспыхнула.

Прошептав «Не глупите, вы же этого хотите!», я швырнул музыкантам монету и потянул девушку в круг.

Начальные па я подсмотрел, наблюдая за парочкой. Они были несложными, как в любом простонародном танце. Мы сошлись, я подхватил Франческу, поднял:

– Должен сознаться – совершенно не знаю движений. Так что подсказывайте мне, если не хотите опозориться, Коломбина.

– Вы все делаете правильно, – прыснула она. – Теперь поставьте меня.

Мы прошли еще круг, глядя друг другу в глаза. Я гадал, узнала ли она меня под маской.

Снова захватывающая близость в кратких объятиях на глазах у толпы.

– Волнующий танец, не находите?

– Вольта. Он называется вольта. Как получилось, что вы не слышали о нем?

– Последние годы я пренебрегал светскими развлечениями. Жил почти отшельником. Кстати, если в следующий раз вы положите мне руки на плечи, будет удобнее.

– Ох, хорошо.

Еще круг.

– Ваши несносные манеры ужасно напоминают одного моего знакомого.

Я подавил улыбку. Все-таки узнала.

– Ваше умение говорить дерзости мне тоже кое-кого напоминает. Одну дурно воспитанную особу.

– Дурно воспитанную?! – она попробовала высвободиться в притворном возмущении, но я не дал. – Я хочу вас стукнуть!

– Да-да! Она тоже чуть что – лезет драться. Девушка ужасного воспитания.

– Вы несосны!

– Вы уже говорили это.

– Отпустите меня, это становится неприличным!

– Хорошо.

Так мы весь танец обменивались милыми колкостями. Вино, а может, праздничный флер вытащили на поверхность настоящую Франческу. Я любовался тем, как она танцует, смеется и флиртует. Казалось, вместо едва тлеющей лучины внутри девушки вспыхнул факел, и его свет наполнял сейчас ее лицо ясным живым огнем.

Маскарады. Они, как ничто иное, помогают людям избавиться от масок.

Отзвучали последние аккорды, мы церемонно поклонились друг другу, а лютнист ударил по струнам и заиграл буррэ. Народ, словно только этого и ждал, высыпал на площадь парами.

– Знаете буррэ, Коломбина?

– Конечно! А вы, сеньор Отшельник?

– Только дворцовый вариант. Боюсь, я буду несколько церемонным. Потерпите?

– Вы прекрасно танцуете, – признала Франческа, и я с удивлением понял, что мне приятно слышать от нее эту похвалу.

Мы танцевали, пили вино и снова танцевали, пока на небе не зажглись первые звезды. Тогда я повел ее к Эране смотреть огненные скульптуры. Силуэты плотов с гигантскими фигурами из соломы и дегтя чернели где-то по центру реки.

Основная толпа собралась у набережной, здесь же, чуть в стороне, над обрывом, прятались только редкие влюбленные парочки. Внизу, у набережной, рябили огни. В траве оглушительно пели сверчки, а от реки тянуло сыростью.

Она поежилась:

– Холодно.

Я обнял ее сзади за полуобнаженные плечи.

– Так лучше?

– Что вы себе...

– Тссс, сейчас начнется!

На воде вспыхнул первый огненный силуэт. Огромный лев с взъерошенной гривой. Следом за ним загорелся вставший на дыбы грифон.

Франческа подалась вперед и, казалось, забыла, что я позволил себе недопустимую вольность. Ее волосы пахли лилиями и дымом.

– Похоже, у нас тут символически встают и рушатся империи. Смотрите, оципанная курица с герба Прайдена.

– Это орел, ужасный вы человек.

– Волк... должно быть, Разенна.

– В прошлом году были цветы.

– Цветы? Фи, как скучно.

– А в позапрошлом – рыцари. И огромный замок.

– Уже лучше. О, да это никак фамильная киска Рино.

– Все бы вам смеяться. Рысь – опасный хищник.

– Несомненно.

Огненные фантомы прогорали и гасли, опадая в воду. Тьма отвоевывала пространство над рекой. Франческа снова попробовала освободиться, на этот раз я не стал ей препятствовать.

– Что дальше, сеньор Отшельник? Снимите уже эту маску! Праздник окончен.

– Помогите мне.

Ждал, она откажет, да еще и вставит что-нибудь язвительное, но девушка вдруг кивнула и привстала на цыпочки, чтобы развязать ленты. Ее рука задержалась на моей щеке чуть дольше положенного.

– Праздник окончен, – повторил я за ней и снял с Франчески маску.

Она неумело ответила на поцелуй. Я обнимал ее за талию отнюдь не объятием робкого влюбленного юноши, но она не противилась, враз утратив всю свою скрытую дерзость. Неожиданная покорность заводила не меньше, чем прежняя недоступность.

Нас прервали грубой площадной бранью. Я не сразу понял, что весь этот поток нечистых слов, среди которых преобладало «putta»³ и производные от него, был адресован моей подруге. А когда понял – естественно, вознегодовал и захотел покарать сквернословя. Но воевать было не с кем – рядом с нами стояла только крепкая пожилая женщина с резкими чертами лица.

– Сеньора, вы никак больны или пьяны, – с досадой сказал я старой карге. – Идите, проспите, пока я не позвал слуг, чтобы они научили вас хорошим манерам.

³ Putta (итал.) – шлюха.

– О да, господинчик, ты научишь меня хорошим манерам. Так же, как научил моего мальчика?

– Это мать Лоренцо, – прошептала Франческа. – Сеньора Ваноччи, мы... – Она осеклась и беспомощно обернулась на меня.

Я привык сознавать себя плохим парнем, и мне это нравится. Не только мне, иначе я давно стал бы изгоем. Но нет – общество что людей, что фэйри радостно аплодирует циничным выходкам и лишь иногда грозит пальчиком, когда совсем уж перехожу черту.

Сейчас, под полубезумным взглядом старой женщины, мне было неуютно до тошноты.

Стоило шагнуть вперед, старуха отшатнулась. По выражению лица я понял, что она меня боится, но это не доставило ни радости, ни утешения:

– Видимо, вам нужен я, сеньора. Ведь это я убил Лоренцо.

Некрасивая, но величественная. На первый взгляд кажется старше, чем есть. Я дал бы ей лет сорок – в Разенне женщины, особенно женщины неблагородного сословия, стареют рано. Морщинистая, с грузной фигурой, резкими чертами лица. Пронзительные черные глаза впелись в меня. Я не отвел взгляд.

Единственное, чего хотелось в этот момент, – оказаться как можно дальше отсюда. Но есть вещи, от которых не убежишь. А есть такие, от которых нельзя бегать, если хочешь потом уважать себя.

– Убийца.

– Да, это так.

– Хочу твоей смерти, лордик-маг.

– Понимаю. Но это невозможно. Знаю, что за жизнь платят жизнью, а не деньгами, поэтому не стану оскорблять вас, предлагая виру. Я сделал то, что сделал, и это нельзя исправить. Вы вправе ненавидеть и мстить.

Я не собирался унижать ее или себя сбивчивыми оправданиями. Намерения ничего не стоят, хотел я того или нет – смерть мальчишки на моей совести.

Губы женщины задрожали:

– Что я могу?

Из-за спины сеньоры вынырнул парнишка лет четырнадцати. Худосочный, смуглый, чернявый, как большинство местных жителей. Ожег меня взглядом, полным ненависти, и потянул женщину за руку:

– Мам, пойдем домой! Росина и Селия ждут!

Немезида исчезла. Теперь на ее месте стояла просто рано постаревшая женщина с печатью горя на лице.

– Пойдем, Марко.

Перед уходом мальчишка обернулся:

– Однажды я убью тебя, маг, – пообещал он.

Домой мы вернулись порознь. Франческа совершенно закрылась, отвечала односложно и старалась даже не смотреть в мою сторону.

В изрядной досаде я поднялся на стену замка и вызвал грозу. Полночи над Ува Виоло полыхали зарницы и хлестали осатаневшие струи дождя.

* * *

После Раккольто все пошло наперекосяк. Франческа уже неделю избегала встреч, а когда обстоятельства сводили нас на людях, старательно не смотрела в мою сторону, словно я был болен кожной болезнью, как Изабелла Вимано.

Стены замка давили, и, чтобы развеяться, я стал чаще выбираться в город. Во время одной из таких прогулок меня попытался зарезать Марко Ваноччи. Мальчишке повезло, что я заметил его заранее и был готов к нападению, на рефлексгах мог бы и пришибить.

Еще я наконец-то окончил перевод. Как и предполагалось, дальнейший след вел в Церу. Не был в столице Разеннской империи уже лет сорок, самое время посмотреть, что там новенького.

Нет, я не собирался оставлять Рино навсегда. Плохо умею отступать, а Франческа стояла того, чтобы попытаться снова. Однако сейчас дева пребывала в раскаянии и печали. Нужно время, чтобы встреча с матерью Лоренцо стерлась из памяти и ей снова захотелось моего общества. И больше шансов, что она начнет скучать, если я буду далеко. Человек так устроен, что всегда жаждет недоступного.

Так я думал, направляя лошадь вниз по горной тропе, когда за спиной в пропасть сорвался здоровенный булыжник.

Поначалу показалось, что это не более чем случайность.

Как раз в этом месте тропа делала крутой поворот, огибая скалу. По правую руку открывались живописнейшие виды, тем более волнующие, что поросший дроком обрыв начинался буквально в футах от края тропы.

Я не успел даже удивиться. Камень ударился о тропу, перевалился через край и продолжил свое падение. Лошадь заволновалась, я отвлекся, чтобы уговорить ее. Этой задержки хватило, чтобы не попасть под обвал спереди. Сразу с десятков средних и мелких горных обломков градом обрушились на тропу. Конь испуганно всхрапнул. Я выругался и перехватил поводья. Сейчас все силы уходили на то, чтобы сдерживать испуганное животное, не дать ему понести или прыгнуть прямо в пропасть.

Вцепившись левой рукой в гриву, я встряхнул правой, призывая Силу. Камни забарабанили по куполу, засиявшему в солнечных лучах полупрозрачной радужной пленкой.

Держать одной рукой щит, другой пытаться справиться с обезумевшей лошадью, – очень сложно. Примерно как играть на двух музыкальных инструментах одновременно. Булыжники стучали о купол, падали на тропу и летели дальше вниз, в воздухе туманным облаком повисла пыльная взвесь. Хорошо, что поставленный второпях щит прикрывал от нее хотя бы частично, но мелкая пыль все равно проникала сквозь него, забиваясь в горло и не давая дышать.

Наконец глупая скотина немного успокоилась. Камнепад тоже прекратился, как по заказу. Я поднял глаза – и сквозь закрывшую небо пыль увидел над головой черный человеческий силуэт. Незнакомец выглядывал из-за горного кряжа, пытаюсь оценить успешность покушения.

– Ах ты сукин сын! – ругнулся я и хлестнул аквилонской плетью, вышибая камень у него из-под ног. Незнакомый полетел вниз, неуклюже размахивая руками.

Он упал на тропу передо мной, судя по болезненному вскрику – очень неудачно. После удара сила инерции еще некоторое время тащила его вниз по дороге, потом увлекла в пропасть. В последнее мгновение незнакомец успел выбросить руку и ухватиться за ствол молоденькой оливы, чудом уцелевшей при камнепаде, и повис над обрывом.

Я спешил. Не терпелось поглядеть ему в глаза.

– Так-так. Значит, прежний урок не был усвоен, молодой человек, раз вы пришли за добавкой?

Над пропастью болтался Марко Ваноччи. Левая рука повисла мокрой тряпкой – сломал при падении. Правая судорожно стискивала дерево.

– И что мне с тобой сделать? Оставить здесь?

– Я не буду унижаться и просить о помощи, – прошипел он сквозь зубы.

– Жаль, люблю, когда передо мной унижаются, – я ухватил его за запястье и вытащил. – Но приятно знать, что ты не оставляешь попыток лишиться свою мать и второго сына. Впрочем, у тебя же еще две сестры, верно? Они будут ей отличным утешением и опорой в старости.

– Я убью тебя, колдун! И убью не сразу. Ты еще будешь ползать перед моей матерью и просить прощения!

– Красиво поешь. В менестрели пойти не думал? – Я оглянулся в поисках хворостины.

– Я отомщу.

– Ты – глупый ребенок, который вообразил себя взрослым. Не думай, что я оставил тебя в живых из особой доброты. Просто я убил уже достаточно Ваночки в этом году.

– Что ты делаешь?!

– Детей наказывают. Родители недостаточно занимались твоим воспитанием, так что придется мне, – с этими словами я перекинул мальчишку через колено, приспустил штаны и отвесил десять хлестких ударов прутом по тощим ягодицам.

Он орал и брыкался, извивался угрем. Удержать его было сложнее, чем справиться с лошадью, но у меня получилось.

Когда я закончил, все лицо мальчишки было залито злыми слезами. Он неловко натянул штаны одной рукой и собирался задать стрекача, но я поймал его за шиворот.

Остаток дороги Марко ехал поперек седла. Он молчал, только иногда всхлипывал.

Недалеко от города я потянул его за волосы и заставил поднять голову:

– Ты – молод и глуп. Обе попытки не тянут даже на покушение. В следующий раз я тебя убью.

– Или я тебя, – прошептал он с восхитительным упорством.

Если говорить начистоту, вторая попытка была хороша. В этот раз мы оба разминулись со смертью, но, может статься, при следующем покушении все закончится куда более печально для юного мстителя.

Справедливости не существует. Эту горькую истину Марко Ваночки еще предстояло постичь. А я, глядя на него, вспоминал другого мальчишку, который так же мечтал отомстить за того, кого любил. Но сначала был слишком слаб. А потом стало слишком поздно.

Я не хотел смерти Марко.

– Чтобы убить мага, нужно самому быть магом. Даже у тренированного воина почти нет шансов.

– Я стану магом! И найду тебя.

Я взглянул в дышащее решимостью и ненавистью лицо и понял – Марко не откажется от мести. Такие, как он, не отступают.

– Не самый плохой смысл жизни.

Его ждет большое разочарование. Вряд ли в роду Ваночки были фэйри, а магический дар проявляется лишь у потомков людей и волшебного народа. И то в одном случае на тысячу, если не реже.

Страхнув свою ношу в руки сеньоры Ваночки, я в двух словах описал обстоятельства нашей с ним встречи и уехал, не желая слушать ее причитаний.

На обратном пути в замок я думал о Марко. Он не остановится. Будет искать силу, пока не встретит упоминания о культуре Черной. И если его одержимость не ослабнет, то утрата человеческого не покажется мстителю большой платой.

Наверное, милосердней было бы убить мальчишку, чем толкать в объятия культистов. Но я хотел дать ему шанс.

Франческа

Я пережидая, пока сеньора Вимано уйдет, и пробираюсь в подвал Кровавой башни. Тихонько подхожу к двери, шепчу: «Джованни!» Он радостно мычит и подбегает к двери, словно щенок, который увидел хозяйку. Отдаю ему украденную с обеденного стола мари-тоцци⁴, и он жадно запикивает ее в рот, давясь и роняя крошки. По подбородку течет слюна, смешиваясь с остатками взбитых сливок. Я протягиваю руку с носовым платком сквозь решетку, чтобы вытереть ему лицо.

Мой брат. Джованни Вимано.

Сеньора Вимано все же доложила отцу, что я видела безумца. Папа вызвал к себе и долго ругался, но я читала в его глазах растерянность и боль.

Обошлось даже без розги. Он просто велел молчать и держаться от Кровавой башни подальше.

Я молчу, но прихожу сюда почти каждый день.

Не знаю, отчего меня так тянет в подвал. Почему не могу просто забыть бедного сумасшедшего. Должно быть, голос крови. Джованни больше не пугается, не пытается напасть. Он привык к моему виду и голосу и знает, что я всегда приношу с собой что-нибудь вкусное.

Брат ластится, как одичавший пес. Сеньора Вимано плохо ухаживает за сыном – он всегда грязен, вонюч и голоден до ласки.

Я глажу его по голове со смесью жалости и безразличия, и он тихонько скулит, блаженно прикрыв глаза. У него вши. И, наверное, блохи. Откуда в камере блохи и вши, здесь же нет животных?

Потом я вспоминаю крысу, что встретила на лестнице. Откормленная и наглая, она не сразу убралась с моей дороги.

Снова вглядываюсь в профиль безумца – и опять это пугающее чувство, будто я потеряла, обронила что-то важное.

Воспоминание приходит внезапно. В нем мне совсем мало лет и я с хохотом раскачиваюсь на качелях. Поскрипывает доска, небо то отдаляется, то распаивает объятия. Голубое в бирюзу, ни облачка.

Качели замедляют ход, я подбираюсь и прыгаю. Неудачно. Боль в коленке, реву от обиды. Солнце над головой заслоняет силуэт, голос брата: «Ну ты плакса, Фран». У Риккардо добродушная улыбка, большие глаза и родинка на подбородке, совсем как у меня...

Обрывки слухов и сплетен, Элвин, который слишком долго разглядывал наш детский портрет, отшучиваясь в ответ на мои расспросы, и сам портрет, на котором Риккардо девять, но он кажется старше и серьезнее, – все внезапно складывается в невозможный, но единственно верный ответ.

Мне кажется, я схожу с ума!

Я смотрю на мужчину в камере. На родинку на его подбородке. Он похож на отца. И еще на меня. И на маму.

– Риккардо? – спрашиваю я дрожащим голосом.

Безумец мычит и пускает слюни.

⁴ Мари-тоцци (*итал.*) – сдобная булочка с изюмом и взбитыми сливками.

Глава 6. В катакомбах Церы

Элвин

Цера изменилась.

Теперь она пахла войной. Отряды наемников на каждом углу: безземельные рыцари Прайдена, пехотинцы с Аларского нагорья, татуированные южане. За солдатами удачи стаяй шакалов следовали их вечные спутники – шлюхи, ворье, маркитанты, скупщики награбленного.

Если всю эту свору в ближайшее время не спустить с цепи, она пожрет город. Слишком много заточенного железа и пустых кошельков. Император должен это понимать.

Человеческие войны и горе по-своему отражаются на Изнанке мира. Город хотел крови, и, откликаясь на жадный призыв, из гробниц и темных нор лезла всякая дрянь – мелкая и жадная до полной потери самосохранения. Их голодный вой ощущался костями даже на третьем этаже недешевой гостиницы.

Не мое дело, но местный князь фэйри слишком распустил эту шушеру. Как он хочет распорядиться в городе, если не в состоянии держать под контролем низших вулей?

Когда стемнело, я спустился в залу и показал хозяину серебряную монету:

– Скажите-ка, любезнейший, нет ли здесь неподалеку заброшенного дома? Такого, чтобы окна выходили на городскую тюрьму, кладбище или больницу?

– А как же, ваша милость, – откликнулся мужик за стойкой. – Как не быть? Дом сеньора Мунцио – вот что нужно вашей милости. Стоит пустой уже третий год, с тех пор, как молодой Лучано сошел с ума, зарезал свою бедную Софи, а потом сам повесился. Да и окна на лечебницу Скорбящей.

– Отлично! – Это было даже лучше, чем я рассчитывал. – Пусть кто-нибудь из слуг проводит меня к дому сеньора Мунцио.

Трактирщик поймал монету. По гадкой ухмылке на его рябом лице было видно, что он знает (точнее, думает, что знает), зачем заезжему аристократу на ночь глядя понадобился «дом с историей».

Те же мысли читались на лице мальчишки, который показывал, где находится дом. Он смотрел на меня огромными, круглыми от ужаса глазами и так озирался в поисках помощи всю дорогу, что я почувствовал себя настоящим злодеем. Когда я отпустил паренька у дверей жилища, тот припустил со всех ног – видимо, не чаял уйти живым.

Совершенно напрасно, к слову. Я не планировал диких зверств и кровавых жертвоприношений. Ну... почти.

План обчистить тайник де Бриена вполне тянул на воровство по меркам фэйри. А воровать лучше с умом. Подземная Цера не меньше, а то и больше той, что разлеглась на поверхности. Каменоломни, гробницы, тайные ходы, забытые склады, святилища и даже остатки давно заброшенной канализации – две тысячи лет истории не проходят бесследно. Можно плутать по ним годами. А можно привлечь проводника.

Последним я и собирался заняться.

Шаг. И ночь расцвела монохромными, словно подсвеченными изнутри контурами немислимой для обычного мира резкости. Изнанка мира. Родина всего чудесного и чудовищного. Обычным людям нужны врата, чтобы попасть сюда, но я – Страж. Сам по себе врата.

Все жители Изнанки, за исключением фэйри, – порождение человеческой фантазии, желаний и страхов. И кормятся они той же материей. Оттого и предпочитают «проклятые» дома или близкое присутствие храмов, тюрем и больниц.

Дверь дома была не заперта. Неестественно яркая луна заглядывала сквозь забранные решетками окна, по пустым коридорам гулял ветер.

Я остановил выбор на комнатухе, оконца которой выходили на лечебницу для бедноты. Очертил мелом круг, наскоро выплел маскирующую формулу, выставил свечи и чашу. Свечи вспыхнули, и в углах зашевелились тени – пока всего лишь обычные тени, бесплотные и неопасные, но я кожей чувствовал внимательный взгляд. Город замер, приноживаясь. Я не стал его разочаровывать и полоснул кинжалом по правой ладони.

Кровь любого Стража полна чистой концентрированной силы. Редкое лакомство по меркам вулей. Сейчас этот заброшенный дом для них – как свежий кусок мяса в капкане. Дармовая сила и никого рядом – приходи да бери.

Капли медленно стекали в чашу. Я дождался, пока кровь скроет дно, и приложил к ладони тряпицу. И тут началось.

Из самого темного угла комнаты, повизгивая от жадности, бросилась тварь, похожая на собаку с чудовищно вывернутыми конечностями. Ее встретил удар шпаги. Гриск заскулил, завертелся на месте и издох, но на смену ему из темноты встало еще несколько собратьев.

Гриски шли на запах крови и обещание силы. Убить их несложно даже обычным оружием, они наглеют, лишь чуя слабость. Я мог бы сжечь тварей одним движением руки. Но сделать это означало выдать себя.

Во многом успех сегодняшней вылазки – вопрос удачи и правильного выбора места. Если я ошибся и дом действительно пустует, добычей ночи станут только гриски, хогги и прочая неразумная дрянь. А мне придется придумать что-то другое или пойти на поклон к местному князю.

Чуть было не проморгал его. Мелкий, в полметра росточком, с приземистым квадратным тельцем, от ушей до пят заросший черными волосами, он выкатился из щели, добежал до чаши и начал жадно лакать.

Попался!

Я наклонился, пересек линию и ухватил вуля за шкуру. Он сначала трепыхался и пищал, потом обвис, как нашкодивший кот.

Еще с десятков грисков влетели в комнату и разочарованно заскулили. Стоило нарушить круг, как заклинание перестало действовать. Теперь твари с опаской приноживались. Их было достаточно, чтобы напасть на человека, но от меня слишком явно несло магией и опасностью. Гриски медлили, жались по углам.

– Вон, – скомандовал я. Огненный шар подкрепил команду, в комнате запахло паленой шерстью. Уродливые выродки бросились врассыпную. Их скулеж еще долго эхом отражался в ночных переулках.

Моя добыча тоже дернулась, но я лишь рассмеялся и щелкнул вуля по носу.

– А ты куда собрался, милейший?

– Простите, сеньор. Я не хотел ничего дурного, – заныла нежить. – Не знал, что вы здесь. Просто хотел подкормиться!

– Верю, – согласился я, рассматривая своего пленника.

Редкостный уродец. Даже по меркам вулей. Черные глаза навывкате, гадкий розовый хоботок в обрамлении седых вибрисс – точь-в-точь крот. Широкие лапы-лопаты с длинными когтями только довершали сходство.

– Как твое имя?

– Пощадите, сеньор, – снова заныло создание ночи. – Я не хотел зла...

– Как. Твое. Имя. Отвечай! – я встряхнул его, и вуль вытянул конечности, окончательно уподобившись наказанному коту.

– Тальпус, господин.

– Другое дело, Тальпус. Поговорим?

Пал он тоже как кот: стоило разжать пальцы, как вуль перекувырнулся вперед и приземлился на все четыре лапы.

– О чем, сеньор?

– Ты ведь подземный житель, так?

– Я часто прячусь в норах, – осторожно согласился вуль.

– И в катакомбах бываешь?

– Ну... бываю, – еще более осторожно кивнул он. – Иногда.

– Мне нужен проводник. К гробнице первосвященника Ипполита.

Создание ночи ойкнуло и прикрыло глаза лапами-лопатами:

– Не надо, сеньор! Это плохое место.

– Брось! Служения Черной Таре не проводились больше пятисот лет, да и сама богиня мертва.

– Опасность!

– Какая?

Он не ответил.

– Хорошо, но вот какое дело. Мне нужно туда. Именно к гробнице.

– Князь...

– Нет-нет. Я совершенно не намерен тревожить вашего князя без особой нужды. Ему, как приличному хозяину, придется задавать много неудобных вопросов. Кто я такой, откуда пришел, чего ищу. Мы же не хотим доставить ему столько хлопот, верно, Тальпус?

Вуль сгорбился и спрятал личико в ладонях. Сейчас он походил одновременно на перекормленного крота и мохнатый куст.

– Ты сам признался, что голоден. Я мог бы подкормить тебя. Услуга за услугу, что скажешь?

Пленник залопотал что-то невразумительное и помотал головой.

– И я понимаю, предприятие связано с риском, а за риск обычно доплачивают. Тебе даже не придется входить туда вместе со мной. Просто доведешь до входа, дальше я сам. Поверь, если в гробнице что-то и прячется, после моего визита это будет безопаснейшее место во всей Разенне. Маленький подарок вашему князю. А это – для тебя. Аванс, – я размотал тряпицу на правой руке. Рана уже не кровоточила, но запах крови заставил вуля потянуться ко мне. – Можешь взять немного, – разрешил я.

Тальпус всхлипнул, вылизывая ладонь длинным вертким языком:

– Князь будет гневаться!

– Не дрейфь, малыш. Князю мы ничего не скажем.

Франческа

Мне казалось, я знаю, как устроен мир.

Мне казалось, в нем все просто и понятно.

Мне казалось, я знаю свою семью.

Если в камере мой брат Риккардо, мой безумный брат Риккардо, то кто этот человек, который ежедневно спускается к общему столу на обед и ужин? Человек, которого я столько лет называю этим именем и величаю братом?

Он ниже пленника Кровавой башни почти на полголовы. Ниже и меньше, его даже можно назвать щуплым. У него стальные отцовские глаза и выступающая челюсть. Он неизменно сдержан и зануден. Меж нами никогда не было особой близости, но он всегда заботился обо мне, как умел. Пусть мне и казалось, что забота эта продиктована больше его представлением о долге, чем любовью.

Мне было пять лет, когда Риккардо надолго, очень надолго отослали на воспитание в замок Риччи. На год или даже на два. Казалось, что без него прошла целая жизнь. Помню, как поначалу я скучала, потом перестала. В таком возрасте все быстро забывается.

Получается, что вместо Риккардо вернулся подменьш?

Отец знает. Не может не знать. Еще должны знать слуги. Я пытаюсь расспросить Розу и вижу по ее бегающим глазам – ей что-то известно. Но старенькая кормилица сперва отнекивается, а когда я начинаю настаивать, грозитя пожаловаться отцу:

– Не лезла бы ты в это дело, *miò bambino*⁵, – бормочет она.

Если это «не мое дело», то что тогда мое? Они могут держать меня за дуру, но теперь, когда я знаю правду, я не отступлю.

Кто «они»? Не знаю. Отец. Брат. Слуги. Все, кто врал мне эти годы.

Потрясенная своим открытием, я едва замечаю отъезд северянина. Отец рвет и мечет, но Риккардо, тот, второй, ненастоящий Риккардо, принимает мою сторону. Ему не нравится Элвин Эйстер.

– Бастард, да еще с такой репутацией – плохая партия, – настаивает он. – У маркграфа Эйстерского есть наследник, почти ровесник Франчески. Не разумнее ли с точки зрения политической выгоды будет предложить подобный союз эрцканцлеру?

Отец морщится, по его лицу видно, что он желал бы подобной партии, но сознает, сколь ничтожна вероятность выдать меня за сына курфюрста.

Мне до смешного скучно слушать эти споры. Что бы я ни сказала, будет так, как решат мужчины. Походя замечаю, что Элвин Эйстер бесплоден. Это заставляет отца помрачнеть и задуматься. Он хочет внуков.

Риккардо снова начинает доказывать, что родство с магом станет опрометчивым шагом. Доказывать с таким жаром, словно Элвин сделал мне предложение, а вовсе не покинул замок, толком не попрощавшись. Отец велит ему заткнуться.

Все мои помыслы занимает безумец в подвале Кровавой башни, потому я сижу с бесстрастным и смиренным видом, как положено истинной леди. Не спорю и не пытаюсь развлечься с помощью шуток. Лишь поглядываю порой на лже-Риккардо. Он тоже наших кровей. Слишком, слишком похож на отца.

Кто ты, человек, которого я считала своим братом?

* * *

Я не очень разговорчива.

У нас в роду считается, что смирение и умение промолчать – женские добродетели. Отец долго вколачивал их в меня. Вколотил. Все, что я себе позволяю, – осторожные улыбки и мягкие шутки. Шутки, которые не понимает никто, кроме меня.

Кроме меня и Элвина Эйсера.

Я не болтлива и сдержанна. Всегда помню о своем положении и не позволяю себе лишнего. Я всегда дочь герцога.

Только с Лоренцо я могла быть иной. Настоящей.

Нет сил описать, как тяготит меня сейчас эта ставшая второй натурой привычка держать все в себе. И посмей я обсудить с кем-то свое открытие – не смогу. Слова застрянут в горле. И я боюсь доверять эту тайну бумаге.

Я доверяю ее птице.

Венто необычайно умен и предан. Я не держу его в клетке, стриж летает, где хочет, но всегда возвращается. Я протягиваю ладонь – и он падает на нее. Крохотные коготки цара-

⁵ *Mio bambino* (итал.) – мое дитя.

пают кожу, под пальцами бьется маленькое сердечко. Мой славный, мой хороший! Осторожно, одним пальцем глажу Венто по голове, он блаженно прикрывает глаза. Как кот.

Он так умен, что иногда мне кажется – стриж понимает человеческую речь. Я знаю, это невозможно, но порой в невозможное так хочется поверить.

Я говорю, не думая жаловаться. Просто нужно выговориться, выплеснуть свои сомнения. Стриж слушает, склонив голову набок. И вдруг срывается с руки, чтобы начать с криком метаться по комнате.

– Что случилось, Венто? – с испугом спрашиваю я.

Он никогда не вел себя так.

Стриж отвечает на птичьем наречии. Должно быть, я перечитала сказок, потому что в голосе Венто мне слышится отчаяние и просьба. Он подлетает к двери и снова возвращается, кружит. Даже садится на голову, чтобы клюнуть, и снова летит к двери.

– Да что с тобой такое?

Проходит почти полчаса, прежде чем питомец успокаивается. Весь вечер Венто, нахолившись, сидит на шкафу и показывает, что обижен на меня за что-то.

Элвин

Вход начинался в подземельях сразу за Ареной. Никогда не нашел бы его в одиночку. Вуль провел меня мимо раздевалок, клеток с бойцовыми животными. Потом были склады. Ночные и темные.

Не помню точно, где свернули, но идти стало труднее. В коридорах встречались обломки камня, стены сузились, а потолок опустился так, что временами приходилось пригибаться. Мы покинули мир людей.

Дорога заняла не менее часа. Могла бы меньше, но я останавливался у каждого поворота, чтобы сделать пометки на стене. Доверие – штука хорошая, когда оно обосновано. Ставить свою жизнь на верность Тальпуса я не собирался.

У очередного поворота вуль остановился.

– Здесь. Дальше прямо, сеньор.

– Проводишь меня до места, мальш.

– Нет, сеньор.

– Это был не вопрос. Возражения не принимаются.

– Вы обещали, что я иду только до гробницы.

– Я еще не видел гробницу, дружок. Нет, даже не думай, – предупредил я его порыв. – Мы же не хотим проверять, хорошо ли горят вули, верно? Давай, не бойся. Как только дойдем до места, я тебя отпущу, обещаю.

Последний коридор оказался совсем коротким. В конце его находилась круглая комната – шагов десять в длину. Выход из помещения перекрывала массивная каменная дверь. Естественно, запертая.

– Что насчет ключа? – без особой надежды поинтересовался я у проводника.

– Не знаю, сеньор! Я никогда не был внутри.

– Хорошо. Подожди, пока я открою дверь.

Неоправданный оптимизм. Со второго взгляда стало ясно – дверь запечатана магией. Там, где край каменной плиты соприкасался со стеной, шла полоса рунной вязи. И это был не привычный с детства футарк, а любимая в Разенне умбра.

Я снова мысленно выругал себя за пренебрежение магическими практиками. Сколько раз клялся подтянуть технику и освежить знания! Пару раз даже пытался, но надолго меня не хватало. Жизнь сама по себе – довольно скучная штука, чтобы добавлять в нее тоски от гримуаров.

Я еще размышлял, стоит ли подбирать ключ или проще снести дверь, когда в комнате стало в два раза светлее от чужого факела.

– Вы, должно быть, заблудились, господин маг. Позвольте, я покажу выход.

Незнакомец мог бы сойти за подростка. Издалека. Росточком мне по плечо, длинные светлые волосы стянуты в хвост на затылке. Острые скулы, подбородок и кончики ушей. Стройный, даже изящный, с непропорционально длинными руками. И янтарные кошачьи глаза.

– Да нет, не заблудился, любезный... Простите, нас не представили, поэтому просто «Эй, вы, любезный».

– Тайный храм Тары – опасное место с дурной славой. Честному человеку нечего здесь делать.

Один короткий взгляд в сторону Тальпуса подтвердил подозрения. Ну конечно, мерзавец сдал меня с потрохами.

– Что же в таком случае делаете здесь ВЫ? Или правила только для людей? Кстати, «Эй, вы, любезный» – слишком длинно. Может, остановимся на дружеском «Эй»?

Он не отреагировал на хамство:

– Законы князя едины для всех. А я здесь, чтобы уберечь вас от большой ошибки.

– Никакой ошибки, любезный Эй. Обожаю опасные места с дурной славой.

Я даже не отвел взгляд, всего лишь моргнул, а он уже пересек комнату и теперь стоял между мной и дверью. Два клинка за спиной намекали, что в случае чего у фэйри найдутся аргументы посерьезней слов.

Очень быстрый. Плохо.

– Лучше прислушаться к моим словам. Пока вы еще гость.

Он был прав по меркам того, второго, мира, который я давно считал своим куда более, чем человеческий. Одно дело – тайно обстряпать свои дела на чужой территории и совсем другое – вступить в поединок с жителем домена. Следовать под конвоем к князю города и там оправдываться, как нашкодивший мальчишка, – унижительно. Но я сам виноват, раз попался.

Шла бы речь о любом другом князе, не Марции Севрусе, я бы пошел с фэйри.

Противник все-таки успел увернуться. Столб пламени ударил из моих сведенных рук прямо в центр каменной двери, а долю секунды спустя я почувствовал острую сталь у горла.

– Я мог бы вас убить, господин маг, – спокойно сообщил фэйри. – Но князь очень желал беседовать с человеком, который так рвется в заброшенное святилище Черной Тары.

Я выругался с явным уважением. Нельзя недооценивать противника. Фэйри был не просто хорош, он был великолепен. Стало ясно, почему князь отправил его в одиночку против мага.

– Похоже, нам обоим сейчас станет не до бесед с князем.

Выпущенный огонь не гас. Он растекался по рунам и контуру двери и сменил цвет с рыжего на пурпурный.

– Прекрати это! – потребовал фэйри.

– Прекратил бы, если б мог.

– И что сейчас будет?

– Понятия не имею. Мы разбудили охранные руны. А уж чего маги твоего князя туда навесили...

– Это не наши.

– Что?

Он не ответил, но убрал клинок от моего горла. Огонь отражался в кошачьих глазах фэйри, дверь раскалилась так, что нам пришлось шагнуть назад. Воздух обжигал легкие. Я протянул руку, пытаюсь подчинить пламя, – и еле успел отшатнуться. Оно не было просто стихией, за языками огня стояла чья-то изреченная воля.

Дверь выплюнула пять стустков лилового света и потухла. Но прошедшее через нее нечто не спешило таять. Так и лежало на полу сиреневыми лужицами.

– Что за... – В этом зрелище было что-то неуловимо знакомое. Я точно читал или слышал о подобном.

А еще я готов был поставить свою жизнь, что лиловая субстанция не имела ничего общего с водой. И вообще к ней лучше не приближаться.

Как бы в подтверждение моих мыслей поверхность лужиц пошла рябью. И я наконец вспомнил, что мне это напоминает.

– Протохимера. Из похожего дерьма выкармливают искусственных монстров Изнанки! Когда растят чью-то погибель.

Нечто из-за двери забурило и вспучилось. И мной, и фэйри сейчас владело достаточно эмоций, чтобы запустить первичную реакцию. Но создание химеры занимает не один месяц. Они не могут вот так просто и быстро...

– Круг! – скомандовал фэйри, и я подчинился. Теперь мы с недавним противником держали круговую оборону, спина к спине. Я подумал и тоже достал шпагу.

Ближайший лохматый сиреневый ком выпростал тонкую ложноножку и потянулся в мою сторону. Мне это сильно не понравилось. Не подпуская потустороннюю пакость даже на длину шпаги, я долбанул по ней аквилонской плетью.

Магически спеленутый в гибкий кнут ветер растаял в руках. Это было все равно что опустить кусок льда в кипящую воду. А твари заметно подросли и вытянулись.

– Какого гриска?! – ругнулся фэйри за спиной.

Звякнула сталь, кто-то коротко взвыл. Сразу две твари насели на меня. Я отмахнулся от первой шпагой и рефлекторно, не соображая, что делаю, приложил вторую Силой.

Опять это дикое ощущение. Как будто делаешь замах с мечом в руке, но в последний момент тот исчезает. Твари снова подросли и уплотнились.

– Что происходит?

– Похоже, они жрут мою магию. Ничего себе, никогда не подозревал, что химеру можно откормить и магией.

За спиной снова запели мечи, несколько коротких взвизгов слились в один. Напарник взмыл в воздух и после невероятного прыжка приземлился передо мной. В каждой руке он держал по акинаку.

– И что нам делать, маг?

Короткий удар снизу, навстречу двум атакующим тварям, и такой же стремительный прыжок назад, чтобы снова стать спина к спине.

– Пижон, – восхитился я, расправляясь с третьим монстром. – Перед кем рисуешься? Тут нет девок.

Сейчас монстры напоминали странно плотные человеческие тени, приземистые и неестественно сгорбленные. Двигались они не очень быстро, рывками. К сожалению, удары не сражали тварей, лишь замедляли и отбрасывали.

Если монстры жрут магию, а я, как любой Страж, не могу не фонить, то получается, что они просто регенерируют. И прервать это можно лишь убрав источник магии.

Я бы и сам не отказался убраться отсюда, право слово.

– Эй, дружище. Тебе не кажется, что есть некоторая несправедливость? Почему очаровашки выбирают меня? – пожаловался я после третьей подряд атаки, когда вся пятерка пыталась повалить меня с ног. Не будь рядом фэйри, им бы это удалось. – Тебе, наверное, тоже хочется любви и ласки.

Мое красноречие пропало даром. Как истинный воин, в бою напарник был немногословен и целиком сосредоточен на деле.

– Что дальше? Как нам от них избавиться?

- Отличный вопрос. Жаль, у меня нет такого же отличного ответа. Только догадки.
- Давай свои догадки.
- Я могу попробовать магию.
- Ты уже пробовал магию.
- Не так! Не чуть-чуть. Подобные фантомы создаются с расчетом на ничтожный потенциал обычных человеческих магов. Я могу вкачать в них столько, что они лопнут. Или...
- Или?
- Или не лопнут, – завершил я, уклоняясь от очередной атаки.
- Плохой план, – фыркнул фэйри. – Давай другой.
- Другой еще хуже. Обычные химеры так не кормятся, эта дрянь жиреет за счет закли-
тья на двери. Я попробую деактивировать руны, если ты прикроешь наши задницы.
- Годится. К двери!
- Эй, когда это ты начал командовать?

На деле оба плана никуда не годились. Но если затея с дверью провалится, я всегда смогу попробовать что-то еще.

Мы азартно врубались в толпу монстров. «Мы» в данном случае – преувеличение. Я только мешал недомерку, в одиночку фэйри сделал бы это быстрее и красивее. Он орудовал своими акинаками с нечеловеческой скоростью, да еще при этом перекачивался, крутился и прыгал, как кузнечик.

– Действуй! – приказал он, становясь за моей спиной.

Я склонился над камнем, снял перчатку и кончиками пальцев прошелся по цепочке символов. Здорово мешала темнота. Когда все началось, я отшвырнул факел, и тот потух. Фэйри поступил умнее, воткнув свой в щель между камнями. Но все равно слишком далеко. Света не хватало.

Рассказал бы кто, что мне – стихийному магу – не хватит огня, я бы посмеялся. Но сейчас прибегать к Силе означало раскармливать фантомов. Неожиданно раздражающее открытие. Я так гордился своим умением обходиться без магии, но она всегда была рядом – руку протяни. Нынешнее положение заставляло чувствовать себя неуютно.

Расшифровывать заклинание на умбре почти в полной темноте? Я не рунический маг. Я – стихийник с неограниченным потенциалом. Руны для слабаков.

Звуки сражения за спиной то стихали, то снова возобновлялись. Я, как слепец, ощупывал проклятый камень, пытаюсь вспомнить эффективные сочетания рун. Вязь в два ряда, бустрофедоном⁶. Лихо закручено, даже изящно.

Задача увлекла. Пальцы скользили по символам, и вокруг них разливалось еле заметное красное свечение. В уме выстраивалась последовательность символов. Если сюда и сюда добавить Резу и Такис...

Боль в левом плече вернула к реальности. Одна из этих тварей все-таки добралась до меня. Секунду спустя клинок фэйри почти располовинил ее, но дело было сделано – химера хлебнула крови. Пятерка монстров еще подросла.

– Дружище Эй, ты не мог бы лучше делать свою работу? – раздраженно спросил я, зажимая плечо.

Он не ответил, был слишком занят, сдерживая атаку разжиревшей пятерки. Как бы ни был хорош фэйри, он не сможет прикрывать меня вечно.

Сила сочилась через рану вместе с каплями крови. Скверно. Теперь я, сам того не желая, подкармливал противника.

⁶ Бустрофедон (*греч.* bustrophedon, от *bús* – бык и *strépho* – поворачиваю) – способ письма, при котором первая строка пишется справа налево, вторая – слева направо, третья – снова справа налево и т. д.

Идея пришла внезапно, когда я думал, как же закрыть рану без помощи магии. Легкое, красивое решение задачки. Я вписал кровью еще три руны, закрывая нижний ряд, вкачал туда Силы, с лихвой, чтобы точно хватило, и даже успел прикрыть лицо рукой и крикнуть напарнику: «Падай!»

Лиловая вспышка пронеслась над головой, на секунду ослепив даже сквозь сомкнутые веки. Я встал, проморгался. Монстры исчезли вместе с дверью, теперь из проема глядела вязкая тьма в сиреневых всполохах. Фэйри сидел на земле и тер глаза.

– Не трогай, будет хуже. Извини, не успел предупредить насчет вспышки, – я подал ему руку.

– Это пройдет? – в его движениях скользила легкая неуверенность.

– Должно. Хочешь – я посмотрю. Правда, излечения не обещаю. Заживлять мелкие порезы – мой потолок.

– Смотри, – согласился он.

Глаза не пострадали, но зрачки сжались в крошечные точки с булавоочную головку в расплавленном золоте радужки.

– Нормально. Пройдет через пару часов, может, раньше. Кстати, спасибо за помощь. В одиночку было бы трудновато.

– Ага, – он хмыкнул. – Мне тоже.

– Дверь исчезла. Собираюсь пойти и проверить, что там.

Будь он в порядке, я не успел бы уклониться от удара. Акинак встретил пустоту, а фэйри слегка пошатнулся.

– Ты что творишь?

– Не могу позволить тебе сделать это. И не смогу остановить, пока не вижу. Придется убить.

Вот упертый баран!

Как назло, я его убивать совсем не хотел. Даже если забыть, что был ему должен за помощь. Фэйри оказался отличным напарником, да и просто жаль терять такого мечника.

Я вообще не люблю убивать, пусть в это и нелегко поверить, если вспомнить, сколько крови на моих руках.

– Это глупо. Остановись! – Сгусток огня в нескольких дюймах от его лица заставил противника замереть.

– Так-то лучше. Я мог бы оглушить тебя, но не хочу унижать. Поэтому просто положи оружие и выслушай меня.

Фэйри опустил акинаки. На лице его не было ни гнева, ни растерянности. Вот же хладнокровная bestия!

– Не знаю, за кого ты и твой князь приняли меня, но я здесь впервые. И не для ритуалов во славу Черной.

– Тогда кто ты и зачем ты здесь?

– Просто вольный искатель приключений и всяких магических штучек. Встретил в дневниках де Бриена упоминание, что он когда-то давно развлекался в гробнице Ипполита и оставил там свои записи вместе с одним занятным артефактом. Клянусь, я понятия не имел, что у князя до сих пор проблема со служителями Чиннамасты!

Он молчал, всматриваясь в меня невидящими глазами. Словно пытался на слух определить степень моей искренности.

– Почему ты сразу не пошел к князю?

Я даже улыбнулся такой наивности:

– А что – ваш князь привечает расхитителей гробниц?! Вот ведь незадача, я и не знал. Думал, начнутся обвинения в воровстве.

– А ты не считаешь себя вором?

– Нет. Тайник и его содержимое не принадлежит князю, наследников у де Бриена не осталось, а мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы раскопать эти сведения. Не понимаю, на каком основании я должен отдавать свою добычу.

Он еще колебался:

– Как ты узнал, что у нас есть проблемы со служителями Черной? Я ничего не говорил.

– Ну, здесь элементарно. Князь не послал бы своего лучшего воина – ты ведь лучший, не так ли? – если б речь шла о просто заброшенной гробнице. Да и дверца эта... будь я проклят, если на ней не свежие чары. Не более пары месяцев. Только странно, с чего эти ублюдки резвятся у вас, если Черная мертва уже почти четыре столетия.

Фэйри тяжело сел на пол:

– Это началось недавно. Стали пропадать люди. И... не только люди. Мои собратья и разумные вули. Потом пришли гриски. Много. Очень много. Мы зачищаем улицы каждую ночь, но их не становится меньше. В городе трудно дышать. Ты видел наемников?

– Их трудно не заметить.

– Люди тоже что-то чувствуют. По-своему. Это выльется в резню или войну.

Я кивнул, забыв, что он не сможет этого увидеть.

– Умерло очень много... наших. А месяц назад все прекратилось. Мы не сразу вышли на святилище Черной. Князь приказал не трогать дверь, но следить за незнакомцами, которые отираются рядом.

– И тут приезжаю я. Понятно, почему Тальпус стукнул князю. Кстати, где этот маленький засранец?

Вуль не сбежал, как я сперва подумал. Тушка, похожая на сдувшийся шарик, лежала у стены рядом с выходом. Один из фантомов просто походя раскроил ему череп. Фэйри поднялся и, пошатываясь, пошел на звук моего голоса. Положил руку на выпуклые глаза и зашептал прощальное обращение к Скорбящей и Проводнику.

– Он был трусоват. И не очень умен. Но он был хорошим другом, – сообщил мне воин. В голосе его звучала неподдельная печаль.

– Мне жаль.

Мы еще немного посидели у тела. Потом я додумался спросить:

– Как тебя все-таки зовут?

– Рэндольф.

– Ты не из Разенны?

– Я родом с Гэльских холмов. Но не был дома очень давно.

Только сейчас, после этого признания, я заметил тонкую сеточку морщин вокруг кошачьих глаз. Годы оставляют свой след даже на волшебном народец.

– Ты один из лучших фехтовальщиков, что я когда-либо встречал.

– Знаю. Я – лучший, – он признал это спокойно, и в голосе не было и тени хвастовства или самодовольства.

– Ага, а еще скромный.

Он покачал головой и тяжело поднялся. Ноздри его дрогнули, втягивая воздух:

– Кто ты? Ты пахнешь и выглядишь как обычный человек. Но сам признался, что таковым не являешься.

– Забудь! Я просто случайный путник.

– Ты из Братства Стражей, – сказал он. Это не было вопросом.

– А ты догадлив.

– Мне уже приходилось встречать тебе подобных. Как твое имя?

Я не удивился. Мир фэйри невелик. Куда ни плюнь, попадешь в знакомого знакомых.

– Элвин.

– Девятый Страж.

– Ага. Сдашь меня Марцию Севрасу?

– Я должен.

Этого следовало ожидать. Как и последующих проблем со стороны князя Церы.

– Что делать со святилищем? Предлагаю проверить его, раз уж есть возможность.

Вдруг там прячется еще какая-то пакость?

– От меня будет мало толку.

– Не бойся, если что – прикрою. Давай руку.

Рэндольф не стал упрячиться или делать вид, что слепота ему нипочем. Покорно протянул ладонь, во вторую взял один из мечей.

– Я уже немного различаю контуры, – сказал он, сделав несколько шагов.

– Отлично, – другой рукой я подхватил факел.

С первого взгляда стало ясно, что если в гробнице и находился храм, то никак не заброшенный. Ощерившаяся лучами фигура с круглым жертвенником в центре сияла уже знакомым лиловым светом. Восемь основных векторов и множество поменьше придавали ей сходство со снежинкой. Вдоль кромки каждого луча шла вязь рунических символов. Снова умбра, футарк и даже огам, о котором я помнил еще меньше умбры. Воздух над знаком гудел от напряжения.

– Что это значит? – спросил Рэндольф, когда я описал ему картину.

– Не знаю. Но мне это не нравится. Никогда не слышал, чтобы символ Хаоса Предначального применяли подобным образом.

Я мрачно уставился на фигуру, пытаюсь понять, для чего и как ее могли использовать.

Руны и Хаос?

Воззвание к Хаосу – всегда молитва. Одержимый становится вратами, через которые в мир входит невозможное. Потому даже культисты столь редко занимают силу у своей мертвой богини. Результат никогда не предсказуем до конца, как и изменения, которым подвергнется одержимый.

Руны же – воплощенная структура. Самая понятная и логичная форма магии. И самая доступная, если у тебя есть мозги, конечно. Почти не требует силы, лишь умения абстрактно мыслить и протраивать цепочки смыслов. Именно на рунах происходит привязка энергетических комплексов (в просторечии «заклинаний») к материальным объектам.

Но при чем тут, во имя Четырех, полные крови и секса темные камлания во славу Хаоса?

По правде говоря, я всегда относился к хаосопоклонникам как к кучке клоунов. Модное увлечение для знатной, непонятой окружающими молодежи, не более. Ну хочется детишкам собираться порой в смешных балахонах, петь заунывные гимны и ощущать себя не такими, как все. Да ради богов, чем бы ни тешились. Реальные случаи приобщения к Черной через такие собрания можно пересчитать по пальцам. Одно дело твердить о власти Хаоса Предначального, который сожжет огнем и зальет кровью унылый мир отцов. И совсем другое – добровольно стать чудовищем, утратившим человеческий вид и суть.

По всему выходило, что в Разенне культ Черной приобрел неожиданные и настораживающие черты.

Я постарался максимально доходчиво и кратко изложить свои соображения Рэндольфу. Тот слушал, не перебивая, только кивал.

– Хорошо. Кстати, я почти вижу. Что будем делать?

– Не знаю. В подчинении твоего князя есть сильные рунические маги?

– Были до недавнего времени.

– Мудро со стороны служителей Черной. Хорошо, видимо, мне лично придется разгребать эту кучу дерьма.

– Могу я чем-то помочь?

– Если не можешь достать перо и бумагу, просто не мешай.

Я погрузился в расчеты, ползая вдоль лучей и водя пальцем по руническим цепочкам. Какие-то предварительные результаты приходилось чертить пальцем в пыли на камнях. Трижды я сбивался, приходилось начинать все почти с самого начала. Рэндольф стоял рядом и держал факел, а когда тот догорел, достал где-то второй и зажег.

– Очень странно, – объявил наконец я. – Я мало что понял, сути даже не касался, там месяц разбираться, и лучше с гримурами. Но по всему выходит, что это был ритуал призыва чего-то невероятно мощного. С наложением огромного количества ограничений и условий... О Четырехпутье, они ведь не всерьез?! Она же мертва!

– Кто?

– Сам подумай, – я заговорил торопливо, стремясь успеть за жутковатым озарением. – Мы в святилище Черной Тары, парень! Зачем здесь заклятье, силы которого должно хватить на призыв самой адской из возможных тварей?! У этих культистов совсем нет мозгов!

– Они хотят возродить богиню? – впервые за вечер фэйри потерял невозмутимость. Дикость замысла потрясла даже его.

– Угу. Причем надо полагать, что остальных богов нам никто не вернет. Вот никогда не мог понять фанатиков. Мир, конечно, – довольно поганое место, но не настолько, чтобы отдавать его Хаосу. – Я еще раз окинул взглядом фигуру. – Хорошая новость: пусть я и не понял, как это работает, я понял, как это сломать. Но будет нужна твоя помощь.

– Что нужно делать?

– Дать немного крови. Руны на крови – самые действенные. Можно обойтись только моей, но лучше использовать несколько источников. Так что гордись, ты тоже в некотором роде станешь Стражем.

Он обнажил меч:

– Хорошо.

– погоди! Осталось обговорить плату.

– Плату?

– Дружище Рэндольф, я хочу забрать то, за чем пришел сюда. Артефакт де Бриена должен до сих пор лежать в тайнике, если культисты не нашли его, в чем я сомневаюсь.

– А что я скажу князю?

– Правду. Или что-то придумаешь. Ну, решайся.

Он задумался, потом кивнул:

– Хорошо. Под мою ответственность. Действуй.

Тайник де Бриена располагался там, где и должен был, – за барельефом, изображавшим рождение богов, чуть правее урны с прахом печально известного первосвященника. Я снял заклинание, предохранявшее содержимое тайника от воздействия времени, не глядя закинул в мешок связку свитков и шкатулку. Нечего дразнить фэйри, разбирая добычу у него на глазах.

Рэндольф надрезал руку и протянул сложенную «лодочкой» ладонь.

Одна из причин, по которой я не люблю ритуалистику и прочую мутную руническую дрянь в том, что дни и месяцы долгой работы и осторожных расчетов слишком легко испортить парой лишних знаков, поставленных в нужных местах. Я использовал его кровь для внутреннего сдерживающего контура, а свою – для внешнего. Идеально было бы, будь нас трое, но и вдвоем получилось неплохо. Деактивация прошла красиво. Стоило вписать последнюю руну, как сияние, наполнявшее колесо Хаоса, поблекло. С тихим шипением фигура начала таять. В воздухе над гробницей пронесся еле различимый шелест, словно сотни тысяч бабочек в едином порыве взмахнули крыльями, разлетаясь в разные стороны. Тонкие струйки фиолетового дыма поднялись в воздух и повисли под низким потолком.

Как я и планировал.

А вот чего я совсем не планировал, так это что фэйри побелеет и рухнет на камень.

– Эй, что с тобой? Много крови потерял? – я склонился, чтобы похлопать его по щекам. – Вставай, здесь не лучшее место для отдыха.

Он не подавал признаков жизни.

– Какого отродья Черной?!

Сперва я подумал, что он мертв. Что я напутал с рунами и Рэндольфа накрыло отдачей. Эта мысль заставила почувствовать себя по-настоящему скверно. Но когда я поднес клинок к его губам, лезвие затуманилось.

Пульс был редким и слабым, но все же был. Я оттянул Рэндольфу веко, полюбовался на мерцающий янтарь радужки и понял, что совершенно не представляю, как ему помочь. Любой фэйри – уникален. Есть похожие, нет одинаковых. В том числе в плане физиологии. А я даже не врач. Умею обработать и зашить рану и немного разбираюсь в человеческих болячках, но и только.

И вот что теперь с ним делать?

Я мрачно уставился на безжизненное тело. Представил, как ухожу, оставляя его здесь, как окончательно догорает и гаснет факел. Сейчас, когда звезда Хаоса потухла, на гробницу резко навалилась темнота. Пламени едва хватало, чтобы справиться с ней на крохотном пятячке в паре футов вокруг нас. Стены терялись во мраке.

Разумнее всего оставить фэйри, а самому уносить ноги, пока князь Церы не решил, что Рэндольф слишком задержался, и не отправил ему на помощь отряд.

Встреча с Марцием Севрусом – плохая, очень плохая идея.

Правитель Церы – упертый, жестокий и безжалостный догматик. Не садист, нет. Разве что глубоко в душе. Но страсть князя к установлению диктата Закона и Порядка имеет отчетливо нездоровый привкус. Эта двуглавая конструкция – его божество и опора, на которой зиждется мир. Я подозревал, что князь Церы чувствует себя по-настоящему счастливым, только искореняя и обрубая все выходящее за рамки, которые он отмерил окружающей реальности.

Короче, неприятный тип. И с самой мерзкой способностью из всех, что я встречал у фэйри.

Сейчас, по моим прикидкам, он должен пребывать в настоящей ярости. Любой сиятельный правитель фэйри был бы недоволен подобным безобразием на своей территории, но для Марция Севруса проделки культивистов – просто плевок в лицо всему, на что он молился.

Ничего удивительного, что мне не хотелось с ним встречаться.

В напрасной надежде я снова пощупал пульс у Рэндольфа. Без изменений.

Его все равно найдут. Правитель Церы ни за что не оставит это дело без внимания. Максимум – через пару часов Рэндольфом займутся лейб-медики, но...

– Чувствую, я об этом еще пожалею, – сообщил я непонятно кому, взваливая тело на плечо.

Глава 7. Клятва

Франческа

Настоящий Риккардо сегодня плохо выглядит. У него распухло ухо и под глазом синяк. Темно-фиолетовый, почти черный. Я приманиваю брата яблоком, чтобы рассмотреть синие следы от пальцев на его шее. Уговорами и лаской заставляю снять рубище, в котором его тут держат, разглядываю старые и свежие кровоподтеки, украшающие худое, почти безволосое тело.

Их вид приводит меня в совершеннейшую ярость.

Кто мог сделать с ним такое? Кто посмел поднять на него руку?

Безумец безобидней щенка. Не будь я в первую нашу встречу так испугана, поняла бы еще тогда. Риккардо робок, беспомощен и всего пугается. Даже когда пытается драться, делает это настолько неумело, что побороть его нет никакой сложности.

– Я заставлю их прекратить это, – жарко клянусь я брату и, полная решимости, бегу наверх, к отцу.

Ему придется меня выслушать!

У входа в его кабинет останавливаюсь. Гнев немного утих, и мне боязно отвлекать родителя. Поднимаю руку, чтобы постучать, но слышу из-за двери сердитый голос:

– Я сказал – нет, и не приставай ко мне больше со всяким бредом!

– Но вы даже не обращаете внимания на очевидные преимущества... – лже-Риккардо, как всегда, говорит невыразительно, но что-то заставляет заподозрить, что он тоже зол.

– Преимущества для кого? Пусть Мерчанти и Риччи подавятся! Я не буду снижать пошлины, обкрадывая себя и своих людей. А ты хапуга или идиот, если приходишь ко мне с подобными предложениями.

Я трусливо опускаю руку, так и не постучав. Сейчас не лучшее время, чтобы докучать отцу.

Надо уйти, но я медлю, вслушиваясь в разгорающийся за дверью спор из-за пошлин на чужеземные товары. Вспоминаю, что в последний год отец и лже-Риккардо все чаще не сходятся во мнениях. Они умело скрывают разногласия, но луну надолго не спрячешь.

– Мне оскорбительно слышать от вас намеки о корыстном интересе с моей стороны, – голос лже-Риккардо звенит негодованием. – Рино – мое будущее владение. Я – ваш наследник...

– Ты – мое наказание за грехи, Джованни. Ты и Франческа, – тяжело говорит отец. – Вернись к Риккардо разум, я не стал бы терпеть тебя и минуты. Когда умру, можешь делать с герцогством что хочешь. Но пока не лезь, куда не просят. Ты собирался на охоту с Мерчанти, так иди. И передай этому торгашу, чтобы не протягивал лапы к нашим деньгам.

Еле успеваю отскочить за угол, как дверь распаивается. Джованни вылетает с перекошенным от ярости лицом и почти бегом направляется к лестнице, не замечая меня.

Я провожаю его взглядом.

Джованни Вимано?

Он тоже мой брат.

Бастард.

Унизительное слово, унизительный статус. Лоренцо был бастардом. Я знаю, как мучила его мысль об этом.

Джованни – всегда мрачный, всегда застегнутый на все пуговицы. Я всегда думала, что его сдержанность скрывает властность сродни отцовской, а может, и жестокость. Я ошибалась?

Как мало мы знаем своих близких.

Мне хочется подойти к нему, спросить почему, узнать, что он думает, что чувствует. У нас никогда не было откровенных разговоров. В семье Рино не принято распахивать душу. Каждый – узник своей Кровавой башни. Каждый должен сам справляться со своими печальями.

Джованни спускается. Мысленно клянусь поговорить с ним. Позже. Я должна попытаться! Должна узнать, какой он на самом деле.

Мой брат – Джованни Рино.

Подхожу к двери, чтобы постучать, и снова замираю, подняв руку. Отец, должно быть, зол, очень зол из-за размолвки. Последнее дело подходить к нему сейчас, сразу после спора. Быть может, вечером, если у него будет хорошее настроение. Или завтра. Если его опять никто не рассердит...

Нет, меня это не устраивает. Слишком долго. И я обещала Риккардо!

Знаю, что поступаю самонадеянно, но я не в силах отложить все до другого раза. Я тоже из рода Рино. И я не позволю этой женщине издеваться над моим братом.

Я снова спускаюсь в подвал Кровавой башни.

Ожидание затягивается почти на час. Все это время я вышагиваю по камере, накручивая себя. словно коплю силы перед ударом. Наконец Изабелла Вимано входит, неся в руках лампу. На ней уже знакомая бархатная маска. Я помню, что скрывается под тканью, но слишком сердита, чтобы думать об этом.

Прочие слуги побаиваются сеньору Вимано, что неудивительно, учитывая ее уродливую внешность и пугающий ореол тайны вокруг этой женщины. Иные называют ее ведьмой, а иные и вовсе Черной Тарой во плоти, но я не верю в эти сказки. Я уже знаю, что раньше она действительно считалась красавицей. И одно время грела постель моего отца. Он был сильно увлечен безродной девкой, поговаривали даже, что она его приворожила.

Возможно, боги и правда покарали ее за связь с женатым мужчиной, как любит болтать челядь, но странно, что они не тронули моего отца.

Или его наказание за этот грех – безумие Риккардо?

Увидев меня, служанка останавливается в дверях:

– Сеньорита Рино? Вы снова здесь?

– Да, я здесь, Изабелла. И я хочу знать, что это значит! – Я тыкаю пальцем в сторону камеры Риккардо. – Вы избиваете его?! Избиваете моего брата?!

– Я его пальцем не тронула, – говорит она. – Он вчера беспокоился и бился головой о стену. Такое бывает. Джованни мой сын, как могла бы я обидеть своего мальчика?

Она издевается или считает меня за дуру? Я видела синяки на шее Риккардо. Такой след оставляют только человеческие пальцы.

– Не смейте лгать! Мы обе знаем, что ваш сын сейчас на соколиной охоте с Орландо Мерчанти.

Как жаль, что нет возможности увидеть уродливое лицо, которое она прячет под маской. Удалось ли мне застать ее врасплох? Напугать?

Трудно сражаться с закрытыми глазами.

– Не понимаю, о чем вы, сеньорита.

– Все вы понимаете, – мой гнев холоден и остер, как заточенный стилет. Она страшна в своем уродстве и своей загадочности, но я не боюсь ее, не испугалась бы, будь она самой Черной. – Если я еще раз увижу синяки на Риккардо или если вы снова побежите жаловаться моему отцу... тогда ваша маленькая тайна станет известна всем, поверьте. Я об этом позабочусь.

Я делаю шаг вперед, Изабелла отшатывается.

– И не надейтесь, что за бедного Риккардо некому вступиться, пусть даже отец предпочел вычеркнуть его из памяти. Довольствуйтесь тем, что сумели подsunуть своего бастарда в семью Рино. Вы поняли меня?

Она отвечает глухим «Да».

– Тогда вымойте его. Накормите нормально. Подстригите и переоденьте уже в чистое. Он – безумен, но он не животное. Уверена, отец платит вам достаточно, чтобы содержать моего брата как должно. Завтра после обеда я проверю, как вы выполняете свои обязанности.

Я покидаю подвал с видом королевы, поднимаюсь по лестнице, чувствуя себя правой и сильной этой своей правотой.

Это незнакомое, но приятное чувство.

* * *

Передний двор Каstellо ди Нава всегда наполнен людьми и звуками. Звон металла со стороны кузни, ржание лошадей, людские крики. От пекарни тянет свежим хлебом, запах пиленого дерева от мастерской, навоза от конюшен...

Это место хранит счастливые воспоминания. В детстве я любила играть здесь. С Риккардо, пока он еще был рядом. И позже одна, когда удавалось улизнуть от нянек и наставниц.

Иногда я наблюдала за играми детей прислуги. С завистью, со смутной обидой. Я была мала, одинока, и мне так хотелось друзей... но я помнила – нельзя. Мое место не среди челяди, но над ней.

Мельница чуть в стороне от прочих хозяйственных построек, и людей тут меньше. Журчит вода, крутится, поскрипывая, огромное деревянное колесо. Здесь, забравшись в узкую щель меж замковой и мельничной стеной, я пряталась от дуэньи.

К ветке старой яблони все так же привязаны качели. Я опускаюсь на доску. Как я выросла! А когда-то приходилось ныть и просить Риккардо, чтобы посадил. Поджимаю ноги, но подол платья все равно метет по земле.

Уже не первый день я собираю осколки памяти. Пытаюсь понять, когда и как случилось, что мой брат стал животным с затравленным взглядом, а его место занял тот, другой.

Так и не поговорила с Джованни. Струсил. Страшно было начать.

В семье Рино не принято показывать свои чувства, но я люблю брата. Я хорошо помню, как Джованни защищал меня от отцовского произвола. Защищал и опекал. А что читал нотации – не страшно. От нотаций не больно сидеть.

И он никогда не поднимал на меня руку. Никогда! Даже когда я позволяла себе спорить или тонко насмеяться. Да, брат очень замкнут, но я и сама не открытая книга. И не важно, что вело им в его заботе. Важно, что я ценю ее.

Как же ему было тяжело! Сменить имя, расстаться с матерью, чтобы занять чужое место, – и всю жизнь помнить об этом.

Пожалуй, я даже рада, что у меня теперь два брата.

Венто проносится совсем рядом. Я улыбаюсь, подставляю ладонь, но он словно не замечает. Летит к мельнице и начинает кружить. Его тревожный писк заставляет меня встрепетаться.

– Что такое, малыш?

Стриж опускается на землю у мельничной стены и принимается долбить клювом камень. Он делает это с таким отчаянием, таким остервенением и настойчивостью, словно от этого зависит его жизнь.

Я встаю с качелей. Мне больше не хочется улыбаться.

Что с ним?

«Ви-и-иррри-и-и-и», – почти что плачет мой питомец и бьется грудью о камень.

– Прекрати, Венто! Ты поранишься!

Беру его в руки, он вырывается. Хлопают крылья, летят по воздуху перья.

– Что там? Хочешь сказать, внутри что-то есть?

Он затихает в моих руках.

– Хочешь, чтобы я посмотрела, что там? – спрашиваю я, и мне снова кажется, что я схожу с ума.

Я разговариваю с птицей? И она мне отвечает?

– Виирррии.

– Хорошо.

Я тяну на себя камень, и он выходит неожиданно легко, словно ничто не держало его в стене. Мелькает воспоминание, слишком смутное, чтобы я успела за него зацепиться. Стриж снова верещит, храбро ныряет в темный проем и тут же возвращается обратно.

В клюве у него зажат конец кожаного ремешка.

– О боги, что это? – я отбираю у питомца его находку. Дергаю за ремешок, и в руки мне падает кожаный кошелек размером почти что с моего маленького Венто.

Он в ужасном состоянии. Таким кошельком побрезговал бы и нищий попрошайка. Снаружи кожа поросла плесенью, местами побурела и даже побелела, а местами подгнила. Торопливо пытаюсь распутать завязки – нетерпение и страх подгоняют, требуют сделать это скорее, скорее. Не получается. За годы, проведенные в стене, кожа слиплась, спеклась в единую массу. Тогда я просто рву их, вытряхивая на землю содержимое тайника.

И тихо ойкаю.

– Это будет секрет. Только наш с тобой, – Риккардо хитро улыбается и выдвигает камень. В руках его скачет деревянный конь, совсем маленький, меньше ладошки, но как настоящий. Грива с черными волосами и звонкие копыта с крохотными медными подковками.

– Так нечестно, – говорю я и сжимаю кулак. – Не дам!

– Жадина.

– Сам такой. Твоя лошадь – плохая.

Он смеется, снимает с берета аграф⁷, что держит перо, и демонстративно кладет его в кошелек.

– Жадина, – повторяет брат.

Мне до слез жалко расставаться с сережкой, но так надо. В тайник прячут то, что дорого.

Я отдаю ему одну из двух сережек, что недавно подарил отец. Расстаться с двумя сразу нет никаких сил. Позже я сойду, что потеряла ее, и нянька будет ругаться.

А еще позже, уже после внезапного отъезда Риккардо, я буду безуспешно искать тот самый камень, которым брат закрыл от посторонних глаз наш с ним секрет. Но так и не найду.

Сережка. Серебряная, с лазуритом. Совсем маленькая. В самый раз ребенку.

Позеленевший от влаги бронзовый аграф в форме головы льва.

Четыре крохотные медные подковки и горстка деревянной трухи.

– Я была права, – шепчу я, как безумная, сквозь подступающие слезы. – Твоя лошадь плохая, Риккардо. Видишь, от нее ничего не осталось.

Элвин

⁷ Аграф (*франц.*) – нарядная пряжка или застежка для украшения костюмов, шляп, причесок.

Первым, что я почувствовал, придя в себя, была боль. Мучительно ныл затылок. Казалось, на голову надели железный обруч с шипами по внутренней стороне, навряд ли тех, что можно встретить в арсенале любого уважающего себя пыточных дел мастера. И теперь невидимый садист закручивал винты, заставляя металлические шипы все глубже входить в кость.

Я застонал, попробовал ощупать рукой затылок и понял, что не могу этого сделать.

Я не мог пошевелить даже пальцем.

Следующим неприятным, но закономерным открытием стал кляп во рту. Я бы больше удивился его отсутствию. Единственный способ обезвредить мага – заткнуть рот и зафиксировать пальцы. Существует даже крайне гнусная разновидность казни – специально для чародеев, когда отрубают обе кисти, вырезают язык и отпускают жить дальше. Большинство кончает с собой уже в первый месяц.

В моем случае кляп был излишним – я работаю только через руки, но они решили перестраховаться.

Кстати, кто «они»?

Морщась от боли, я осторожно открыл глаза. В ушах шумело, перед глазами все двоилось, а невидимый садист вкрутил винт на обруче разом на пару оборотов. Я поморгал, дожидаясь, пока окружающий мир обретет резкость, и осмотрелся.

Помещение вполне соответствовало расхожим представлениям о пыточных застенках. Темно, мрачно, решетки и цепи. На стенах из необработанного камня чадят факелы, в углу жаровня, на которой тлеют малиновые угли, рядом щипцы, плети и прочие малосимпатичные игрушки из арсенала записных садистов.

При попытке покрутить головой боль перетекла с затылка на виски, пульсируя в такт биению сердца, и я окончательно поставил себе диагноз – «сотрясение мозга». Потом поставил диагноз всей этой ситуации – «полная задница». Немного подумал и поменял формулировку на такую, что заставила бы упасть в обморок иную чувствительную барышню.

Мне случалось попадать в плен, но настолько беспросветного положения я припомнить не мог. Люди редко представляют себе истинные возможности хорошего мага, тем более Стража. А роль жертвы, когда знаешь, что контролируешь ситуацию и в любой момент можешь поменяться с тюремщиком местами, даже забавна.

Но тот, кто меня связал, определенно разбирался в блокировке магических проявлений.

Память возвращалась рывками. Схватка у дверей гробницы, звезда Хаоса, безжизненный фэйри. Остальные события тонули в тумане. Я помнил, что собирался доставить Рэндольфа к его сородичам илизнуть прежде, чем начнутся расспросы.

Нынешнее положение намекало: план потерпел полную катастрофу.

Так и знал, что пожалею об этом.

Некоторое время ничего не происходило. Головная боль постепенно отступала, в глазах больше не темнело. Я подергался на кресле, к которому был прикручен. Связать человека так, чтобы он не мог пошевелить и мизинцем в прямом, а не переносном смысле, довольно сложно, но меня обрабатывал настоящий профессионал. Руки заведены назад, почти вывернуты из суставов, каждый палец примотан к железной решетке, и примотан на совесть.

Я все еще дергался, пытаюсь ослабить путы, когда услышал звук шагов за спиной. Паскудно, когда не можешь видеть происходящее. Даже если связан, зрение дает иллюзию контроля.

Прикрыв глаза, я весь обратился в слух. Шаги уверенные, громкие, но не слишком быстрые. Человек это или фэйри, он не привык таиться, скорее наоборот. Не суетлив, но и не медлителен. Возможно, резок. Среднего роста. Не грузный. Каблуки подбиты металлом, но звона шпор не слышно...

Провернулся ключ в замке, лязгнула цепь.

– Вижу, ты пришел в себя, – голос был сухим и безжизненным, как пески тамерской пустыни, а его обладатель по-прежнему находился за моей спиной. И все же зародившиеся подозрения о личности визитера перешли в уверенность.

Ответить я, по понятным причинам, не мог.

Прервавшиеся было шаги возобновились. Посетитель обошел меня по кругу, и я наконец смог полюбоваться на его выскобленный до зеркального блеска череп и хищный орлиный нос. На изборожденном морщинами лбу скрытая полупрозрачной пленкой века выделялась заметная шишка.

Печально известный третий глаз Марция Севруса.

Как я и предположил, князь решил лично допросить пленника. Наверное, я должен чувствовать себя польщенным.

Проклятье, в мире очень немного существ, которых я... ну не то чтобы боюсь, а скажем, по-настоящему опасуюсь. И князь Церы занимает одно из лидирующих мест в этом коротком списке.

– Я помню тебя, – сказал он. – Ты – фаворит Исы. И ты изуродовал ее брата на дуэли чести двенадцать лет назад. Ты работаешь через пассы.

С этими словами он избавил меня от кляпа.

– Ну, прямо так уж и «изуродовал», – тут же возразил я. – Просто немножко попортил красавчику личико. И я не фаворит. Не имею отношения ко двору княгини.

Неплохая попытка, если он хотел меня оскорбить. Быть известным в обществе исключительно тем, что делишь постель с женщиной, пусть даже княгиней, – унижительно. Тем более что мы расстались с Исой. Как раз двенадцать лет назад. И моя дуэль со Стормуром сыграла в этом не последнюю роль.

Князь молчал, вглядываясь в мое лицо своими круглыми, как у совы, глазами. Неприятный тип. Никогда он мне не нравился.

– Кстати, спасибо, что избавили от кляпа. Не могли бы вы теперь сделать что-то подобное в отношении веревок? Еще немного, и мои руки даже отрубить не потребуется – сами отвалятся. Как-то иначе представлял себе легендарное разеннское гостеприимство.

Он все так же молчал, а я подумал, что слишком много болтаю потому, что нервничаю. Плохо. Ясное дело: ситуация, когда сидишь беспомощнее слепого котенка, нервирует, но это не повод молоть языком. Стоит мне начать развязно шутить в своей любимой манере, все закончится скверно.

Одну грандиозную глупость я уже успел сделать. Признался, что не связан с Северным двором фэйри, и тем самым разом вывел себя из-под предполагаемой протекции княгини. Теперь у князя Церы нет даже такого эфемерного соображения «против», если он возжелает оказать маленькую услугу Стормуру и отправить ему врага, перевязанного подарочной ленточкой.

Что мне устроит братец Исы в этом случае, лучше не думать.

Но я не жалел. Прятаться за женской юбкой – позорно. А прятаться за юбкой Исы еще и глупо. Мы с Севрусом оба отлично знали, что княгиня не пойдет на жертвы ради любовника.

Она – из тех, кто берет, а не дает.

– Гостеприимство не для вора, – резко ответил князь.

– Предпочитаю термин «кладоискатель», – ответил я, мгновенно оценивая новую информацию. Был только один человек, который мог доложить князю о моих изысканиях в гробнице. Точнее, не человек...

– Рад, что Рэндольф пришел в себя. Я по-настоящему волновался за этого парня. Надеюсь, он не опустил никаких значимых подробностей в своем рассказе? Скажем, про нашу договоренность. Я честно выполнил свою часть сделки.

Отличная новость. И не только потому, что я переживал за жертву моих экспериментов с рунистикой. Честный рассказ фэйри о событиях в гробнице разом превращал меня из подозрительного типа едва ли не в героя.

– Цера – мой домен. И все, что в нем хранится, принадлежит мне. Таков Закон.

Я кивнул с самым непринужденным видом. словно мы вели светскую беседу на званом вечере:

– Не спорю.

– Мой клинок обещал тебе то, что ему не принадлежало.

– Да, некрасиво получилась. Но услуга уже оказана, и за нее была обещана оплата. Что говорит Закон о подобных прецедентах?

Он не ответил, из чего я сделал вид, что ситуацию можно трактовать как минимум двояко.

– В любом случае я не заслужил столь... – я выразительно дернул плечами, – теплого приема. Мои действия не принесли вреда ни домену, ни его обитателям. Напротив, избавили вас от большой проблемы. Так что давайте я пообещаю не распускать руки, а вы за это меня развяжете. Честное слово, буду паинькой.

Он хмурился. Я чувствовал: наша неприязнь взаимна. Не будь Севрус таким законником, в ход могло бы пойти раскаленное железо и клещи.

– Ты пришел, чтобы обокрасть меня.

– Ммм... признаю, так и есть. Но я этого не сделал. Напомните, ваше высочество, что там в параграфе о намерениях?

Эти разделы свода законов я и так помнил отлично. Намерение ничего не стоит. Важны только дела.

– Ты сломал мой клинок, – наконец выдал он. И я понял: это – главное обвинение в мой адрес.

– Вы про Рэндольфа? Насколько я понял, его удалось починить.

Севрус прошелся вдоль камеры. Что-то в его движениях выдавало скрытую нервозность. От необходимости постоянно выворачивать голову и скашивать глаза, чтобы удержать князя в поле зрения, у меня начала болеть шея.

– Как ты это сделал?

– Сделал что? Убрал колесо Хаоса? Ловкость рук, немного крови и магии.

Он прихватил стоявший в углу стул и опустился рядом. Снова посверлил меня тяжелым взглядом. Я надеялся, что по моему лицу не видно, насколько мне неудобно от его близкого присутствия. Стоило изрядных усилий не смотреть на подрагивающую кожистую складку века посреди лба.

– Как ты снял с моего клинка Неоплатный долг?

– Что?! Погоди... а это вообще – возможно?

– Рэндольф леан Фианнамайл больше не мой должник, – сообщил князь, продолжая меня гипнотизировать. – Я потратил много сил и времени, чтобы отковать этот клинок по своей руке. Кто возместит мне потерю?

– Как насчет того, чтобы спросить с культивистов?

Сказанное Севрусом не лезло не в какие представления о существующем устройстве мира. Пусть мне и никогда не нравилась система взаимных обязательств, составляющая основу основ общества фэйри, я не могу не признать – она работает, и работает исправно. Я и сам не раз давал или принимал зарок на мелкие и средние услуги. С Большим или тем паче Великим долгом не связывался, но механизм работы подобных клятв совершенно такой же.

А вот к пакости под названием «Неоплатный долг» я бы не хотел приближаться даже на расстояние полета стрелы. Прежде всего потому, что любой другой долг можно выплатить, а эти узы – навсегда.

Неоплатный долг – довольно циничная штука. Его дают только в случае, если фэйри считает, что ему спасли не просто жизнь, но нечто большее. Зарок превращает давшего в фактического раба и полную собственность того, кто владеет зарок.

Я мысленно поздравил прыткого мечника с большой удачей. Быть вещью князя Церы должно быть тем еще удовольствием. Сразу стало понятным равнодушие, с которым фэйри пропускал мимо ушей все мои подколки. После школы Севруса такие шутки должны были казаться ему чем-то вроде дружеского похлопывания.

Жаль, что я не записал последовательность рун. Очень уж интересная форма отдачи у этого заклинания. Покопаться бы в нем как следует...

Голос князя отвлек от неуместных мечтаний:

– Зарок снял ты, и я спрашиваю с тебя. Ты должен занять его место.

Секунду я молчал, переваривая его слова. Потом ухмыльнулся.

– Да это настоящая честь, ваше высочество. Но понимаете ли... у меня очень важная миссия.

Он нахмурился:

– Какая миссия?

– Слоняться со скучающим видом и всех раздражать. Так что вынужден отказаться.

Предчувствую, что буду сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Севрус потемнел лицом:

– Так и есть. И она не будет долгой.

– Тогда можно предсмертное желание? Хочу ужин и женщину.

– Заткнись.

И правда, стоило остановиться, но меня несло.

– Не могу. Должен следовать своей миссии, – протянул я тоном, который сестрица Джулия в детстве называла «бесячным». Сейчас она использует куда более крепкие эпитеты. – Так что насчет желания? Гриски с ужином, согласен только на женщину, но пусть она будет блондинкой.

Уже понимая, что окончательно запарол переговоры, я ухмыльнулся ему в лицо и добавил:

– Просто к слову: Братство будет мстить.

В последнем я не был уверен. То есть – я бы отомстил за любого из своих братьев или сестер, да так, чтобы фэйри потом еще сотню лет содрогались, пересказывая друг другу подробности. Так, чтобы навсегда запомнили – Стражей трогать нельзя. Себе дороже. Но единственное правило, которому подчиняются Стражи, – никаких правил. Мы свободны от любых обязательств, кроме тех, что берем на себя сами.

Пожелает ли кто из моих названных родственников отомстить за меня? Хотелось верить, что да.

– Я не буду убивать тебя, Страж. Есть другие методы.

Кожистая складка на его лбу съжилась и раскрылась, выпуская на свет выпуклую чернильно-черную полусферу, неуловимо похожую на глаз тарантула-переростка. Я слотнул, ощущая предательскую сухость в горле. Матовая тьма приглашала заглянуть в нее глубже...

Причина, по которой я боялся... да, гриски меня подери, именно боялся князя Церы. Способность расчленять души. Не важно, что он сможет отобразить в нашем поединке воля на волю – мечты и страхи, память о скучном дне, прожитом пару сотен лет назад, или нелюбовь к ризотто⁸. Я все в себе одинаково ценю и ни с чем не намерен расставаться.

Не важно даже, насколько сильно я смогу покалечить его в ответ.

– погоди! Это глупо. Может, договоримся?

⁸ Ризотто (*итал.*) – блюдо из риса в Северной Италии.

Ответом во тьме зажегся синий огонек. Тьма надвинулась, мир сделал сальто, и я понял, что это не полусфера, но яма. Бесконечно глубокая пропасть, полная жидкого обсидиана. Она раскрывалась, распахивалась медленно, но неотвратно, и я падал вниз, на самое дно, навстречу ощерившемуся шипами голубого света нечто.

Кажется, я кричал.

Это было страшно. Страшно от невозможности сделать хоть что-то, как в дурном, вязком сне, когда остается только наблюдать свой полный беспомощной жути полет.

А на дне ожидало чудовище. Гекатонхейр⁹. Предначальный великан, сторукий, стоглазый, с ножами, щипцами, крючьями, иглами, кнутами и шипами. Справа и слева вставляли осклизлые стены его обиталища, синим светом истекали куски льда в жаровне, а великан правил на оселке ланцет, готовясь извлечь из моей души что-то значимое.

Здесь я тоже был привязан. И мог только растерянно наблюдать за его работой. Совсем как несколько веков назад, когда жрец зачитывал слова ритуала Отречения, а семилетний мальчишка у алтаря с ужасом ощущал, как у ног ложится трещина, навсегда разделяя жизнь на «до» и «после»...

В трещине, разверзшейся в пропасть, прятались жадные по чужую душу бесплотные твари, но тогда я этого еще не знал. Просто чувствовал – происходит что-то очень-очень скверное. Непоправимое.

Но я выиграл тот бой!

И я давно не ребенок.

Всё вокруг – сон, морок, сумма наших с Севрусом представлений о реальности. Мои руки не связаны. У меня и рук-то здесь нет.

Пути внутри, не извне.

Я воззвал к своей силе, и она откликнулась. Навстречу сторукому монстру за моей спиной поднялась багряная стена в прожилках шафрана и охры. Вспыхнули и стали ничем веревки. Иллюзия вокруг дрожала, обугливалась и скручивалась, воздух разлетался белыми хлопьями пепла. Я встал, ощущая, как губы кривит злая усмешка. Жидкое пламя окутало меня подобно плащу. Огонь стекал по рукам, разбивался о землю обжигающими каплями.

Противник зашипел подобно змее, ошетинился сотней мечей, секир и пик и пошел в атаку.

«Фас!» – скомандовал я.

И отпустил свое пламя.

Текли и плавилась стены под напором огнедышащего ветра. Я потянулся, расправляя плечи, выбросил из каждого пальца по жгучему гибкому хлысту. Одиннадцать яростных янтарных змей с шипением прошлись кругом, сметая со стен пыточные орудия.

Пространство вокруг содрогалось от нашей общей боли. Пущенный противником дротик пробил мне плечо, но я только рассмеялся и снова ударил, целя в вивисектора.

Мир пошел трещинами, осыпался выцветшей фреской.

Я моргнул, помотал головой и убедился, что по-прежнему привязан в реальности. Болела и ныла каждая мышца. Из носа текло по губам и подбородку, капая на рубашку алыми пятнами. Облизнувшись, я почувствовал во рту соленый вкус собственной крови.

Князь тяжело дышал, откинувшись на спинку стула. Фэйри выглядел изможденным. Он как будто разом постарел, на щеках густо запали тени, веко третьего глаза жмурилось в спазме, напоминая уродливый шрам.

– Даже не думай, – хотел сказать это громко и уверенно, но сил хватило только на шепот. – Первую тварь, имевшую виды на мою душу, я убил, когда мне было семь.

⁹ Гекатонхейры – в древнегреческой мифологии – сторукие, пятидесятиголовые великаны.

Он кивнул, по-прежнему тяжело дыша. Долгое время мы молчали, восстанавливая силы. Потом князь уставился на что-то за моей спиной. Даже привстал. Я предположил, что к нашим играм присоединился кто-то еще.

– Сиятельный князь, я прошу слова!

Я узнал этот голос и не смог удержаться:

– Привет, Рэндольф, приятель. Рад, что тебе лучше. Извини, встал бы поприветствовать, но немного занят.

– Говори, – приказал Севрус.

Фэйри сделал еще несколько шагов и опустился на одно колено у ног князя.

– Узы Неоплатного долга может снять только судьба.

Судя по лицу правителя Церы, тому не слишком-то по вкусу пришлось подобные откровения.

– Это все?

– Я пришел просить за вашего пленника.

– О боги, дружище! Это так трогательно, что я почти прослезился.

Ладно, без шуток – я был удивлен. И действительно тронут, пусть так и не понял мотива этого поступка. Мы не друзья, у него нет передо мной долгов или обязательств. И я отнюдь не старался быть милым во время нашего недолгого общения.

Фэйри не взглянул в мою сторону, только сердито дернул ухом. Точь-в-точь как конь, когда отгоняет надоедливую муху.

– Быть вашим клинком – не мое предназначение. В этом нет ничьей вины. Даже тех, кто творил обряды во славу Черной.

– Он использовал мой клинок без дозволения. Он должен мне.

– Я знал, что не принадлежу себе. Но я дал свою кровь. И дал бы ее снова, чтобы защитить мир.

Марций Севрус задумался.

Я тоже задумался. Больше над тем, как мне повезло, что я не фэйри. Уж лучше маяться в отсутствии предназначения, чем быть предназначенным стать чьей-то вещью.

– Что ты предлагаешь? – спросил князь.

– Пока я был без сознания, я видел сон, – медленно сказал фэйри. – Мое предназначение придет за мной, но это случится не скоро. Я останусь вашим клинком, пока не встречу его.

Хорошо, что я сдержался и не стал влезать со своим мнением. В конце концов, это их высокие отношения, которые мне никогда не понять.

– А Страж? – медленно спросил Севрус.

– Предлагаю отпустить Стража восвояси. Где бы ни были эти самые «свои». Раз уж мы все равно выяснили, что все это – проделки злой судьбы и я здесь совершенно ни при чем.

Рэндольф нахмурился:

– Он должен вам. Пусть даст зарок на долг.

– В рамках разумного, – тут же вставил я. – Ты правильно сказал, моя вина не так велика. Я не обязан знать, кто чья собственность.

– Большой долг.

– Малый.

– Ты смеешься надо мной?

– Нет, я торгуюсь. Хорошо, Средний. Это мое последнее слово. Или могу обязаться сделать что-то конкретное. Я вообще предпочитаю определенность абстрактным обещаниям.

Князь Церы неожиданно усмехнулся:

– Хорошо. Будет тебе определенность. Страж Элвин, я хочу, чтобы ты нашел и покарал тех, кто пытался призвать Хаос в гробнице Ипполита. И я хочу, чтобы каждый из них узнал перед гибелью, что смерть – кара за нарушение закона в моем домене.

Удивительно, но его предложение мне даже понравилось. Во-первых, я как Страж всегда ощущал, что стоять на пути Хаоса – что-то вроде моего долга, пусть даже у культистов с предначальной стихией столько же общего, сколько у яблока с навозом, которым удобряли яблоню. А во-вторых, доводить любое начатое дело до конца – хороший тон. Раз уж я начал зачистку ритуала, мне и заканчивать.

Были еще разные «в-третьих» вроде профессионального любопытства к архитектуре и отдаче рунического заклятия, но и первых двух причин вполне достаточно.

– По рукам. Точнее, будет по рукам, как только мне их освободят.

Вот тут эти двое продемонстрировали, что такое «полное взаимопонимание». Князю достаточно было шевельнуть бровью, как Рэндольф вскочил с колена и оказался у меня за спиной. Меч вспорол веревки, и я потянулся, разминая затекшие плечи и пальцы.

– И кстати, я все еще хочу свою оплату за то, что прибрался в гробнице.

– Ну ты наглец.

– Может, и наглец. Но нельзя отрицать, что я сделал эту работу. И сделал ее неплохо.

Князь Церы вздохнул. Он выглядел утомленным. Неудивительно. Я тоже после нашего поединка воля на волю чувствовал себя так, словно меня разрубили на части, а потом кое-как сложили и сшили.

– Хорошо, забирай. Рэндольф отдаст тебе твои вещи. Ты ждешь приглашения быть моим гостем?

– Нет. Но чуть позже мне потребуется все, что вы успели нарыть по поводу культистов и гробницы.

Фэйри переглянулись, и я заметил на лице правителя Церы смущение. Редкое зрелище.

– Ну... – начал он.

И замолчал.

– Эй, какого гриска?! Вы же не хотите сказать, что вообще не занимались этим делом?

– Занимались, – сказал Рэндольф. – Но почти ничего не нашли. Следы ведут на человеческую сторону мира.

– Удачно, что для меня это не проблема.

Глава 8. Пляска Змея и Паучихи

Intermedius

Уго

Фьюта замерла перед кустарником. Уго перехватил ложе балестры, сложил губы «дудочкой» и присвистнул. Гончая с лаем метнулась вперед, поднимая дичь. Тяжело хлопая крыльями, из кустарника взлетели три фазана, блеснуло на солнце пестрое оперение, воздух наполнился встревоженным птичьим квохтаньем.

Вскинув балестру, охотник поймал в прицел ближайшую птицу и спустил рычаг. Выстрел вышел удачным – с жалобным криком подбитый фазан рухнул в кустарник. Остальные, отлетев чуть в сторону, опустились на землю, предпочитая спастись бегством.

Уго потянулся к мешочку с глиняными шариками на поясе, без лишней спешки оттянул тетиву и вложил новый снаряд. Ушли так ушли. Суетиться нет смысла. Охота только началась, гончая еще не раз выследит и поднимет птицу.

Из кустов вынырнула квадратная брылястая морда. Умница Фьюта сама, не дожидаясь приказа, разыскала и приволокла оглушенную птицу. Гончая несла добычу аккуратно, как учили – лишь прижимая зубами, но не прокусывая. Кто утверждает, что блауханд не подходит для охоты на птицу, тот не видел Фьюту в деле. Уго не променял бы свою любимицу и на свору легавых.

Охотник аккуратно высвободил тушку из пасти. Фазан еще дышал, переливались красным и золотым перьями на солнце. Королевская дичь.

Он вцепился в тельце, ощущая под мягким покровом перьев теплую, полную жизни плоть, и почувствовал, как сбилось дыхание. Ощущение чужой беспомощности странно возбуждало.

Как всегда.

Мягко, почти нежно Уго взял добычу за голову и свернул фазану шею. Возбуждение усилилось.

В следующий раз надо будет сделать это медленнее. Или сначала сломать птице лапы?

Посвященная говорила, что у него хорошие данные, чтобы принять в себя дар Хозяйки, но их надо развивать. Развитие включало в себя и такие вещи... вещи, после которых Уго чувствовал себя на подъеме. От них было приятно и стыдно. И чем стыднее, тем приятнее.

Как тогда, когда он до смерти избил бродягу.

Он остановился, вспоминая жалобные крики, смачные звуки ударов дерева о плоть. Позже он отбросил палку и бил ногами и кулаками, бил до боли, с наслаждением ощущая беззащитную мягкость живота, смотрел, как подкованные сапоги оставляют кровавые следы на тощем теле, слушал, как трескаются и ломаются ребра...

Это было ужасно и... восхитительно.

Ни охота, ни забой скота, ни наказание челяди никогда не давали подобного острого наслаждения. Он едва вытерпел до Ува Виоло, от плотского желания было больно сидеть в седле. Добрался до ближайшего борделя, взял первую попавшуюся шлюху, не обращая внимания, насколько она страшна.

И долго потом воспоминание о содеянном приходило, окатывая тело волной возбуждения и стыда.

Труп бродяги, конечно, нашли. Посудачили из-за зверского убийства, но особого шума не было. Решили, что нищего попрошайку прикончили его же дружки. Это вдохновляло, но

повторять Уго не решался. Дар Хозяйки привлекал его почти настолько же, насколько пугал. Достаточно взглянуть на посвященную, чтобы усомниться, нужно ли оно Уго...

И все же дар манил, обещал силу, власть и возможность занять в мире место, которое полагалось Уго по праву, но которое у него отобрали.

Память звала пойти дальше и вспомнить все, что они с братьями творили недавно во славу Хозяйки. Воспоминание, от которого к чреслам мгновенно прилиwała кровь, а по всему телу прокатывалась приятная вождедеющая слабость. Уго сглотнул и приказал себе не думать об этом.

Позже. Когда вернется с охоты и зайдет в заведение матушки Габриэллы. У нее как раз появилась пара новых девочек.

Он подвесил тушку к поясу и посвистел гончей. Фьюта повела носом и пошла рыскать по кустарнику. Охотник направился за ней следом по звериной тропе.

Лиса выскочила неожиданно. Мелькнуло перед глазами рыжее, в белых подпалинах пятно, Уго толком и прицелиться не успел, пальнул от живота, почти наугад.

И попал.

С жалобным повизгиванием плутовка бросилась прочь, припадая на одну лапу. Охотник азартно припустил следом за добычей, выкрикивая Фьюту. Тявканье гончей из-за спины словно придало жертве сил. Рыжей молнией зверек метнулся в непролазные кусты. Повинуясь командам хозяина, сука устремилась за пушистой красоткой, оглашая предгорья залившим лаем.

Охотник сбавил ход. Звонкий голос суки разносился в воздухе. Бладхаунд будет преследовать лису, пока не настигнет, недаром Фьюта – лучшая гончая на псарне Риччи. Она догнала бы добычу, даже будь та здоровой, а уж взять подранка с перебитой лапой сумеет без труда.

Жаль, порвет. Но если повезет и Уго поторопится, лиса еще будет дышать.

Здесь лес рос куда реже, и он ускорил шаг, пробираясь меж кустов на песий лай. Голос Фьюты звучал совсем рядом. Внезапно лай сменился жалобным взвизгом. Уго перешел на бег. Деревья расступились, открывая взгляду залитый солнцем горный склон в проплешинах серых камней и скал.

Он увидел Фьюту почти сразу. Гончая припадала к земле, поскуливала и глухо ворчала, не решаясь напасть. Уго проследил за ее взглядом и вздрогнул. Под раскидистыми ветвями каштана стоял тот самый северянин, что совсем недавно гостил в доме герцога Рино, а потом внезапно и спешно уехал недели две назад.

Тот самый, что унизил Уго на глазах у дрянной гордячки.

Маг. Маг по рождению.

С того дня Уго избегал появляться в окрестностях Каstellо ди Нава и смотреть в бесстыжие манящие глаза Франчески.

Все казалось, что девка вспоминает его унижение и смеется.

От этой мысли хотелось выть и скрежетать зубами.

Франческа Рино. Ведьма! Проклятая ведьма, что приворожила Уго. При мысли о ее губах, о ее теле он становился больным. И возбуждение, что обычно приходило лишь после насилия, накатывало вдруг само собой, только от желания обладать наглой родовитой сучкой. Порвать одежду, намотать волосы на кулак, швырнуть на колени. Чтобы смотрела снизу вверх, покорно и кротко.

Джованни рассказывал – папаша Рино любит поучить дочурку разуму с помощью розги. Уго отдал бы половину состояния, чтобы хоть раз увидеть, как герцог делает это. А уж сделать самому, как он порой поступал с бордельными девками...

Герцогская дочка – не смазливая пейзажка, ее не завалишь так просто. И он пытался по-хорошему. Пытался понравиться. А ведьма смеялась. Смеялась и флиртowała с магом, унижившим Уго.

Из-за того унижения он уже почти решил принять дар Хозяйки. Чтобы отомстить. И чтобы никогда ни один выскочка, одаренный магической силой, не посмел так нагло вести себя в присутствии Уго. Чтобы уважал. Вставал, когда Уго входит. Вставал и кланялся. Чтобы отводил взгляд и затыкал свой поганный рот...

Чтобы боялся.

– Ты не это ищешь? – спросил маг. Он держал трупик лисы на весу за задние лапы, любуясь тем, как солнце играет на рыжем мехе. – Кто же бьет пушнину осенью? Плешивый мех, дешевка.

И в доказательство своих слов выдернул изрядный клочок шерсти со спины зверя.

Уго сжал кулаки и зарычал. С каким бы удовольствием он сейчас ударил северянина, подпортил смазливое личико, разнес нос в кровавую кляксу, вогнал обратно в глотку эту самоуверенную усмешку...

Он знал, что не сделает этого.

Потому что боялся.

Это неправильно. Так не должно быть. И так не было долгое время. С детства. Когда он решил, что другие должны бояться Уго. Уважать и бояться.

И они боялись.

Пока не пришел северянин.

– Это моя добыча, – глухим от ярости голосом произнес Уго.

– никоим образом не посягаю на ваш облезлый и блохастый трофей, сеньор. – В готовности, с которой маг протянул трупик, Уго почудилось что-то зловещее.

Ярость неожиданно ушла, сменившись страхом. Северянин же уехал? Или только сделал вид? Зачем маг здесь, где нет никого, кроме Уго и Фьюты? Гончая – верный друг, но она не сможет ни защитить хозяина, ни рассказать правду о его гибели.

Он подошел, с опаской поглядывая на врага, стиснув зубы от унижения, принял из его рук добычу. В лезущей от линьки шерсти копошились насекомые. Захотелось выкинуть трупик и вымыть руки.

– Ты следил за мной?

– Следил? Помилуйте, сеньор Риччи, с чего бы мне заниматься такой ерундой? – насмешливо протянул маг.

– Я думал, ты уехал.

– Я вернулся. Понял, что нет ничего милее и краше этих мест, – с чувством продекларировал враг. – А заодно вспомнил, что все собирался вернуть тебе одну вещицу.

В руках северянина блеснула серебряная Звезда, и Уго отшатнулся.

– Это не мое, – хрипло сказал он, все еще сжимая в руках трупик лисы.

– Да нет же, приятель, ты обронил это во время нашей последней встречи. Ну же! Постарайся, уверен, у тебя получится вспомнить!

Уго и так помнил. Он обронил Звезду во время драки, когда маг унижил его перед высокомерной дрянью, сестрой Джованни. Шлюхой, готовой лечь под безродного плебея, но посмевавшей смеяться над Уго.

Он не сразу обнаружил пропажу. И долго боялся, что Звезда попадет в руки храмовых дознавателей, а те придут к отцу задавать вопросы. Потом расслабился, решил, что обошлось.

Не обошлось.

– Знаешь, что означает эта звездочка? – с обманчивой доброжелательностью продолжал маг.

– Нет, – буркнул Уго. Надежда, что встреча действительно случайна, стремительно таяла.

– Хаос Предначальный. Один из главных символов Черной. Обычно его используют культисты. Ну, знаешь, хаосопоклонники. Такие смешные ребята, которые собираются ночами в местах с дурной славой, чтобы нарядиться в балахоны и спеть дурацкие гимны.

– Мне это неинтересно.

– Ну да, конечно. С чего бы добропорядочному квартирианцу интересоваться культом Чиннамасты? Значит, это не твоя безделушка? – Глаза северянина смеялись.

– Нет, – Уго почувствовал, как крупные капли пота поползли вниз по позвоночнику. Он ненавидел этого человека, но сейчас куда сильнее ненависти был страх. С беспомощной досадой он перевел взгляд на балестру в своей руке. Игрушка, глиняные пули. Ничего не стоит против человека. Был бы аркебуз¹⁰...

И разве поможет аркебуз, если враг прибегнет к магии, как в прошлый раз?

Дар Хозяйки, и только он, сможет защитить Уго раз и навсегда.

– Ну ладно, тогда, пожалуй, отнесу это в храм на неделю. Пусть дознаватели разбираются, кто владец висюльки, – маг отвесил шуточный поклон. – Приятно было пообщаться, сеньор Риччи. Хорошей охоты.

Уго проводил северянина взглядом, потом посмотрел на тушку лисы в своей руке. Пальцы с такой силой смяли тонкие косточки, что те сломались с жалобным хрустом. С внезапной яростью Уго замахнулся и ударил тельце о камень.

Плеснувшие на лицо кровавые брызги привели его в чувство. Он свистнул Фьюте и заторопился. Надо было звать посвященную и братьев. Немедленно!

Франческа

Уже поздно, надо бы готовиться ко сну. Огонь свечей дрожит на невесть откуда взявшемся сквозняке, прыгают пятна теплого света, пляшут на пожелтевших страницах в мурашках черных буковок. Ужасно скучная книга – от сухого и нудноватого языка клонит в сон, герои кажутся горсткой паяцев. Бумажные куклы, бумажные страсти.

Я несправедлива к автору. Не роман скучен, но мои мысли далеки от подвигов славного сэра Тристана.

Как можно думать о книгах, как вообще возможно думать о чем-то ином, кроме моего открытия?

Знаю, что стала страшно рассеянной, это подметила даже сеньора Скварчалупи. Бьянка хихикает, делает большие глаза и рассуждает о том, как укрепляет разлука истинные чувства. Я не спешу оспорить слишком прозрачные намеки.

Пусть считают, что я влюблена и страдаю в разлуке. Так безопаснее.

Истинная причина моих тревог влетает в комнату и с требовательным писком кружит под потолком.

Венто. Я по-прежнему зову его Венто. Слишком странно называть стрижа Риккардо даже в мыслях.

Но я знаю его настоящее имя.

И не знаю, что делать с этим открытием. Как случилось, что Риккардо стал черным стрижом? К кому мне обратиться за помощью? Никто никогда не поверит в эту безумную историю. Я бы сама ни за что не поверила.

Так бывает только в сказках.

¹⁰ Аркебуз – тяжелый арбалет, имеющий ствол и предназначенный для метания пуль.

– Что случилось? – спрашиваю я у птицы и высыпаю из шкатулки нарезанные кусочки бумаги с начерченными на них буквами.

Так мы общаемся. Я задаю вопросы, он собирает ответы из букв. Поначалу я надеялась таким образом убедить отца. Показать ему, что душа Риккардо живет в птице. Но потом вдова Скварчалуپی застала нас за этим занятием и сказала, что я «хорошо натаскала» своего питомца. И я поняла – не выйдет. Никто не поверит. Нужны иные, серьезные доказательства.

– Что случилось, малыш? – повторяю я, раскладывая буквы, но стриж не спешит составлять из них слова, словно позабыл о нашей придумке.

– Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

Он падает мне на плечо. Это означает согласие.

Я иду по ночному коридору за крылатым проводником. Темно, безлюдно, замок спит, спят слуги. Должно быть, от этой тишины и безлюдности я ощущаю, как в груди нарастает безотчетная тревога, и уже понимаю – случилось или вот-вот случится что-то плохое.

Мы спускаемся в подвал Кривавой башни. Там темно и тихо. И пусто.

– Риккардо? – зову я, уже понимая, что никто не откликнется.

Откликается Венто. В его голосе я слышу плач и просьбу о помощи.

– Ты знаешь, куда увели Риккардо? Покажешь мне?

Он приводит меня на конюшню. Как жаль, что я не догадалась захватить плащ! По Вилессам гуляет октябрь – если днем еще тепло, то ночи сыры и промозглы. Но что-то в поведении стрижа говорит – нет времени возвращаться в комнату. Медлить нельзя.

Повезло хотя бы, что на конюшне никого, кроме конюха, который спит в углу на стого сена.

Страшно ехать куда-то одной, на ночь глядя, но разве можно поступить иначе? Брат рассчитывает на меня! Он ждет помощи и он совсем один. А все потому, что я – трусливая дрянь. Испугалась, что мне не поверят, и даже не пыталась убедить хоть кого-то в своем открытии.

Воровато оглядываясь, седлаю Звездочку и стараюсь не думать, как покину замок.

Все получается само собой. На внутренних воротах отчего-то нет стражи, внешние приоткрыты, караул бессовестно дрыхнет. Так-то радетьельно они несут службу! И за что отец только платит им жалованье, если любой может войти или выйти из замка ночью?

Когда вернусь, непременно скажу отцу. Пусть накажет лентяев.

Ночь смотрит в спину голодными глазами, она глубока, как воды горного озера, холодна и тревожна. Долгий путь по горным тропам. Венто упрашивает поторопиться, но страшно гнать лошадь в темноте. Я не лучшая наездница.

Дорога приводит к храму Последней битвы. Спешиваюсь. Снизу октагон, как уродливый вырост на теле холма.

Зачем я здесь одна? Разве не разумнее пойти к отцу, поднять тревогу?

Разумнее, но я боюсь. Боюсь услышать в ответ, что это не мое дело. Любой, кто хоть немного знает моего родителя, первым делом предположил бы, что Риккардо увезли по его приказу.

Снова и снова убеждаю себя, что отец здесь ни при чем, что он не причинил бы вреда брату, не важно, безумен тот или нет. Убеждаю и сама себе не верю.

Если эти страхи оправданны, смогу ли я хоть как-то помочь Риккардо? Не знаю.

Оставляю лошадь и поднимаюсь по еле заметной тропке. Подол намок от росы, одуряюще пахнет дудником, и восьмиугольная громада встает мне навстречу чернильно-черным силуэтом на фоне неба в искрах звезд. Невольно вспоминаю слова Элвина, что раньше здесь было святилище Черной. Стриж дрожит на плече. Мне кажется, я слышу, как бьется его сердечко.

Из-за дубовой двери, окованной медью, доносятся голоса, выводящие гимн во славу Гайи. Слов не разобрать, но узнаю мелодию и облегченно выдыхаю. Гимн встающему солнцу. Странно слышать рассветные пения в ночной тиши, когда время последней службы давно миновало, но как-то легче от того, что внутри добрые квартирианцы.

Я налегаю на тяжелую створку, и она поддается. Сначала неохотно, а потом резко. По инерции вбегаю внутрь и лишь потом оглядываюсь.

О боги! Помогите, спасите и направьте!

Помещение изнутри озарено сотней свечей, язычки пламени колышутся, шевелятся тени. Святилище тонет в душном и тревожном запахе трав, воздух так густ, что можно черпать ложкой. Прямо передо мной, по центру храма, невесть откуда взявшийся алтарь. Вокруг него пятеро неизвестных в лиловых балахонах, лица скрыты капюшонами, но не это важно.

Я смотрю только на своего безумного брата.

Он лежит на жертвеннике, как гусь на праздничном блюде, ожидая своей очереди отправиться в печь. Волосатый, костлявый, руки и ноги растянута веревками в разные стороны, даже издали можно пересчитать все ребра.

Под сводом храма гремит а капелла рассветного гимна. Узнаю мелодию, но слова – полнейшая тарабарщина. Сотни мыслей проносятся в голове за секунду. Что происходит? Что они делают? Зачем? Риккардо...

Вдруг подмечаю, что Риккардо полностью обнажен, и невольно краснею. Нашла из-за чего переживать! Как будто это сейчас самое важное!

А незнакомцы в балахонах обрывают гимн, чтобы обернуться ко мне. Бесконечно долгая немая сцена.

Надо что-то сделать.

Что именно?

Пронзительный женский крик «Взять ее!» прерывает тягостное ожидание. Он как сигнал «Беги!».

И я бегу.

Я бегу, бегу обратно по склону холма, туда, где оставила лошадь. Оступаю впотьмах, падаю, кувырком лечу вниз, прикрывая руками голову, больно ударяюсь о камни.

Мучительный спуск прекращается у подножия. Пытаюсь подняться, цепляясь за стебли дудника. Как в ночном кошмаре – отчего-то движения так медлительны, так неспешны, пальцы соскальзывают с мокрой от росы травы, ноги подламываются, и никак не встать.

Выпрямляюсь. Тело непослушное, словно чужое. Не бегу – ковыляю, еле-еле, мухой в киселе.

Дрожат колени, мороз в животе.

Они налетают, когда до лошади остается всего пара футов. Первый хватает, сбивает с ног, наваливается сверху всем весом. Надо вырваться, надо сбежать, предупредить отца...

Почти получается вывернуться, когда на подмогу врагу приходит второй преследователь. Что я могу сделать против двоих мужчин? Они скручивают мне руки за спиной, пока я бессмысленно дергаюсь, выкрикивая глупые угрозы:

– Немедленно отпустите меня! Вы не знаете, кто я! Мой отец вас повесит!

Чья-то рука вцепляется в волосы:

– Вставай, шлюха.

Снова путь наверх, обратно в оскверненный храм. Не сон ли это? Как может твориться такое в часе езды от Каstellо ди Нава, в сердце владений моего отца? В храме, где мы с Лоренцо справили брачный обряд, призвав в свидетели небеса и землю, огонь и воды...

Порождения ночного бреда затаскивают меня внутрь, чтобы швырнуть на колени у алтаря. Перед глазами подрагивает впалый, покрытый синяками живот Риккардо. Отвожу взгляд.

Двое врагов меж тем начинают спорить, и я окончательно убеждаюсь, что это сон.

Потому что узнаю голоса.

– О, Хозяйка! Откуда она здесь? – первый испуган и ошарашен, он даже слегка заикается.

– Потаскуха следила за тобой!

Резкое «Не называй ее так!» над головой и чуть позже полное отчаяния «Что же делать?!».

– Да ясно, что...

Нет. Это не может быть правдой! Я не хочу, чтобы это было правдой!

Вздергиваю голову. Взгляд мечется с одного лица на другое. Я знаю их. Знаю всех этих людей!

– Ри... Риккардо?! – от растерянности я называю брата тем именем, под которым знала многие годы. – Это ты?!

Он отшатывается.

– Я не могу, – беспомощно произносит Джованни-Риккардо. – Она моя сестра.

– Она следила за тобой! Она нас выдаст.

– Альберто... – шепчу я. – Уго? Орландо? Это правда вы?

Друзья брата виновато отводят глаза, а Риччи смотрит безумным голодным взглядом, от которого становится страшно.

– Сама пришла. Это воля Хозяйки.

Порываюсь встать, но руки на плечах тяжело вдавливают в пол. Саднит ушибленное колено.

– Так нельзя... – возражает мой заступник. Возражает нерешительно. Словно сам себе не верит.

– Уго прав. – Отчего-то я совсем не удивляюсь, когда пятый изувер откидывает капюшон, чтобы показать миру ящероподобный лик Изабеллы Вимано. – Мы говорили сегодня про нее, и вот она здесь. Одна. Это воля Хозяйки.

Мысли путаются в голове, с трудом понимаю, что происходит. Все слишком подлинно для кошмара и слишком дико для реальности. Пытаюсь поймать взгляд брата. Тот качает головой и отворачивается.

– Она нас видела, – голос Альберто полон смущения.

– Следила, гадина, – добавляет Орландо. В его глазах страх.

Они боятся меня – связанную и беспомощную. Наверное, не зря. Я достаточно слышала от Элвина про культ Черной, чтобы понять, зачем они здесь и что собирались сделать с Риккардо.

Поэтому я боюсь их не меньше.

– Я никому не ска... – Хлесткий удар по губам заталкивает назад несказанную речь.

– Молчи, – велит сеньора Вимано. И добавляет, обращаясь к сыну: – Ты знаешь правила, Джанни.

– Это же Фран. Моя сестра, – с упрямой безнадежностью твердит Джованни.

И без того уродливое лицо женщины искажает гримаса ярости:

– «Сестра»? Это дочка Камиллы. Такая же высокомерная стерва. Ты всегда будешь для нее бастардом и грязью.

– Нет. Я не... – Острый нос ее туфли с размаху врезается в живот, заставляя замолчать. Больно! Под потолком исходит криком Венто, но что может сделать птица?

– Все равно, – говорит Джованни. – Она никому не скажет. Ты ведь будешь молчать, Фран? Правда?

Я отвечаю «Да», зная, что лгу. Как можно ответить что-то иное, когда твои руки связаны, а сама ты стоишь на коленях в храме Черной Тары и пятеро служителей Хаоса решают твою судьбу?

– Она не будет молчать, – властно говорит Изабелла Вимано. – Ты знаешь это, мой мальчик.

Спор затягивается. Я снова пытаюсь сказать хоть что-то в свое оправдание и защиту, но встречаю побор и окрики. Служанка сует мне в рот несвежий носовой платок. Еле сдерживаюсь, чтобы не укунить ее за пальцы.

Брат снова защищает меня. Так же, как защищал всегда от отца. Но их слишком много: справа, слева, сзади наперебой голоса. Властный – его уродливой матери. Трусливые и дрожачие – Орландо и Альберто. Давят, требуют моей смерти. Джованни почти готов сдаться.

Озираюсь в поисках пути к спасению и не вижу его. А потом Уго подает голос:

– Отдай мне Франческу. В жены. Она будет молчать, я прослежу.

– А что – хорошая идея, – говорит Джованни. И вопросительно смотрит на мать.

При чем здесь Джованни, разве ему решать, чьей женой я стану? Отец никогда не согласится отдать меня Риччи, так зачем Уго просит брата?

К горлу подкатывает тошнота, потому что я догадываюсь, каков будет ответ на этот вопрос.

Они так уверены, что Джованни теперь хозяин в Кастелло ди Нава, потому что отцу недолго осталось. Не для того ли сегодня в храме служба во славу Черной Тары?

Меня никто не спрашивает, но я мычу и часто киваю, показывая всем своим видом, что согласна. Смотрю на Уго снизу вверх, пытаюсь выглядеть соблазнительной, что уже смешно, когда стоишь на коленях, в волосах стебли травы, а рот заткнут грязной тряпкой.

Не хочу, не имею права умирать! Если нужно – солгу, если нужно – выйду замуж за Риччи. Хоть сейчас и прямо здесь, коль скоро они того пожелают.

Я вытерплю даже брачную ночь с Уго, но он глупец, если надеется, что брак заставит меня замолчать или забыть.

Никогда не забуду и не прошу ни этого храма, ни брата на жертвенном алтаре, ни смерти отца. Я отомщу. Но чтобы суметь сделать хоть что-то, сначала нужно выжить.

Мужчины ждут, на лице сеньоры Вимано отражается раздумье, а затем она скалит желтые зубы в неприятной улыбке.

– Запри дверь, Джанни. Покажем ей истину? – ласково предлагает она. – Пусть дочка Камиллы станцует с нами во славу Змея и Паучихи.

Я не сразу понимаю, что означают эти слова.

Элвин

Неловко признавать, но чуть было не упустил их.

Сначала все шло по плану. Сразу после нашего разговора ухажер Франчески помчался домой с таким очумелым видом, словно за ним гнались все твари Изнанки разом. Я не преследовал его – слишком рискованно, но расчет оправдался – Риччи отправился в город, а не напрямиком к кому-то из старших иерархов. Или как там называют друг друга служители Тары?

Я опередил его всего минут на пять. Стоило войти в номер и занять место у окна, как внизу замаячил знакомый малиновый ток¹¹ и послышался лай гончей.

¹¹ Ток (*франц.* toque) – головной убор, шляпа или шапочка без полей.

Расположившись в кресле, я настроился на ожидание. С выбранного наблюдательного пункта открывался превосходный вид на городское гнездышко семейства Риччи. Прямо скажем, это было не особо привлекательное зрелище. Кондовая каменная коробка о двух этажах из серого камня с кучей мелких окошек и крыша, крытая красной черепицей. Никаких тебе колонн, пилястр, террас или балконов. Дешево и сердито.

Я пообедал, не отходя от окна. Понаблюдал посыльных, спешно покинувших особняк через черный вход. Насчитал троих. Мало. Неужели это все местные хаосопоклонники? Обычно они предпочитают кучковаться пятерками или восьмерками.

Мысль о панике, которую развел Риччи, собирая культистов, развлекала. Можно было нанять пару бездельников и проследить за его слугами, но я решил не заниматься ерундой. Куда проще накрыть всю компанию в сборе и на месте преступления.

Шло время. Давно стемнело, а мой подопечный так и не покинул дом. Из опасений упустить его в сумерках я даже послал соглядатя следить за входом. Безрезультатно.

Этому могло найтись простое объяснение. Скажем, культисты решили встретиться завтра. Почему? Да мало ли какая причина. Обряды и ритуалы привязаны к астрологии – может, завтра звезды особо расположены к слугителям Черной.

Или я просто зря обольщался, и у меня вовсе не вышло напугать любителей хорового пения до нервного тика.

Суетиться при охоте – последнее дело, но неприятное чувство, что я упустил что-то важное, не отпускало. Никогда не любил сидеть в засаде.

Время убегало, а паскудное предчувствие только усиливалось. Особняк напротив погрузился во тьму и безмолвие, лишь на первом этаже в окнах мелькал отсвет лампы. Продолжая еще час, я плюнул на здравый смысл и отправился требовать встречи с Уго.

Сонный слуга поначалу блял что-то про позднее время и хозяина, который не велел беспокоить. Я дал ему две попытки, а на третью подвесил за шею, захлестнув горло магическим кнутом.

– Так что насчет проводить меня к сеньору Риччи? – поинтересовался я, наблюдая за «пляской висельника» в исполнении лакея. – Или продолжим уроки левитации?

Его лицо побагровело, из раскрытого рта вырвался нечленораздельный хрип. Я предположил, что это означает прилив искренности, и отпустил бедолагу. Повторять не потребовалось – слуга оказался понятливым малым. Он честно признался, что сеньор Риччи уже несколько часов как покинул особняк, повелев передавать всем посетителям, буде такие появятся, что очень устал и не велел беспокоить.

Тайный ход! Кто мог ожидать, что в этом невзрачном домишке имеется тайный ход? И что Риччи не преминет им воспользоваться?

Мысленно обругав себя идиотом, вслух я только выразил надежду, что никто из обитателей особняка не примет близко к сердцу мою горячность и не станет поднимать шума по поводу позднего визита.

– Ну что вы, ваше сиятельство, – пробормотал лакей, мимоходом наградив меня графским титулом. – Какой шум, нешто случилось что?

Понятливый парень.

Ситуация дурно пованивала. По всему получалось, что я упустил возможность взять культистов из Рино на горячем, а это означало, что придется возвращаться в Церу и искать другие зацепки безо всякой надежды на успех.

Более того, если я хоть что-то понимаю в людях, как раз сейчас местные хаосопоклонники заняты тем, что усиленно избавляются от меня. Насылают болезнь, порчу или призывают какую-нибудь особо мерзкую тварь. И лучше бы разобраться со всем этим до того, как события окончательно выйдут из-под контроля.

А ведь отличный был план – проследить за Риччи и накрыть разом всю компанию. Допросить про ритуал в гробнице, собратьев из других городов. В том, что банда, учинившая кровавую баню в Цере, не ограничивается Уго Риччи и тремя его друзьями, я не сомневался.

Все упиралось в безделицу – я понятия не имел, где находится тайное убежище культистов.

Мысль о бывшем храме Черной Тары пришла, когда я седлал лошадь.

Франческа

Можно согласиться и купить жизнь ценой жизни брата.

Можно отказаться и разделить с ним алтарный камень.

В детстве нянька рассказывала легенды, как к разным людям приходили отродья Черной, чтобы выменять душу на богатство или иные блага. Могла ли я тогда подумать, что и мне будет предложена подобная сделка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.